

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2018

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 15, № 3

осень

2018

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 34

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Л.В. Горяева.* «О Малаккской крепости» (отрывок из мемуаров Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши). Предисловие, перевод с малайского, примечания **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев.* О слове $\chi\omega\kappa\bar{\iota}$ ($\lambda\omicron\upsilon\tau\rho\acute{o}\nu\eta\eta\ \beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\iota\sigma\mu\alpha\eta$) в *2СлСиф* 58.15–16 (*ННС VII.2*) и о раннехристианском «крещении» вообще. Часть 3 **16**
- Ю.А. Иоаннесян.* «Архаичный» глагольный суффикс в диалектах Хорасана **37**
- В.М. Рыбаков.* Правовые аспекты охраны государственной границы в танском Китае **43**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.И. Колесников.* Сасанидский след на персидских миниатюрах XIV–XV вв. **56**
- О.В. Лундышева.* Ксилографическое издание *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* из Хара-Хото: палеографический анализ **81**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- И.В. Зайцев.* Османский бумажный штемпель в рукописях из Лейдена и Новосибирска **91**
- К.К. Курдоев.* Тексты на говоре заза района Батуми. Предисловие, публикация, примечания *З.А. Юсуповой* **96**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.* Всероссийская междисциплинарная научная конференция с международным участием «Российские гималайские исследования: вчера, сегодня, завтра» (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2017 г.) **122**
- Т.А. Пан.* 3-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 1–2 марта 2018 г.) **126**
- И.В. Кульганек, Т.А. Пан.* Академик В.П. Васильев (1818–1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения (Санкт-Петербург, 4 апреля 2018 г.) **129**
- Е.В. Гусарова.* Юбилейная сессия петербургских арабистов — 40 лет на страже арабистической науки (Санкт-Петербург, 9–11 апреля 2018 г.) **132**
- О.М. Чунакова.* Фрейманские чтения–2018 (Санкт-Петербург, 23 мая 2018 г.) **138**

РЕЦЕНЗИИ

- Алаев Л.Б.* *Историография истории Индии.* Изд.-е 2-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАРД, 2018. — 400 с. (*Е.П. Островская*) **142**
- Концевич Л.Р.* *Словарь географических названий Республики Корея: справочное пособие / Л.Р. Концевич; Ин-т востоковедения РАН.* — М.: Наука — Вост. лит., 2018. — 733 с., карты-схемы (*Ю.В. Болтач*) **148**

На четвертой стороне обложки:
иллюстрация из альбома «Жизнеописание бессмертных» (*Ле сянь чжуань*)
из коллекции ИВР РАН, шифр Н 56

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Volume 15, No. 3
autumn
2018

Founded in 2004
Issued quarterly
Issue 34

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Dr. Sci. (History), Prof. (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Secretary **Elena V. Tanonova**, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Svetlana M. Anikeeva, Cand. Sci. (Philology) (Nauka–Vostochnaya Literatura Publishers, Moscow)

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of RAS, Ulan-Ude)

Hartmut Walravens, Professor (Staatsbibliothek zu Berlin, Germany)

Vladimir I. Vasiliev, Corresponding Member of RAS (RAS, Moscow)

Olga V. Vasilieva (National Library of Russia, St. Petersburg)

Margarita I. Vorob'iova-Desyatovskaya, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Anatoliy P. Derevyanko, Member of RAS (Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, Novosibirsk)

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Ali I. Kolesnikov, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Alexander B. Kudelin, Member of RAS (Institute of World Literature, RAS, Moscow)

Karine G. Marandjian, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow)

Nie Hongyin, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology, CASS, Beijing, China)

Aliy I. Osmanov, Corresponding Member of RAS (Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala)

Stanislav M. Prozorov, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nicholas Sims-Williams, Professor (London University, Great Britain)

Takata Tokio, Professor (Kyoto University, Japan)

Sergei L. Tikhvinsky, Member of RAS (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow)

Nadezhda O. Chekhovich (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nataliya S. Yakhontova, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

- “On the Malacca Fort”. An Excerpt from the Memoirs of Abdullah bin Abdulkadir Munshi.
Introduction, Translation from the Malay Language and Commentary by **L.V. Goriaeva** **5**

RESEARCH WORKS

- Alexandr L. Khosroyev.** A Commentary on the Word $\alpha\omega\kappa\bar{\eta}$ (λουτρόν? βάπτισμα?)
in the “Second Logos of the Great Seth” 58.15–16 (*NHC* VII.2)
and Early Christian “Baptism” Generally. Part 3 **16**
- Youli A. Ioannesyan.** An Archaic Verbal Suffix in Khorasani Dialects **37**
- Viacheslav M. Rybakov.** The Legal Aspects of Border Control in T'ang China **43**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- Aliy I. Kolesnikov.** Sasanian Influence in Persian Miniatures of 14th and 15th Centuries **56**
- Olga V. Lundysheva.** A Xylograph of the *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* from Khara-Khoto: Palaeography **81**

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Ilya V. Zaytsev.** An Ottoman Paper Stamp in Manuscripts from Leiden and Novosibirsk **91**
- K.K. Kurdoyev.** Texts in the Zaza Dialect from the Region of Batumi.
Introduction, publication and commentary by **Zare A. Yusupova** **96**

ACADEMIC LIFE

- Tatiana V. Ermakova.** All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference
with Foreign Participance “Russian Himalayan Research: Past, Present, Future”
(St. Petersburg, November 21–23, 2017) **122**
- Tatiana A. Pang.** The 3rd All-Russian Scientific Conference of Young Orientalists
“China and the Neighbors” (St. Petersburg, March 1–2, 2018) **126**
- Irina V. Kulganek, Tatiana A. Pang.** Academician V.P. Vasiliev (1818–1900)
as an Explorer of Chinese, Tibetan and Mongolian History and Culture.
To the 200th Anniversary of His Birth. (St. Petersburg, April 4, 2018) **129**
- Ekaterina V. Gusarova.** The 40th Annual Session of St. Petersburg Arabists
(St. Petersburg, April 9–11, 2018) **132**
- Olga M. Chunakova.** Seminar in Memory of A.A. Freiman–2018
(St. Petersburg, May 23, 2018) **138**

REVIEWS

- Alaev L.B. *The Historiography of History of India*. 2nd revised edition.
Moscow: LENARD, 2018. 400 pp.
(**Helena P. Ostrovskaia**) **142**
- Lev R. Kontsevich. *Dictionary of Place Names of the Republic of Korea:
A Reference Book / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*.
Moscow: “Vostochnaya Literatura” Publishers, 2018. 736 pp., maps and ill.
(**Julia V. Boltach**) **148**

**«О Малаккской крепости»
(отрывок из мемуаров
Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши)**

Предисловие, перевод с малайского, примечания

Л.В. Горяевой

Институт востоковедения РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030019

Статья содержит исследовательское предисловие и перевод с малайского главы «О Малаккской крепости» из книги «История Абдуллаха», принадлежащей перу известного малайского автора — Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796/7–1854). В этой главе автор рассказывает о событии, свидетелем которого он стал еще подростком, — разрушении главной цитадели Малакки, крепости A’Famosa британскими властями в 1808–1809 гг. Он дает подробное описание этой постройки и обстоятельств, предшествовавших ее разрушению, а также последствий подрывных работ и жертв, которые они повлекли за собой.

Ключевые слова: Малакка, британская Ост-Индская компания, форт, голландцы, Пенанг, разрушение города, Раффлз, петиция, ворота Сантьяго, малайский язык.

Статья поступила в редакцию 03.07.2018.

Горяева Любовь Витальевна, канд. филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, РФ; 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12 (goriaeva@mail.ru)

© Горяева Л.В., 2018

Первая четверть XIX в. стала эпохой, когда соперничество Великобритании и Нидерландов за господство в регионе островной Юго-Восточной Азии достигло своего апогея. На протяжении веков едва ли не главным яблоком раздора между колониальными державами был портовый город Малакка, лежащий на пути из Индии на Дальний Восток и издавна привлекавший внимание европейцев своим местоположением. Первыми из них стали португальцы под предводительством Афонсу ди Альбукерки (1453–1515), стремившиеся взять под свой контроль индоокеанский рынок пряностей. По словам первого португальского посла в Китае Томе Пиреша, проведенного в Малакке четыре года, этот город «из всех стран мира был лучше всех прочих приспособлен для торговли» (Corteseo 1944: 286).

Захватив Малакку в 1511 г., португальцы разрушили старый малаккский форт вместе с находившимся за его стенами дворцом малайских султанов и заложили близ устья р. Малакка каменную крепость, получившую прозвание “A’Famosa” («Знаменитая»). К началу 1512 г. постройка была завершена. Невзирая на сопротивление местных мусульман, португальцы воздвигли крепость на руинах Большой Малаккской мечети. Камень для строительства доставляли с холма, где находились захоронения малайских султанов прошлого. На северо-западном углу крепости возвышался донжон — главная башня, которую португальцы именовали “Torre de Menajem” («Почет-

ная»). Две башни поменьше венчали углы форта с материковой стороны. Построенная на морском берегу, крепость в случае осады могла получать помощь со стороны кораблей, пришвартованных у ее стен (Graham 1962: 22–23).

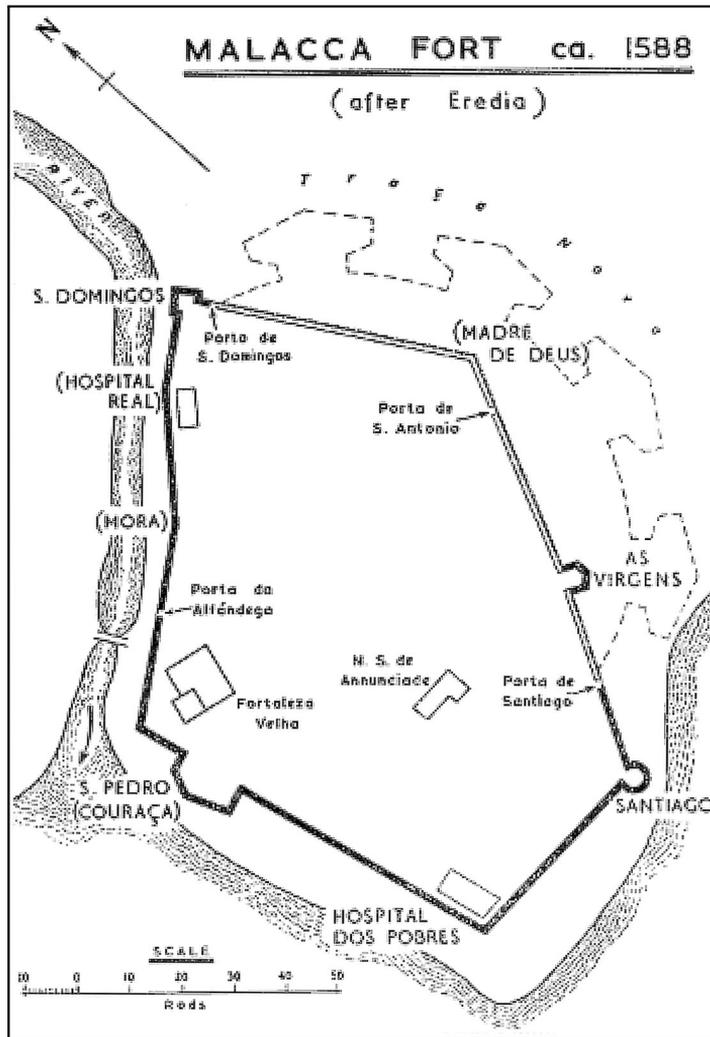
К 1588 г. Малакка уже была окружена городской стеной, и “A’Famosa” стала внутренней цитаделью. Со стороны моря и реки ее защищали заново построенные крепостные стены из камня. В центре северной стены, ближе к речному устью, возвышался бастион Сан-Педро, в ее конце — бастион Сан-Домингуш, в центре южной — бастион Сантьяго. Два последних бастиона соединял деревянный частокол, замыкавший территорию крепости с востока. Посреди него был воздвигнут четвертый каменный бастион — Ас Виргенс¹. В каждой из стен крепости были ворота, но открывались только те, что вели к мосту через р. Малакка, и те, что находились к востоку от бастиона Ас Виргенс (Ил. 1). Именно тогда Малаккская крепость обрела тот облик, который, почти не претерпев изменений, сохранялся вплоть до начала XIX в. (Graham 1962: 24–25).

В XVII в. Малакка становится ареной ожесточенного соперничества между португальцами и набирающей силу нидерландской Ост-Индской компанией, в результате чего в 1641 г. этот стратегически важный пункт переходит под власть голландцев. Однако взятие Малакки оказалось непростым делом из-за прочности фортификационных сооружений ее цитадели, которые, по словам очевидца, «соответствовали европейским стандартам», а также благодаря мощности артиллерии и боевым качествам гарнизона крепости, состоявшего как из европейцев, так и из местных жителей (Leure 1936: 13–17).

Полтора века спустя на смену голландцам пришли британцы, захватившие Малакку в 1795 г. силами небольшого отряда под командованием майора Брауна и капитана Ньюкома (Bassett 1961). Этому событию предшествовала произошедшая в январе того же года оккупация Францией ряда голландских заморских территорий. Обеспокоенная ростом влияния Франции в Азии, Великобритания пошла на ответные меры. Воспользовавшись тем, что законный наследник голландского престола граф де Мерон получил убежище в Англии, британцы принудили его направить голландским колониальным властям циркулярные письма, известные как The Kew letters. В них де Мерон приказывал своим подчиненным передать представителям Великобритании всю полноту власти на местах. Этот документ позволил британской администрации аннексировать целый ряд территорий, находившихся прежде в подчинении у голландцев (Ring, Watson, Schellinger 2012: 202).

Рубеж XVIII–XIX вв. стал новым поворотным моментом в истории Малакки. В соответствии с условиями Амьенского мира (1802) голландцы возвращали себе большую часть колоний, оккупированных британцами с 1795 г. Однако прежде, чем дошло до дела, разразилась новая война, и Малаккская крепость осталась у прежних хозяев. В 1805 г. ими было принято решение сделать своим главным форпостом о. Пенанг, расположенный в Малаккском проливе, в 300 милях от Малакки, и переместить туда торговые и финансовые учреждения, а также наиболее полезную для британцев часть местного населения. Предполагалось, что прочие жители Малакки также покинут город и уйдут в те места, откуда некогда прибыли они сами или их родители. Не останавливаясь на достигнутом, британцы решили стереть с лица земли малаккский форт, имевший к тому времени уже почти 300-летнюю историю. Тем самым юго-западный участок побережья Малаккского полуострова лишился какой-либо привлекательности для соперников Великобритании.

¹ Полное название — Onze Mill Virgens («Одиннадцать тысяч девственниц»). Его связывают с легендой о Св. Урсule и девах-мученицах из Кельна.

Ил. 1

Ликвидация форта была поручена тогдашнему британскому резиденту в Малакке Уильяму Фаркухару², встретившему это распоряжение с большой неохотой и предвидевшему немалые технические сложности при его исполнении. Свои возражения Фаркухар изложил в петиции, направленной начальству на Пенанг. Власти не согласились с его аргументацией, выразив недовольство самим фактом обращения к ним. В 1807 г. «на разрушение Малакки» была ассигнована сумма в три или четыре тысячи фунтов. Фаркухар, как и прочие обитатели Малакки — местные и европейцы, был против уничтожения всего города, но не сумел противостоять приказу о ликвидации форта (Boulger 1897: 60).

² Уильям Фаркухар (William Farquhar, 1774–1839) — британский колониальный чиновник, в 1803–1818 гг. — шестой резидент Малакки, впоследствии — первый резидент Сингапура (1819–1823).

Ил. 2

Свидетелем этого события стал одиннадцатилетний мальчик — уроженец Малакки и будущий писатель Абдуллах бин Абдулкадир (1796/7–1854)³. В то время он мог лишь издали наблюдать за происходящим и спустя почти четыре десятилетия подробно рассказал об увиденном в своих мемуарах. Абдуллах еще не знал, какую роль в судьбе Малакки сыграл его будущий патрон, предмет постоянного восхищения автора — прославленный британский колониальный администратор, легендарный основатель Сингапура Томас Стэмфорд Раффлз (1781–1826).

Первое знакомство Раффлза с Малаккой состоялось в 1808 г. Причиной тому послужили отнюдь не служебные, а личные обстоятельства: состояние здоровья Раффлза. Врачи рекомендовали ему морское путешествие и смену обстановки, и выбор Раффлза пал на Малакку, оказавшуюся в ту пору в центре внимания британской колониальной администрации. Его отпуск оказался кратким. Губернатор Пенанга — полковник Макалистер письмом отозвал его обратно на Пенанг под тем предлогом, что Раффлз как его секретарь был единственным из чиновников, уполномоченным вести переписку с Лондоном. Однако за время своего непродолжительного отпуска Раффлз успел изучить ситуацию в Малакке и приложил все силы, чтобы сохранить город. В своих посланиях, одно из которых было направлено генерал-губернатору Британской Индии, а другое — Совету директоров Ост-Индской компании, он убеж-

³ Более подробно о нем см. (Абдуллах 2016: 5–6).

дает адресатов, что уход британцев из Малакки принесет им не выгоду, а вред (Boulger 1897: 61–75). Аргументы молодого чиновника были услышаны, и власти отказались от идеи ликвидации всего города в целом. В некрологе памяти Раффлза, опубликованном в июле 1826 г. в журнале *The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle*, среди прочих заслуг этого незаурядного государственного деятеля подчеркивалось, что он «не допустил отчуждения Малакки от Британской короны» (*Gentleman's Magazine* 1826: 78). И, last but not least, вмешательство Раффлза помогло остановить окончательное разрушение форта, от которого донныне сохранились ворота Сантьяго — главная историческая достопримечательность города (Ил. 2).

О Малаккской крепости⁴

...Спустя некоторое время по Малакке разнеслась весть, что Англия собирается разрушить ее крепость. Чужеземцы, обитавшие в Малакке, не считали это простым делом. Один из них заметил: «При жизни нынешнего правителя такого не случится». Думали они так потому, что стены форта были крепки, сложены на славу из прочных камней, а само местоположение обеспечивало ему надежную защиту. Оттого им и представиться не могло, будто всё это может быть с легкостью разрушено. А чего только ни приходило людям в голову! Одни утверждали, что бедняки будут в прибыли: ведь им за разрушение форта заплатят. Еще кто-то заявлял: стоит лишь подойти к нему поближе — и многие падут замертво, ибо там обитает множество джиннов и шайтанов. А иные говорили: англичане — народ смысленный, потому и хотят разрушить крепость. Ведь если она попадет в руки другой нации, то, сколько ни штурмуй ее, — выстоит, ибо сооружена она основательно и заколдована.

Вот как выглядел Малаккский форт, который я обошел по внешней стене и внутри которого побывал. Стены сложены из темно-лилового гранита, иные блоки размером в маховую сажень, а иные в два локтя. Каменные блоки ровные и гладкие, словно отполированные. Слышал я, что их изготавливали китайские мастера-камнерезы, и было это при португальцах. Вот почему это место зовется и поныне Бату Пахат⁵.

Крепость имела небольшой уклон в материковую сторону. По внешней стороне ее окружала каменная стена. Крепость четырехугольная, с восемью бастионами⁶. Ширина бастионов — где десять, а где двенадцать-тринадцать маховых саженей. Во всех них были установлены пушки, а толщина стены по всей ее окружности составляла две с половиной сажени. У основания каждого бастиона находилось полностью оборудованное подвальное помещение, с колодцем и стойлом для лошадей. По стене была проложена дорога, по которой цитадель можно было обойти кругом. Через ворота бастионов можно было выйти наружу.

Крепостная стена возвышалась над землей примерно на десять маховых саженей. Говорили, что она уходит в землю на такую же глубину. Когда задумали ее разрушить и начали копать, я мог убедиться, что стена уходит вниз на семь-восемь саженей, и при этом основания ее еще не было видно.

У крепости было четверо ворот, главные выходили на широкий мост. В них была маленькая дверь, через которую могли проходить люди. После восьми часов вечера им

⁴ Перевод выполнен по изданию (Hikayat Abdullah 2008: 41–49).

⁵ Бату Пахат (Batu Pahat) — «резной камень».

⁶ Неточность: крепость имела форму неправильного пятиугольника. Подробное описание ее фортификационных сооружений см. (Bremner 1927).

полагалось пользоваться воротами, находившимися в десяти–пятнадцати саженях правее, через них доставлялись грузы и ездили конные экипажи. У тех и других ворот несли посменную стражу сипаи. Со стороны Букит Чина⁷ были небольшие ворота, а со стороны Бандар Хилир⁸ — еще одни, размером почти с главные ворота. Мостов было три: один, побольше, вел в саму Малакку, другие два были поменьше: один вел к Букит Чина, а другой — к Бандар Хилир. Они были устроены так, что каждая половина моста могла быть поднята. На ночь мосты разводились. Если воцарялась смута, начиналась война или что-то подобное, мосты также разводились. Крупным судам, входящим в устье реки, полагалось платить пошлину — как по пути туда, так и по возвращении.

Вокруг крепости был насыпан земляной вал в две сажени шириной. У его основания были врыты железные колючки, затем шел ров, по пять саженей в глубину и в ширину. Его можно было и заполнить водой, и спустить ее. Вода поступала через шлюз, расположенный у маленького моста со стороны Букит Чина, спускалась же она в море через [шлюз у] моста ниже по течению. По склонам рва был насажен падук⁹. Во рву обитало несколько крокодилов, водились сиякапы¹⁰, джумпулы¹¹, омары.

Над крепостной стеной на высоте двух саженей устанавливалась пушка, а рядом — «обезьянник», то есть будка для стражников-сипаев, таковые располагались и по всей окружности стены. После шести часов вечера доступ в форт прекращался, можно было находиться лишь за его пределами. В восемь раздавался пушечный залп, мосты разводились. Того, кто шел, не освещая себе дороги, задерживали, а в того, кто не отвечал на оклик, стреляли сверху, с крепостной стены. Ширина дороги, шедшей в обход крепости, достигала десяти–двенадцати саженей, и вела эта дорога к реке. Вдоль реки была насыпана дамба и посажены падуки на расстоянии шести-семи саженей один от другого, вплоть до малого моста.

Внутри Малаккской крепости есть холм умеренных размеров — ни слишком высокий, ни слишком низкий. На его вершине стоит голландская церковь, прежде бывшая португальской. Когда власть перешла к голландцам, это стала их церковь. Под храмом находится усыпальница, где голландцы погребали своих покойников. Саму Малаккскую крепость построили португальцы, я понял это, увидев портрет ее создателей на внешней стороне ворот, европейцев с виду¹². Это был барельеф, выполненный из известняка, [с фигурами по бокам] высотой меньше человеческого роста¹³. Это изображение и поныне возвышается над воротами, обращенными в сторону Бандар Хилир, а то, что смотрит в сторону Малакки, разрушено по приказу господина Фаркухара. Церковь, что на холме, носит португальское имя Сан Паоло. Недалеко от нее разбит сад, принадлежащий Компании. Прекрасно всё, что растет в нем: и плодовые деревья, и цветы, и всевозможные овощи. Есть там и колодец в сотни саженей глубиной, а сколько точно, мне неизвестно. Он такой глубокий, что воды и не видно. Если бросить туда камень, то лишь спустя мгновение услышишь звук [падения камня в воду]. За пределами сада есть еще колодец, такой же глубокий. Рядом с холмом

⁷ Букит Чина (Bukit Cina) — квартал к северу от крепости, где с XVII в. находится старейшее из сохранившихся в мире традиционных китайских кладбищ.

⁸ Бандар Хилир (Bandar Hilir) — квартал к востоку от крепости.

⁹ Падук — дерево *Pterocarpus indicus*, известное своей устойчивостью к влаге.

¹⁰ Сиакап, *тж.* белый морской окунь — род пресноводных и морских хищных рыб *Lates calcarifer*.

¹¹ Джумпулы — вид морской рыбы *Mugil planiceps*.

¹² В тексте: Nasrani — «христианин». На самом деле барельеф был установлен голландцами, овладевшими Малаккой в 1641 г. и поместившими над воротами Сантьяго это изображение, также содержащее герб с аббревиатурой VOK — Verenigde Oostindische Compagnie (Объединенная Ост-Индская компания) и дату — 1670.

¹³ В тексте: sebesar budak — букв. «ростом с отрока».

возвышается красивейший дворец правителя. Туда можно пройти тропой, проложенной внутри холма. Есть еще одни ворота, из них — прямой путь к реке.

Позади раскинулся сад Компании, заложенный Раджей Хаджи¹⁴, могучим малайским раджей, родом бугийцем. Супругу его звали Рату Эмас. Он ходил войной на Малакку в голландские времена, лет шестьдесят тому назад, и был близок к тому, чтобы овладеть городом. Окрестные владения и кампунги уже были под его властью, лишь сама Малакка ему еще не принадлежала. Но тут на подмогу голландцам вышли все малаккские общины: малайцы, келингцы¹⁵, китайцы, христиане. У каждой был свой капитан¹⁶ и воинский командир. Противостояние продлилось несколько лет, а затем Раджа Хаджи погиб от пули в Танджунг Паласе. Голландцы привезли его тело в тот самый сад и похоронили там. Однако, слышал я, что в том месте находился свинарник. Спустя лет двадцать–тридцать в Малакку прибыли с Риау и Лингги потомки Раджи Хаджи и попросили у англичан позволения перенести его могилу на Риау. Разрешение было получено, и они увезли останки. Война с Раджей Хаджи — длинная история, ее пересказ затянул бы мое повествование, так что я лишь вскользь упоминаю о ней.

Рядом с холмом находилась тюрьма, которую малаккцы прозвали *мискурди*, от португальского *misericordia* — «дом сострадания». Было еще одно место по прозванию *теронгко* — «тюрьма», тоже по-португальски¹⁷. В ней было помещение, именуемое темницей¹⁸, куда сажали за очень большую провинность. Там царил мрак и ночью и днем. Поодаль стояло здание, где хранились орудия казни и пыток, именуемое пыточной камерой. Человека клали ничком на скамейку, заковывали, ломали ему все суставы, а затем отправляли на остров Ява¹⁹ на виселицу. Еще там были железные орудия, которыми клеймили людей и которые для этого раскаляли докрасна. Само клеймо было размером чуть больше ринггита²⁰, его наносили между лопаточной и ключичной костями. Шел желтый дым и пахло горелым. После этого на человека надевали кандалы. Имелись там и виселица, и труба, в которую засовывали человека и катали, а в трубу забивали гвозди, остриями внутрь. Виновного в мужеложестве помещали в эту трубу и катали по городу, пока от тела его уже ничего не оставалось.

Мне не случалось видеть подобного, я лишь слышал об этом от стариков. Сами орудия сохранились, например, та труба со вбитыми в нее гвоздями. Орудий наказания было множество, были и голландские приспособления для пыток. Все они — и тюрьмы, и всё прочее — остались в прошлом: их предали огню, темницы стерли с лица земли. Ко времени войны с Батавией²¹ в Малакку прибыл лорд Минто²², он-то и положил конец этим греховным и жестоким обычаям и приказал все, [что осталось], сбросить в море.

Возвращаюсь к рассказу о том, как господин Фаркухар задумал разрушить Малаккскую крепость. Он собрал разноплеменных кули со всей Малакки и приказал приступить к разрушению крепости, начиная со стороны Букит Чина. Сотни кули трудились, стараясь выламывать камни один за другим, но сделать это в считанные

¹⁴ Подробнее о Радже Хаджи см. (Ryan 1963: 69–71).

¹⁵ Келинг — принятое в малайском мире обозначение Южной Индии.

¹⁶ Капитан — здесь: староста той или иной этнической общины города.

¹⁷ *Tronco (порт.)* — 1) ствол; 2) тюрьма.

¹⁸ Темница — в тексте: *Terongko gelap*.

¹⁹ Ныне — о-в Малакка, небольшой островок недалеко от малаккского побережья.

²⁰ Ринггит (*Ringgit*) — серебряная монета достоинством в 2,5 рупии.

²¹ Имеется в виду британская военная экспедиция на Яву 1811 г.

²² Гилберт Минто (*Gilbert Elliot-Murray-Kynynmound*, 1-й лорд Минто, 1751–1814) — генерал-губернатор Британской Индии (1807–1813).

дни им не удалось: все работающие пребывали во страхе, ибо считали, что крепость — прибежище шайтанов и духов. Оттого людям стали сниться всякие сны: одному, как говорят, показалось, что он получил от шайтана оплеуху, его стало рвать кровью и он умер, а уж всяких болезней у них обнаружилось множество. Люди стали бояться работать там, и пришлось повысить им плату. Конечно, все это были сказки, но они пребывали в убеждении, что это правда, и боялись грозящей им опасности.

Известковая штукатурка, покрывающая камень, выглядела и пахла так, словно ее нанесли совсем недавно. Когда правитель²³ убедился, что разбить камни трудно, он распорядился делать подкоп под стену крепости. Копали вглубь долго, но до основания стены так и не добрались. Измерили ее высоту над землей и обнаружили, что, даже углубившись под землю на такое же расстояние, к нижнему краю стены не подобраться. На этом раскопки фундамента крепости прекратились. Было приказано разрушать крепость со стороны моря. В ход шли и мотыги, и лопаты, и ломы, и немалая часть из них пришла в негодность. Болезни у рабочих не прекращались. Видя, сколько людей умерло или занедужило, многие боялись идти туда работать. Плату повышали: за что сегодня платили полрупии, завтра давали рупию, только люди все-таки не шли туда. Рушить крепость оказалось трудным делом. Большинство малаккцев пребывало в убеждении, что англичане не сумеют ее сокрушить: слишком уж она прочная, да и духов с шайтанами в ней обитает немало.

В трудах и болезнях прошло около трех месяцев, многие умерли или переломали себе руки и ноги, упав с высоты. Внезапно разнеслась весть, что правитель приказал вырыть яму под бастионом со стороны моря, куда должны были заложить ящик со взрывчаткой и поджечь. Народ изумлялся и спрашивал: «Что это еще такое задумали?» Сотни людей отправились поглядеть на это, собрался туда и я. Моему взору открылась глубокая квадратная яма шириной около сажени. Когда глубина ямы дошла до нужного уровня, выкопанную землю отбросили на расстояние сажени, а в яму спустили ящик со взрывчаткой, от которого тянулся набитый порохом тряпичный жгут длиной более чем в десять саженей, толщиной с большой палец ноги. Затем яму было приказано засыпать и как следует утрамбовать землей с камнями вперемешку. Все работы по яме выполняли десять–двадцать человек в течение пяти–шести дней. Затем было во всеуслышание объявлено: «Завтра в восемь утра никому не дозволяется приближаться к этому месту, а обитателям близлежащих домов надлежит переехать в жилища, находящиеся в отдалении».

На следующий день прибыл господин Фаркухар верхом на коне. Взяв в руки запальный шнур, он отдал приказ очистить от народа крепостную стену и противоположный берег [реки]. Народ разбежался в беспорядке. Затем он поджег запальный шнур и, прищпорив коня, ускакал. Спустя примерно десять минут пороховой заряд взорвался с оглушительным грохотом. Камни, из которых была сложена крепость (иные размером с дом, а иные — величиной со слона), полетели в море. Случалось, что камни перелетали через реку и разрушали дома. Ужас охватил всех, кто слышал этот грохот. Люди были поражены: никогда в жизни не слышали они подобных звуков и не имели возможности увидеть своими глазами, сколь велика мощь порохового заряда, способного поднять на воздух камни величиной с дом. Только тогда убедились они, что англичанам под силу разрушить крепость. Качая головой, они приговаривали: «Поистине умелы и мудры эти белые люди! И все же жалко, что такую великолепную крепость разрушили в мгновение ока. Коли соберутся ее вос-

становливать, то сколько лет ни трудись, все равно не получится все устроить, как было прежде».

Крепость эта была жемчужиной²⁴ Малакки. С ее разрушением Малакка утратила свое великолепие, словно потерявшая мужа женщина, лицо которой уже не блистает красотой. Что же, так было предначертано Аллахом, в свидетельство того, что мир не вечен: существующее исчезает, а несуществующее возникает, и всё претерпевает изменения.

Камни разрушенной крепости люди разобрали и увезли с собой. Одни камни пошли на постройку домов в Малакке, другие при голландцах были вывезены в Батавию, иные — на Риану, а иные англичане забрали себе на корабли в качестве балласта. Часть камней попала в реку, а оставшиеся были свалены грудой, и поныне народ ежедневно заимствует их оттуда.

Спустя шесть-семь дней было решено предать огню бастион, выходящий на Кампунг Келинг²⁵. Стали бить в гонг и велели жителям отойти подальше от своих домов. Там за рекой был дом Хатиба Мусы, на расстоянии примерно двадцати саженей от берега. Когда весь народ отошел подальше, его слуги — Басир и Мубарак с сыном Ибрахимом — спрятались под свайным помостом дома, желая увидеть это зрелище. Запальный шнур подожгли, все разбежались, а спустя минуту прогремел взрыв. Груда камней размером со слона обрушилась на помост, и тот рухнул. Укрывавшиеся под ним люди были раздавлены и засыпаны песком. Поднялся шум. Кричали, что камнями от крепости задавлены насмерть четыре или пять человек, и все поспешили туда.

Побежал, чтобы увидеть это, и я, который по приказу матушки находился на расстоянии полумили оттуда. Оказавшись у того дома, я увидел раненого Абдул Сатара, уроженца Пуликата²⁶, которому в лоб попал обломок камня, когда он сидел за трапезой. Зайдя внутрь, я увидел, что от слуги Басира остались одни ноги, а все тело его погребено под каменными обломками крепости: одни были в сажень длиной, другие — в два-три локтя, всего же на нем громоздилось восемь или девять таких камней. Общими усилиями его вытащили еле живого. У отрока Ибрахима ноги были погребены под тремя камнями саженной длины и засыпаны кучей земли. Камни оттащили, землю расчистили и обнаружили, что ноги переломаны в трех местах и бесильно болтаются. Его отнесли в Кампунг Пали. Их товарищ Мубарак был засыпан камнями и землей. Когда его откопали, кости ног его были переломаны и болтались. Всех доставили в дом к английскому доктору. Басир вскоре скончался, Ибрахима и Мубарака стали лечить, и Аллах продлил их жизнь до нынешнего дня, только оба хромают. Что поделаешь — они сами виноваты, что хотели подобраться поближе к опасному месту. Но все равно всем их жалко.

При виде случившегося малаккцев обуял ужас. Когда крепость должны были предать огню, все разбежались куда глаза глядят, оставив свои дома, и слугам также велели держаться подальше.

Вот как без особого труда господину Фаркухару удалось сокрушить эту крепость. Все, кто не верил, что малаккская цитадель может быть разрушена, прикусили языки и помалкивали. Духи и шайтаны, обитавшие в головах этих людей, улетели восвояси,

²⁴ Жемчужина — в тексте: Seri, букв. «блеск, великолепие».

²⁵ Кампунг Келинг — квартал к северу от крепости, на противоположном берегу р. Малакка.

²⁶ Пуликат — город близ Мадраса (Индия), где некогда находилась голландская ткацкая фабрика. В начале XIX в. в Малакке проживало немало уроженцев Пуликата, они принадлежали к зажиточному слою местного населения (Hill 1970: 63).

страшась порохового дыма. Так красивейший малаккский форт был уничтожен с помощью взрывчатки. Если бы его ломали камень за камнем, вручную, то и до сего дня не завершили бы эту работу.

Литература

- Абдуллах 2016 — Абдуллах бин Абдулкадир. «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854) / Предисл., пер. с малайского и коммент. Л.В. Горяевой // Письменные памятники Востока. 2016. Том 13. № 4 (вып. 27). С. 5–23.
- Bassett 1961 — *Bassett D.* The Surrender of Dutch Malacca, 1795 // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* 117 (1961). No. 3. Leiden: Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde, 1961. P. 344–358.
- Boulger 1897 — *Boulger D.Ch.* The Life of Sir Stamford Raffles. London: Horace Marshall & Son, 1897.
- Bremner 1927 — *Bremner M.J.* Report of Governor Balthasar Bort on Malacca in 1678 // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. V. Pt 1. Singapore: Methodist Publishing House, 1927. P. 1–232.
- Cortesão 1944 — *Cortesão A.* (tr., ed.). The *Suma Oriental* of Tome Pires: An Account of the East, from the Red Sea to China, Written in Malacca and India in 1512–1515 (Volume II: Malacca). London, 1944.
- Graham 1962 — *Graham I.* Malacca Fort // *Journal of Southeast Asian History*. Vol. 3. No. 2. Singapore: Cambridge University Press, 1962. P. 19–44.
- Hikayat Abdullah 2008 — *Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi.* Hikayat Abdullah. Dikaji dan diperkenankan oleh Kassim Ahmad. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2008.
- Hill 1970 — *Hill A.H.* (tr.). Abdullah bin Abdul Kadir. The Hikayat Abdullah. Kuala Lumpur; Singapore; London; New York: Oxford University Press, 1970.
- Leupe 1936 — *Leupe P.A.* (ed.). The Siege and Capture of Malacca from the Portuguese in 1640–1641. Extracts from the Archives of the Dutch East India Company // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. XIV. Pt 1. Singapore: Printers Limited, 1936. P. 1–178.
- Ring, Watson, Schellinger 2012 — *Ring T., Watson N., Schellinger P.* (eds.). Asia and Oceania: International Dictionary of Historic Places. [S. 1.], 2012.
- Ryan 1963 — *Ryan N.J.* The Making of Modern Malaya: A History from Earliest Times to the Present. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1963.

References

- “Abdullakh bin Abdulkadir. ‘Rasskaz o plavanii Abdullakha iz Singapura v Mekku’ (1854). Predislovie, perevod s malaiskogo iazyka i komentarii L.V. Goriaevoi [A story about the Voyage of Abdullah from Singapore to Mecca (1854). Foreword, translation from Malay and comments by L.V. Goriaeva]”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2016, tom 13, № 4(27), pp. 5–23 (in Russian).
- Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi. *Hikayat Abdullah. Dikaji dan diperkenankan oleh Kassim Ahmad.* Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2008 (in Malay).
- Bassett D. “The Surrender of Dutch Malacca, 1795”. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* 117 (1961), No. 3. Leiden: Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde, 1961, pp. 344–358 (in English).
- Boulger, Demetrius Charles. *The Life of Sir Stamford Raffles.* London: Horace Marshall & Son, 1897 (in English).
- Bremner M.J. “Report of Governor Balthasar Bort on Malacca in 1678”. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*, vol. V, part 1. Singapore: Methodist Publishing House, 1927, pp. 1–232 (in English).

- Cortese A. (tr., ed.). *The Suma Oriental of Tome Pires: An Account of the East, from the Red Sea to China, written in Malacca and India in 1512–1515* (Volume II: Malacca). London, 1944 (in English).
- Graham, Irwin. “Malacca Fort”. *Journal of Southeast Asian History*, vol. 3, no. 2. Singapore: Cambridge University Press, 1962, pp. 19–44 (in English).
- Hill A.H. (tr.). *Abdullah bin Abdul Kadir. The Hikayat Abdullah*. Kuala Lumpur–Singapore–London–New York: Oxford University Press, 1970 (in English).
- Leupe P.A. (ed.). “The Siege and Capture of Malacca from the Portuguese in 1640–1641. Extracts from the Archives of the Dutch East India Company”. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*, vol. XIV, part 1. Singapore: Printers Limited, 1936, pp. 1–178 (in English).
- Ring, Trudy; Watson, Noelle; Schellinger, Paul (eds.). *Asia and Oceania: International Dictionary of Historic Places*. [S. l.], 2012 (in English).
- Ryan N.J. *The Making of Modern Malaya: A History from Earliest Times to the Present*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1963 (in English).

“On the Malacca Fort”.

An Excerpt from the Memoirs of Abdullah bin Abdulkadir Munshi

Introduction, Translation from the Malay Language and Commentary

by L.V. Gorjaeva

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 5–15)

Received 09.06.2018.

Liubov V. Gorjaeva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IV RAN); ul. Rozhdestvenka 12, Moscow, 107031 Russian Federation.

The article comprises a research preface and a translation from Malay of the chapter “On the Malacca Fortress” from “The History of Abdullah” by the famous Malay author Abdullah bin Abdulkadir Munshi (1796/7–1854). In this chapter the author speaks of an event he witnessed as a teenager — the demolition of the main citadel of Malacca, the fortress A’Famosa, by the British authorities in 1808–9. He gives a detailed description of the citadel’s buildings and of the circumstances preceding its demolition, as well as of the consequences of blasting operations and the casualties they caused.

Key words: Malacca, British East India Company, fort, Dutch, Penang, the demolition of the city, Raffles, petition, the gate of Santiago, the Malay language.

About the author:

Liubov V. Gorjaeva, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, IOS RAS (gorjaeva@mail.ru).

О слове $\chi\omega\kappa\bar{\mu}$ (λουτρόν? βάπτισμα?) в 2СлСиф 58.15–16 (НС VII.2) и о раннехристианском «крещении» вообще

Часть 3¹

А.Л. Хосроев

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030020

В третьей части статьи продолжен критический разбор случаев употребления понятия «крещение» (βάπτισμα) и ему родственных (σφραγίς, λουτρόν) в таких сочинениях первой половины II в., как так называемые «1-е и 2-е Послания» Климента Римского, «Послания» Игнатия, «Пастырь» Гермы, «Учение апостолов», «Послание Варнавы» и труды Иустина. Свидетельства этих текстов показывают, что к середине II в. обряд «водного крещения» становится уже неотъемлемой частью церковной жизни в разных концах Римской империи. Продолжение — в следующем номере журнала.

Ключевые слова: раннее христианство, обряд «крещения», христианские авторы, гностицизм.

Статья поступила в редакцию 14.04.2018.

Хосроев Александр Леонович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (akhos@mail.ru).

© Хосроев А.Л., 2018

III. Христианские сочинения первой половины II в.

В так называемом «(Первом) послании Климента коринфянам», древнейшем христианском сочинении за пределами НЗ², нигде не говорится о крещении³, и попытки

¹ Начало см.: Письменные памятники Востока. 2018. Том 15. № 1 (вып. 32). С. 17–52; Том 15. № 2 (вып. 33). С. 32–55.

² Авторство послания, написанного от 1 л. мн.ч., нигде не указано, но древняя традиция была почти единодушна в том, что написал его Климент, сотрудник Павла (ср. *Флп* 4.3), ставший «в 12-й год правления Домициана» (т.е. ок. 93 г.) римским епископом (*Orig., Comm. Joh.* VI.54 (279); *Eus., H.E.* III.15). Если прямое авторство Климента вызывает сомнения (ср. «послание Римской Церкви к коринфянам» *Iren., Adv. haer.* III.3.3; «послание римлян к коринфянам» *Clem., Strom.* V.80.1, т.е. избегая называть Климента автором), то относительно времени написания сочинения у современных исследователей существует почти единодушие — середина 90-х годов II в. («...la période qui va de 95 à 98 de notre ère»: *Jaubert* 1971: 20; ср. *Quasten* 1983: 42–53), хотя высказывались мнения в пользу как более ранней (ок. 70 г.), так и более поздней (ок. 150 г.) даты (обзор см.: *Maier* 2002: 135, примеч. 1). Сочинение имело высокий авторитет в древней церкви (*Eus., H.E.* IV.23.11; ср.: *Ibid.*: III.38.1 о том, что автор охотно обращался к *Евр* и его цитировал; ср. ч. 2, примеч. 50); в *Codex Alexandrinus* оно помещено после новозаветных сочинений, и это говорит в пользу того, что еще в V в. (по крайней мере в александрийской общине) оно имело статус канонического (так же, как и *2Clem.*; см. ниже, примеч. 36).

³ Если не считать вставки в (очевидно, древний) латинский перевод (известен по единственной рукописи XI в.), где после фразы (*IClem.* 42.4) «(апостолы), проповедуя по странам и городам» добавлено «крестя тех, которые подчинялись воле Бога» (*eos qui obaudiebant voluntati dei baptizantes*). Бенуа, а вслед за

разглядеть здесь хотя бы отголоски наличия этого обряда представляются весьма натянутыми⁴.

В своих «Посланиях», по времени близко стоящих к поздним новозаветным сочинениям, Игнатий Антиохийский⁵, кажется, совсем не интересуется крещением⁶, и можно думать, что, как и в предыдущем случае, обряд как таковой еще не играл важной роли, по крайней мере в тех общинах, к которым Игнатий обращался⁷. В одном послании,

ним и Фергюсон допускают, что фраза была в первоначальном тексте, но случайно выпала в процессе переписывания (Benoit 1953: 83; Ferguson 2009: 207); заметим, однако, что ее нет ни в переводе на ахмимский диалект коптского языка (известном по рукописи IV в.), ни в сирийском переводе. Цитата из *Исаия* 1.16–18 (λοῦσασθε καὶ καθαροὶ γένησθε..., см. ч. 1, примеч. 88) в *IClem.* 8.4 (в контексте призыва к покаянию) не содержит никакого намека на связь с будущим крещением, которая спустя полвека отчетливо выступает у Иустина, считавшего, что в этой фразе Исаия предвозвестил христианское крещение (*IApol.* 61.7; см. ниже); никак не связывается эта *B3* цитата с крещением ни у Феофила (*Autol.* III.12), ни у Климентя (*Paed.* 3.89.2; *Strom.* V.119.1), ни у Тертуллиана (*Adv. Marc.* II.19.2), ни у Иринейя (*Adv. haer.* IV.17.1; 36.2) — все эти авторы подчеркивают моральную, а не ритуальную сторону призыва: «удалите дурное от ваших душ <...>, перестаньте творить зло, научитесь делать добро» (*Исаия* 1.16–17).

⁴ Это отстаивал Бенуа (Benoit 1953: 83–94), который, заметив, что *IClem.* “ne mentionne pas le baptême de façon explicite” (Ibid.: 83), тем не менее увидел многочисленные скрытые отсылки к этому учению (например, в 36.1–2; 7.6; 9.4); его выводы (“Malgré son silence sur la question du baptême, nous avons pu, indirectement, trouver dans la première épître de Clément quelques indications sur ce sacrement”; Ibid.: 93; курсив мой. — *A.X.*) никак не убеждают, хотя и были недавно повторены (Ferguson 2009: 207); ср. также “The *IClem.* throws little light on the subject (т.е. крещение), though we may notice that in his echo of Eph. IV.4 (т.е. в *IClem.* 4.6), he is in all probability thinking of bestowal of the Spirit in Baptism” (Lampe 1951: 103).

⁵ Согласно Евсевию (*H.E.* III.36), Игнатий за свое исповедание принял мученичество в Риме (предположительно ок. 110 г. в правление Траяна; о других предложенных датировках его смерти, например, между 120 и 135 гг. и т.п. см.: Schoedel 1990: 26–32). По дороге из Антиохии в Рим он обращался с посланиями к христианским общинам Малой Азии и Рима; известны семь его посланий, которые одни исследователи признают подлинными, другие их подлинность подвергают сомнению в пользу более поздней даты (например, 160–170 гг.: Hübner 1997; обзор работ противников подлинности Munier 1992: 377–380). Впоследствии (вероятно, в IV в.) эти послания были подвергнуты многочисленным интерполяциям (в результате из так называемой «средней» рецензии возникла «пространная»), а все собрание было дополнено еще шестью фиктивными письмами (Schoedel 1990: 26–28).

⁶ Во всем корпусе понятие в интересующем нас значении встречается дважды (*Smyrn.* 8.2 и *Polyc.* 6.2) без каких-либо попыток автора объяснить его суть и богословское значение. О крещении Иисуса Иоанном Игнатий бегло (ср. “Bezeichnender Weise wird die Taufe Christi mit Stillschweigen übergangen”: Schmidt 1919: 298) говорит дважды: *Smyrn.* 1.1 и *Ephes.* 18.2, где фраза «(Иисус) родился и крестился, чтобы страданием очистить воду» (ἐγεννήθη καὶ ἐβαπτίσθη, ἵνα τῷ πάθει τὸ ὕδωρ καθαρῶσιν) остается неясной (о ней подробно Benoit 1953: 62–69; Schoedel 1990: 155–157); ср. “the πάθος may perhaps mean no more than Christ’s experience of Baptism” (Lampe 1951: 104; курсив автора); неясным остается и смысл фразы у Тертуллиана, где в основе лежит, кажется, та же мысль: «Ибо когда Христос был крещен, т.е. когда он своим крещением освятил воды...» (baptizato enim Christo id est sanctificante aquas in suo baptizate...: *Adv. iud.* 8.14); ср. ч. 1, примеч. 27 об *Ecl. proph.* 7.1, а также: Koch 2011: 823–826.

⁷ Ср. “Die Taufe hat für Ignatius eine überraschend geringe Bedeutung” (Paulsen 1977: 97); о том, что куда больше внимания, чем «крещению», Игнатий уделял «евхаристии», см.: “Ignace est ainsi le seul parmi les Pères apostoliques à donner plus de place dans ses écrits à l’eucharistie qu’ au baptême” (Benoit 1953: 59). Хотя Игнатий нигде не говорит о том, как и когда следует совершать евхаристию (видимо, не сомневаясь в том, что это хорошо известно его читателям; ср. след. примеч.), он все же считает нужным раскрыть суть и смысл обряда (правда, ни разу не вспоминая «вино»); так, по его словам, еретики «воздерживаются от евхаристии (εὐχαριστίας) и молитвы, не признавая, что евхаристия есть плоть (τῆν εὐχαριστίαν σάρκα εἶναι) нашего спасителя Иисуса Христа, которая претерпела страдания за наши грехи...» (*Smyrn.* 7.1); «постарайтесь совершать одну евхаристию (σπουδάσατε οὐν μία εὐχαριστία χρῆσθαι), ибо одна плоть Господа нашего Иисуса Христа и одна чаша для единения с его кровью...» (*Philad.* 4.1; ср., однако: «старайтесь чаще собираться, чтобы благодарить Бога (εἰς εὐχαριστίαν θεοῦ) и славить его»: *Ephes.* 13.1, где εὐχαριστία означает не обряд, а «благодарственную молитву»); ср. о «преломлении одного хлеба, который является лекарством бессмертия» (φάρμακον ἀθανασίας: *Ephes.* 20.2; ср. также *Rom.* 7.3 о «хлебе как плоти Христа и о питье как его крови»). Игнатий мало цитирует *H3* сочинения (ср. *Ephes.* 18.1 и *IKop* 1.18 сл.; *Rom.* 5.1 и *IKop* 4.4), но то, что за его

защищая церковную иерархию и дисциплину в общине, он призывает паству во всем подчиняться епископу и без него ничего из относящегося к Церкви не делать:

«Нельзя без епископа ни *крестить*, ни проводить агапы»⁸.

В другом послании, увещевая против отступничества, он пишет:

«Пусть никто из вас не окажется отступником; *крещение* ваше да пребудет в качестве (вашего) *шита*...»⁹.

Ни в том, ни в другом случае нельзя сказать ничего определенного о том, что именно имел в виду автор, употребляя понятия βαπτίζω и βάπτισμα; во всяком случае, упоминая вскользь βάπτισμα, он нигде не объясняет его смысл и содержание, нигде не говорит о значении воды и о ее спасительной роли, нигде нет и намека на схождение Духа при крещении¹⁰, и мы вполне можем допустить, что и βαπτίζω, и βάπτισμα употреблены им в фигуральном значении «посвящение», в результате которого новообращенный становится членом общины, и отныне он должен был вести жизнь, достойную этого посвящения¹¹.

высказываниями о евхаристии стоит древняя традиция, засвидетельствованная, например, уже в *IKop* 11.23–28 и *Mk* 14.22–24 (также без прямого упоминания вина; ср. ниже, примеч. 57), не вызывает сомнения.

⁸ πάντες τῷ ἐπισκόπῳ ἀκολουθεῖτε <...> οὐκ ἐξόν ἐστὶν χωρὶς τοῦ ἐπισκόπου οὔτε βαπτίζειν, οὔτε ἀγάπην ποιεῖν (*Smyrn.* 8.1–2); ἀγάπην ποιεῖν, букв. «совершать (вечерю) любви» (очевидно, с проведением евхаристии; ср. предыдущее примечание); здесь же Игнатий говорит и о том, что только та евхаристия может считаться «надежной (βεβαία εὐχαριστία), которую совершил епископ или тот, кому он это доверил». Заметим, что свидетельство Игнатия о том, что церковная иерархия включает в себя «епископа, священников и диаконов», является самым ранним (*Philad.* Praef.; 7.1; 10.2; *Smyrn.* 12.2; *Polyc.* 6.1), хотя это дало повод некоторым исследователям усомниться в подлинности этих высказываний (ср. выше, примеч. 5).

⁹ μή τις ὑμῶν δεσέρτω εὐρεθῆ. τὸ βάπτισμα ὑμῶν μενέτω ὡς ὄπλα... (*Polyc.* 6.2); ср. “Here we have a hint of the idea, so prevalent in the popular mind, of the prophylactic character of Baptism and of the ‘sealing’ as a defence against the powers of evil” (Lampe 1951: 104–105; впрочем, само понятие “sealing” = σφραγίς Игнатий ни здесь, ни в другом месте не использует). Залогом соблюдения полученного при «крещении» являются «вера» (πίστις), «любовь» (ἀγάπη) и «терпение» (ὑπομονή). Впрочем, эта глава, кажется, выпадает из послания не только по характеру обращения (повсюду Игнатий обращается к самому Поликарпу, и только в этой главе — ко всей христианской общине: «вы»), но и по неожиданно появляющимся латинским словам (δεσέρτω = desertor, и два в следующей фразе: δηλόσιτα = deposita, ἄκεκτα = accerta); поэтому нельзя исключать того, что здесь мы имеем дело с инородной вставкой; ср., однако, малоубедительное: “Vielleicht treten hier die Latinismen so gedrängt auf, weil der Bischof oft die Gespräche seiner römischen Wächter hörte” (Schoedel 1990: 428).

¹⁰ В любом случае у нас крайне мало оснований для утверждения: “Die Taufe ist bei Ignatius ganz selbstverständlich Grundlage für das Leben der Glaubenden insgesamt <...>. Taufe und Eucharistie sind die zentralen rituellen Handlungen der Gemeinde” (Koch 2011: 830); ср. выше, примеч. 7.

¹¹ Здесь нужно вспомнить и другое раннехристианское сочинение, а именно “Epistula apostolorum” (дошел фрагментарный перевод на ахмимский диалект коптского языка в рукописи конца IV в. и полный эфиопский перевод, сделанный с коптского), утерянный греческий оригинал которого возник, видимо, ок. середины II в. или в Малой Азии (ок. 160–170 гг.; Schmidt 1919: 361–400), или в Египте (1-я половина II в.; Hornschuh 1965: 99–119). Здесь крещение также лишь бегло упоминается: в эфиопском переводе (коптский текст в этом месте испорчен) в уста Христа вложены слова: «Я спустился (т.е. с земли в область мертвых) и дал *крещение* жизни и отпущение грехов пророкам точно так же, как (дал) и вам (т.е. апостолам), и всем тем, которые в меня поверят» (27(38); нем. перевод: Schmidt 1919: 88), (42(53); здесь как будто речь идет о том, что Христос крестил не только (ветхозаветных) пророков, но и апостолов (см., однако, ч. 1, примеч. 23, а также ч. 2, примеч. 21, 26); не говорится, что это было крещение водой; ср. также далее слова Христа: «свет печати от меня и крещение от меня» (ΠΟΥΛΕΙΝΕ ΠΙΤΣΦΡΑΓΙΣ ΑΒΑ[Λ ΖΙΤΟΟΤ] ΑΥΟ ΝΒΑΠΤΙΣΜΑ ΑΒΑΛ ΖΙΤΟΟΤ: XXXII.7–9; копт. текст Schmidt, *ibid.*, 20*); о «печати» как синониме «крещения» см. ч. 1, примеч. 4 и ниже, примеч. 16–18, 20, 39. О том, что «крещение» не играет в *Epist. Ap.* существенной роли, см.: “Die Taufe scheint für den Heilsstand des Christen keine konstitutive Bedeutung zu haben” (Hornschuh 1965: 64).

Положение дел меняется, и какое-то время спустя (а может быть, и в то же время, но в других общинах) роль воды при совершении обряда посвящения вдруг начинает всячески подчеркиваться. Так, в «Пастыре» Гермы¹² уже не раз говорится о воде обряда как о чем-то известном, хотя и нуждающемся в разъяснениях; правда, само понятие βαπτισμα ни разу не употребляется (вместо него автор охотно пользуется термином σφραγίς) и нигде не говорится о том, кто именно и как совершает этот обряд. Сама вода, не занимавшая авторов рассмотренных выше сочинений, теперь выходит на первый план: ее наличие и спасительная роль всячески подчеркиваются¹³.

В одном рассказе Церковь (ἐκκλησία), явившаяся Герме под видом старухи (angelus interpres), так отвечает на его вопрос о смысле и значении увиденной им в видении «башни»:

«„Почему башня (т.е. Церковь) строится на водах?“ <...> „Потому строится она на водах, что наша жизнь была спасена и будет спасаться через воду“»¹⁴.

Другая отсылка, в которой речь идет о схождении апостолов в преисподнюю для «крещения» праведников, умерших задолго до явления Христа¹⁵, еще более очевидна:

¹² Герма (Ερμάς), имя автора апокалиптического сочинения под названием Ποιήτην, было весьма распространено, и нет необходимости видеть в нем Герму, которого в числе своих адресатов упоминает Павел (Римл 16.14), что предположил уже Ориген (Comm. Rom. 10.31); древнее свидетельство так называемого «Канона Муратори» (стк. 73–77) о том, что «Пастырь» был написан «в Риме недавно в наше время во время епископства Пия» (nuperime temporibus nostris in urbe Roma <...> Pio episcopo, т.е. 139–154 гг.), не может помочь в датировке сочинения, потому что автор этого анонимного текста мог сознательно удвевнять его, относя к столь раннему времени (впрочем, датировки самого «Канона» расходятся от II до IV в.); также и отождествление некоего бегло упоминаемого Климента (Vis. II.8.2) с Климентом Римским весьма ненадежно, поскольку имя Климент, как и Герма, было в широком ходу. Так или иначе, но такие авторы последней четверти II в., как Климент Александрийский или Тертуллиан уже цитируют это сочинение как весьма авторитетное, но в начале IV в. Евсевий считает его уже «подложным» (νόθος; H.E. III.25.4), хотя примерно в то же время «Пастырь» был включен в Codex Sinaiticus на правах канонического текста. Точная датировка сочинения едва ли возможна, но, по всей видимости, оно возникло не позже середины II в.; см.: “das dritte, höchstens das vierte Jahrzent des 2. Jh.s” (Vielhauer 1975: 523); “das Jahrzehnt vor 150” (Altaner, Stuiber 1980: 55); ср., однако, более раннюю датировку “...some time near the end of the first century” (Meier 2002: 58). На основе топографических указаний текста местом его написания был, видимо, Рим или по крайней мере Италия (ср. “Le fait est indiscutable et depuis longtemps indiscuté”, July 1986: 15); обзор этих вопросов см. (Grundeken 2015: 2–11). О сложной композиции сочинения, наблюдения над которой привели некоторых исследователей к заключению о том, что оно складывалось постепенно и было продуктом творчества разных авторов, см. (Blomkvist 2011: 850–853).

¹³ Ср., например, красивую притчу о побегах (κλάδοι) и живительной роли воды (очевидно, не без намека на спасительную роль воды крещения (Sim. VIII.67.1 сл.).

¹⁴ διατί ὁ λύρος ἐπὶ ὑδάτων φκοδόμηται; <...> ὅτι ἡ ζωὴ ὑμῶν διὰ ὑδατος ἐσώθη καὶ σωθήσεται (Vis. III.11.5). Объясняя далее значение различных видов камней, из которых строится башня, старуха говорит о камнях, которые упали около воды, но до воды не докатились и которые символизируют тех, «которые услышали слово (т.е. христианское учение) и хотят быть крещенными в имя Господа (οἱ τοῦ λόγου ἀκούσαντες καὶ θέλοντες βαπτισθῆναι εἰς τὸ ὄνομα τοῦ κυρίου), (но) затем, когда им на память приходит чистота истины, передумывают (μετανοοῦσιν) и продолжают следовать за своими дурными вожделями» (Vis. III.15.3); глагол βαπτίζω однажды встречается только здесь; ср. также «в царство Бога не может иначе войти человек, как только через имя Сына его» (...εἰ μὴ διὰ τοῦ ὀνόματος τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Sim. IX.89.5), где, по всей видимости, находим отголосок крещальной формулы; о формуле «быть крещеным в имя...» см. также ч. 1, примеч. 40, 56.

¹⁵ «Сорок камней», положенных в основание башни (см. предыдущее примечание), по объяснению старухи, это «апостолы и учителя проповеди Сына Бога» (ἀπόστολοι καὶ διδάσκαλοι τοῦ κηρύγματος τοῦ υἱοῦ τοῦ θεοῦ; Sim. IX.92.4), которые «проповедовали также и тем, кто уже умер, и дали им печать проповеди; с ними они спустились в воду и поднялись из нее» (ἐκήρυξαν καὶ τοῖς προκεκοιμημένοις καὶ αὐτοὶ ἔδωκαν αὐτοῖς τὴν σφραγίδα τοῦ κηρύγματος, κατέβησαν οὖν μετ’ αὐτῶν εἰς τὸ ὕδωρ καὶ πάλιν ἀνέβησαν; Ibid.: 93.5–6). О проповеди Христа в преисподней см. коммент. к IIIep 3.19; ч. 2, примеч. 21, 26 и выше, примеч. 11.

«Ибо им было необходимо пройти через воду, чтобы стать живыми; ведь нельзя иначе войти в царствие Бога, как только отложив мертвечину своей <прежней> жизни. Итак, эти спящие приняли *печать* Сына Бога и вошли в царство Бога. <...> А *печать* эта есть вода: в воду спускаются мертвыми, а поднимаются живыми»¹⁶.

Чуть далее автор так формулирует содержание и результаты обряда, правда, уже не подчеркивая значения воды:

«...все народы, живущие под небом, услышав и уверовав, были названы по имени Сына Бога¹⁷; итак, приняв *печать*, они обрели единый образ мыслей и единый ум, и была у них одна вера и одна любовь»¹⁸.

Наконец, еще один пассаж говорит в пользу того, что в общине уже существовали различные взгляды на обряд посвящения и на его последствия; так, Герма обращается к Пастырю (т.е. Иисусу) со словами:

«Я слышал от некоторых учителей, что нет другого покаяния, кроме того, когда мы сошли в воду и получили отпущение прежних наших грехов»¹⁹.

Из дальнейшего становится ясно, что уверенность этих «учителей» в том, что после водного «посвящения» не может уже быть другого «покаяния», разделялась не всеми, в том числе и автором «Пастыря»²⁰, хотя и он, и его оппоненты признавали первостепенную важность обряда.

¹⁶ ἀνάγκην <...> εἶχον δι' ὕδατος ἀναβῆναι, ἵνα ζωοποιηθῶσιν· οὐκ ἠδύνατο γὰρ ἄλλως εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ, εἰ μὴ τὴν νεκρῶσιν ἀπέθεντο τῆς ζωῆς αὐτῶν <τῆς προτέρας>. ἔλαβον οὖν καὶ οὗτοι οἱ κεκοιμημένοι τὴν σφραγίδα τοῦ υἱοῦ τοῦ θεοῦ καὶ εἰσῆλθον εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ <...> ἢ σφραγὶς οὖν τὸ ὕδωρ ἐστίν· εἰς τὸ ὕδωρ οὖν καταβαίνουσι νεκροὶ καὶ ἀναβαίνουσι ζῶντες (Sim. IX.16.2–4); этот отрывок цитирует и комментирует Климент, хотя нигде не подчеркивает, что речь идет именно о крещении, и также не употребляет здесь этого понятия (Strom. II.43.5 сл.; ср.: Ibid.: VI.45.5); он использует βάπτισμα только тогда, когда говорит о крещении Иисуса Иоанном, при описании же христианского обряда он предпочитает «терминологию языческих мистерий»: Protr. 120.1 и т.п. (см. подробнее: Völker 1952: 148 сл.). О крещении как о «печати» см. (Lampe 1951: 105–106; Barth 2002: 68–74; также ч. 1, примеч. 4 и ниже, примеч. 39); об отождествлении «печати» и «воды» см.: “This is the first extant example which testifies that the metaphor for a seal and the ritual of baptism are somehow related, if not identical” (Sandness 2011: 1441).

¹⁷ Т.е. по имени Христа были названы «христианами»; получить «имя Сына Бога» означает получить «печать», т.е. крещение; ср. «В царство Бога никто не войдет, если не примет имя Сына его» (...εἰ μὴ λάβοι τὸ ὄνομα τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ: Sim. IX.89.5; также: Ibid.: 90.3; 90.7 и т.д.); ср. Vis. III.15.3 выше, в примеч. 14; см. также ч. 1, примеч. 56–57.

¹⁸ ...πάντα τὰ ἔθνη τὰ ὑπὸ τὸν οὐρανὸν κατοικοῦντα, ἀκούσαντα καὶ πιστεύσαντα ἐπὶ τῷ ὀνόματι ἐκλήθησαν λαβόντες οὖν τὴν σφραγίδα μίαν φρόνησιν ἔσχον καὶ ἓνα νοῦν, καὶ μία πίστις αὐτῶν ἐγένετο καὶ μία ἀγάπη (Sim. IX.17.4). Ближе к концу книги (текст дошел только в латинском переводе) автор еще раз увещевает: «Говорю всем вам, которые приняли эту *печать* Сына Бога (hoc sigillum filii dei): имейте простоту (simplicitatem = ἀπλότης) <...> чтобы стать (вам) одним духом (in unum quoque spiritum fieri)» (Sim. IX.31.4); ср. Ефес 4.4–5.

¹⁹ ...παρά τινων διδασκάλων ὅτι ἕτερα μετάνοια οὐκ ἔστιν εἰ μὴ ἐκείνη, ὅτε εἰς ὕδωρ κατέβημεν καὶ ἐλάβομεν ἄφεσιν ἁμαρτιῶν ἡμῶν τῶν προτέρων (Mand. IV.31.1). По поводу этих «учителей» Хартман замечает: “possibly one such teacher is the author of Hebrews (see Heb. 6.4ff.)” (Hartman 1997: 178, примеч. 22); о ригористическом взгляде Еер 6.4–6 на невозможность повторного покаяния см. ч. 2, примеч. 63.

²⁰ «Итак, говорю (т.е. Иисус) тебе: „Если кто-нибудь, искушенный диаволом, согрешил после этого великого и святого призвания (т.е. крещения), то имеет (еще) одно покаяние“» (...μετὰ τὴν κλήσιν ἐκείνην τὴν μεγάλην καὶ σεμνὴν ἐάν τις ἐκπειρασθεῖς ὑπὸ τοῦ διαβόλου ἁμαρτήσῃ, μίαν μετάνοιαν ἔχει: Mand. IV.31.6), но верующий должен прилагать все усилия, чтобы после крещения не грешить (Mand. IV.29.11). В другом месте говорится о тех, «которые уверовали и приняли печать <...> но не соблюли ее нетронутой» (οἱ πιστεύσαντες καὶ εἰληφότες τὴν σφραγίδα <...> καὶ μὴ τηρήσαντες ὑγιή): они могут еще покаяться (μετανοήσωσιν) (Sim. VIII.72.3). О сочетании τῆρῶ τὴν σφραγίδα см. ниже, примеч. 37. Подробнее о «покаянии» в «Пастыре» см. (Benoit 1953: 117–119; Joly 1986: 22–30; Lampe 2003: 94–97).

Иную картину видим в «Дидахе»²¹, где уже строго регламентированы и подготовлены к обряду, и сам обряд *водного* крещения²² с использованием терминологии, ставшей затем, можно сказать, канонической:

«...крестите так: ранее произнеся все это»²³, крестите во имя Отца и Сына и святого Духа²⁴ в живой воде²⁵. Если же у тебя нет живой воды, крести в другой воде; если

²¹ Возникновение этого сочинения (полный текст содержит единственная рукопись XI в.: Cod. Hierosolymitanus gr. 54; название *διδαχή τῶν δώδεκα ἀποστόλων*, т.е. «Учение двенадцати апостолов»), которое стало известным лишь в конце XIX в., исследователи относят к началу II в. (в любом случае, не позднее его середины: “Später als 150 kann Did. nicht entstanden sein”; Knopf 1920: 2); см., например: “Die Didache wird heute weit überwiegend ins späte 1. oder frühe 2. Jahrhundert datiert” (Schöllgen, Geerlings 2000: 82), где автор отмечает как более ранние (во времена апостолов; ср. “avant l’an 100 de notre ère”: Hemmer et al. 1907: XXXIV), так и более поздние (середина III в. и моложе) датировки. Предлагалось и иное решение проблемы: сочинение возникло не сразу, а в результате последовательных дополнений и редактуры (подробно Niederwimmer 1993: 64–78). Обнаруженные позднее фрагменты его древних версий (коптская: 10.3–12.2 (IV–V вв.) и эфиопская) говорят о широком хождении сочинения в христианском мире; самые ранние цитаты находим у Климента (*Protr.* 108.5; *Strom.* I.100.4; III.36.5), где он называет сочинение «писанием» (*γραφή*), однако нет уверенности в том, что эти краткие цитаты он почерпнул из сочинения в том виде, в каком оно дошло до нас в рукописи XI в. (обзор предлагаемых цитат см. Niederwimmer 1993: 18–26). *Pap. Oxy.* 1782 (IV в.), сохранивший небольшие фрагменты первых глав сочинения, дает целый ряд разночтений с текстом этой поздней рукописи, что свидетельствует о нестабильности текста уже в начале его рукописной традиции (сопоставление разночтений см.: *Ibid.*: 38). Местом написания предлагали считать Египет или Сирию/Палестину (большинство в пользу последнего региона), но вопрос остается открытым. Подробно о различных проблемах сочинения см., например (Wengst 1984: 5–63). Трудно согласиться с высказанной недавно теорией о том, что не автор «Дидахе» пользовался «Евангелием от Матфея» (или, по крайней мере, оба зависели от общей традиции), а, наоборот, «Дидахе» послужила источником для автора *Мф*, тем самым молчаливо допуская, что «Дидахе» (или ее древнейшие части) возникла во второй половине I в. (Garrow 2004, *passim*). Так или иначе, но слова, сказанные сто лет назад, остаются актуальными и сегодня: “The problem of the Didache will perhaps never be completely solved: its mysterious author at any rate has done his best to make it insoluble” (Robinson 1920: 69).

²² После описания крещения рассказывается о постах и о том, по каким дням их соблюдать (*νηστεία*: 7.4–8.1), о молитвах (*προσευχαί*: 8.2–3), о том, как совершать евхаристию (*εὐχαριστία*: 9.1–10.7) и помазание (10.8).

²³ *ταῦτα πάντα προεπιόντες* (*Did.* 7.1). В общине, в которой возникло сочинение, крещению предшествовал какой-то период катехумената, когда новообращенного наставляли в основах христианского поведения; эти основы изложены в первых шести главах сочинения в форме императива ед.ч.: «возлюби Бога» (1.1), «воздерживайся от плотских вожделений» (1.4); «не убивай» (2.2), «беги от зла» (3.1); «помни того, кто возвещает тебе слово Бога» (4.1), т.е. своего наставника в христианском учении, и т.д. вплоть до «в церкви исповедуй свои грехи и не начинай молитвы с дурной совестью» (4.14). Эта часть содержит так называемое «учение о двух путях — жизни (гл. 1–4) и смерти (гл. 5–6.1), которое, по всей видимости, является христианской переработкой иудейского сочинения, содержавшего катехитические наставления для прозелитов (Knopf 1920: 2 и др.); см. ниже, примеч. 30 о «Послании Варнавы». К середине II в. практика катехумената, кажется, уже прочно вошла в обиход (ср. *Iust., IApol.* 61.2; *διδάσκοντα*; см. ниже, примеч. 55), и для столь быстрого и простого (*tam facile <...> givera cito*) крещения евнуха (*Деян* 8.36–38) или Павла (*Деян* 9.17–18), т.е. без всякой предварительной подготовки, что в его времена было уже недопустимым, Тертуллиан был вынужден давать читателям подробные разъяснения (*Bapt.* 18).

²⁴ *βαπτίσατε εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος* (*Did.* 7.1). Кто эти «вы», к которым обращается автор, неясно; ср. след. фразу: «крести». О чередовании ед. и мн.ч. при обращении автора к читателям см. (Rordorf 1986a: 176 сл.). Сочетание «во имя Отца...» едва ли принадлежит первоначальному тексту, а было вставлено в ходе рукописной традиции, очевидно, под воздействием *Мф* 28.19 (см. ч. 1, примеч. 40); о том, что все *НЗ* аллюзии сочинения (если они есть; “die Frage <...> ist besonders komplizierter Natur”) принадлежат позднему слою истории текста, см. (Niederwimmer 1993: 71–76). Ср. также у Иустина: посвящаемые в новую веру «совершают омовение в воде (τὸ ἐν τῷ ὕδατι λουτρὸν) во имя Отца всего и владыки Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и святого Духа», чему предшествует подготовка с молитвами и постами (*IApol.* 61.3); см. ниже, примеч. 49 сл.

²⁵ *ἐν ὕδατι ζῶντι* (*Did.* 7.1); «живая вода» (очевидный семитизм из *מֵי חַיִּים* с тем же значением; см., например, *Лев* 14.5 сл.) — это проточная, пресная вода, противопоставленная «воде мертвой» (например, «соленой»; ср. противопоставление «горькой» и «сладкой» воды в *Исх* 15.23–25).

же не можешь в холодной, (крести) в теплой. А если у тебя нет ни той, ни другой, трижды полей воду на голову во имя Отца и Сына и святого Духа²⁶. А перед крещением пусть постятся и крестящийся, и крещаемый (а если могут, то и некоторые другие). Крещаемому же прикажи поститься за день (до крещения) или за два»²⁷.

Здесь подчеркивается и значение самой воды, и (первый раз в наших источниках, если, конечно, принимать традиционную датировку сочинения) ее качество, хотя нигде не говорится о том, какие последствия принесет крещаемому (например, принятие Духа) этот обряд и кто именно может его совершать²⁸. Необходимость «крещения» для всякого, кто участвует в церковной жизни, отмечена еще раз выразительными словами:

«Никто же не смеет есть и пить от вашей евхаристии, но (только) крещенные во имя Господа. Ибо об этом сказал Господь: „Не давайте святыни псам“»²⁹.

²⁶ ἐὰν δὲ μὴ ἔχης ὕδωρ ζῶν, εἰς ἄλλο ὕδωρ βάπτισον· εἰ δ' οὐ δύνασαι ἐν ψυχρῷ, ἐν θερμῷ. ἐὰν δὲ ἀμφοτέρω μὴ ἔχης, ἔκχεον εἰς τὴν κεφαλὴν τρεῖς ὕδωρ εἰς ὄνομα πατρὸς καὶ υἱοῦ καὶ ἁγίου πνεύματος. (*Did.* 7.2–3). Здесь тройственная формула повторяется, но уже без артиклей (см. выше, примеч. 24). О том, что этот пассаж является добавлением позднейшего редактора к первоначально строгому требованию крестить только в «живой воде», см. (Rordorf 1986a: 177–178; Niederwimmer 1993: 158 сл.). Заметим, что от места к месту и с течением времени требования к воде крещения менялись, и если в так называемом «Апостольском предании» (*Traditio apostolica*: авторство Ипполита Римского оспаривается, но, по всей видимости, древнейшие части сочинения можно датировать началом III в.; греческий оригинал не сохранился; см.: Schöllgen, Geerlings 2000: 146–149), где находим наиболее подробнейшие инструкции к совершению крещения, говорится о том, что пригодной может быть только «вода, которая вытекает или из источника, или стекает сверху (*sit aqua fluens in fonte vel fluens de alto*), но в случае отсутствия такой воды можно пользоваться любой (*si autem necessitas est permanens et urgens, utere aquam quam invenis: Trad. Ap. 21*)», то у Тертуллиана, подробно разобравшего спасительную роль «освященной» воды (*Bapt.* 3–5), читаем: «И поэтому нет никакой разницы, крестится ли кто в море или пруду, в реке или источнике, в озере или корыте» (*ideoque nulla distinctio est, mari quis an stagno, flumine an fonte, lacu an alveo diluatur; Ibid.*: 4.3). О тройном возливания воды (погружении) при крещении см. ниже, примеч. 53.

²⁷ πρὸ δὲ τοῦ βαπτίσματος προηστυσάτω ὁ βαπτίζων καὶ ὁ βαπτιζόμενος καὶ εἴ τινες ἄλλοι δύναται· κελεύεις δὲ νηστεύσαι τὸν βαπτιζόμενον πρὸ μιᾶς ἢ δύο. (*Did.* 7.4). Поразительным образом никто из последующих христианских авторов, обращаясь к теме «крещения», не цитирует эту главу, хотя, если исходить из традиционной датировки сочинения (см. выше, примеч. 21), следует признать, что этот текст является самым ранним и самым важным источником для изучения истории возникновения и бытования обряда; см., например: “Kap 7 ist eine der frühesten und daher wichtigsten Quellen zum Ablauf der Taufe; kein Text der ersten 150 Jahre gibt derart viele und präzise Details zur Taufsendung” (Schöllgen, Geerlings 2000: 42).

²⁸ Община почитала приходящих со стороны (ср. ἐλθόν: *Did.* 11.1; ἀπόστολος ἐρχόμενος: 11.4; 12.1), т.е. бродячих, учителей, апостолов и пророков (“ministres itinérants de la parole” Hemmer et al. 1907: XXXIV), хотя некоторые требования к ним остаются нам непонятными (например, следует принимать «апостола как самого Господа», но не позволять ему оставаться в общине более двух дней; «если он останется на три дня, то он лжепророк» (τρεῖς δὲ ἐὰν μείνῃ, ψευδοπροφήτης ἐστί) *Did.* 11.4–5); о том, что они могли совершать крещение, нигде не говорится. Призыв «назначайте себе епископов и диаконов (χειροτονήσατε οὖν ἑαυτοῖς ἐπίσκοπους καὶ διακόνους) <...> ибо и они совершают для вас службу пророков и учителей» (*Did.* 15.1) также до конца неясен, но о том, что именно они должны были совершать крещение, не сказано. Обращение «крестите», «крести» и «крестящийся» (ὁ βαπτίζων: 7.4) предполагает, скорее, что крещение мог совершать любой член общины, но это нигде далее не поясняется. В так называемых «Апостольских установлениях» (*Constitutiones apostolorum*; компиляция, видимо, 2-й половины IV в.), источником которых в рассказе о крещении послужило *Did.* 7, находим уже прямое обращение к тем, кто мог совершать этот обряд: «епископ или священник» (περὶ δὲ βαπτίσματος: ὁ ἐπίσκοπος ἢ πρεσβύτερος...: *Const. Ap.* VII.22).

²⁹ μηδεὶς δὲ φαγέτω μηδὲ πιέτω ἀπὸ τῆς εὐχαριστίας ὑμῶν, ἀλλ' οἱ βαπτισθέντες εἰς ὄνομα κυρίου· καὶ γὰρ περὶ τούτου εἶρηκεν ὁ κύριος· μὴ δότε τὸ ἅγιον τοῖς कुσίν (*Did.* 9.5). Знал ли автор *Mф* 7.6, поскольку цитата дословно совпадает с евангельской, или речение из другой традиции, сказать трудно; эти же евангельские слова приводит и Тертуллиан, когда говорит о том, что крещению должен предшествовать катехуменат (*Bapt.* 18). Сочетание «во имя Господа» (εἰς ὄνομα κυρίου), в отличие от «во имя Отца...» (см. выше, примеч. 24, 26), отражает первоначальную формулу, произносимую при посвящении новичка; ср.: “sans aucun doute *Did.* 9.5 a conservé la plus ancienne formule baptismale” (Rordorf 1986a: 180; см. также ч. 1, примеч. 56–57).

Для автора «Послания Варнавы»³⁰, которое имеет многочисленные переключки с «Дидахе»³¹, водное посвящение, хотя само понятие βάπτισμα он использует лишь однажды³², — это что-то само собой разумеющееся; при этом он, так же, как и автор «Пастыря», нигде не говорит о том, как этот обряд должен проходить и кто его может совершать³³:

³⁰ Это пронизанное полемикой с ритуальной практикой иудеев псевдоэпиграфическое сочинение, ставшее известным после приобретения *Тишендорфом* в 1859 г. Синайского кодекса (куда «Послание» было включено на правах канонического текста после «Откровения» и перед «Пастырем»; см. выше, примеч. 12), а спустя несколько лет обнаруженное в другой рукописи вместе с «Дидахе» (см. выше, примеч. 21), почти единодушно датируются сороковыми годами II в. (“Sicher ist 140 der Terminus ante quem”, см.: Altaner, Stuiber 1980: 54; “zwischen 130 und 132”, см.: Wengst 1984: 114–115), хотя предлагались и более ранние датировки (правление Нервы, т.е. 96–98 гг.). Первым, кто цитировал сочинение, назвав имя автора, был Климент Александрийский, который считал этого Варнаву одним из семидесяти апостолов и сотрудником Павла (*Strom.* II.116.3; V.63.1; перечень всех цитат из *Ep. Barn.* у раннехристианских авторов см.: Windisch 1920: 301–302). На том основании, что Климент, а затем и Ориген охотно прибегают к «Посланию», что автор умело пользуется аллегорическим методом толкования Писания (ср. Филон Александрийский) и что позднее оно было включено в Codex Sinaiticus, местом его возникновения большинство исследователей называли Египет (или даже Александрию; Barnard 1978: 63), но высказывалось мнение о малоазийском или сирийском происхождении сочинения (обзор см.: например, Wengst 1984: 115–118; Barnard 1993: 172–180 и там же последняя литература: 203–205); о том, что египетское происхождение “far from an established fact”, см. (Klijn 1986: 166). Не было недостатка и в тех, кто считал, что «Послание» не сразу получило свой окончательный вид, а сложилось в результате последовательного редактирования разными авторами (обзор см.: Robillard 1971: 184, примеч. 1); сам автор предполагает (с чем едва ли можно согласиться), что сочинение состоит из трех слов: в основе лежит текст, написанный спутником Павла Варнавой (иудео-христианин), который ок. 90–115 гг. был дополнен редактором (гностицизирующим эллинистическим иудеем); этот отредактированный текст ок. 130 г. еще раз подвергся дополнению со стороны христианина, обращенного из язычников (“il est un Grec et non Juif”; Ibid.: 190).

³¹ Вопрос о том, заимствовал ли автор «Послания» учение о двух путях (*Barn.* 18–20) из «Дидахе» (см. выше, примеч. 20), или, наоборот, автор «Дидахе» взял его из «Послания», или, наконец, оба пользовались общим источником, решался по-разному (обзор см.: Smith 2014: 469–472), но не забудем и о том, что «учение о двух путях — света/правды и тьмы/лжи», вдохновленное, видимо, *Втор* 11.26–28, засвидетельствовано и более древними иудейскими текстами (рукописи Мертвого моря): 1QS III.13 сл. (так называемый «Устав общины») и 4Q473: «два пути — один хороший, другой плохой». Сказать, когда это представление попало с иудейской почвы на греческую, едва ли возможно, если, конечно, не допускать, что это сделал сам Варнава (Robillard 1971; см. предыдущее примечание; ср.: Rordorf 1986b: 159, примеч. 26).

³² «О воде написано к народу Израиля: не примут они крещения, которое несет отпущение грехов (τὸ βάπτισμα τὸ φέρον ἄφεσιν ἁμαρτιῶν), но установят для себя (свои обряды)» (ἐαυτοῖς οἰκοδομήσουσιν: *Barn.* 11.1); в каком сочинении об этом «написано», не сказано. На первый взгляд эта фраза напоминает скорее Иоанново «крещение покаяния для отпущения грехов» (βάπτισμα μετανοίας εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν), описанное в евангелиях (*Мк* 1.4 и пар.), но, очевидно, речь идет о христианском крещении, которое противопоставляется традиционным иудейским омовениям (ср. *Мк* 7.1–4; *Ин* 2.6), о том, что сочетание ἐαυτοῖς οἰκοδομήσουσιν, возможно, имеет в виду полемику с иудейским обрядом крещения прозелитов (Wengst, *ibid.*: 200, примеч. 179). Подлинное отпущение грехов, по убеждению автора, происходит только «через окропление кровью Христа» (ἐν τῷ ραντίσματι αὐτοῦ τοῦ αἵματος: *Barn.* 5.1; см. ч. 2, примеч. 73 о *Евр* 10.22), мученическая смерть которого была предсказана ветхозаветным пророком (5.2, где цитируется *Исаия* 53.5–7), но как это представление соотносится с обрядом крещения, он не поясняет; ср., однако: “Cette rémission obtenue au baptême a son fondement dans l’œuvre du Christ accomplie par sa mort sur la croix” (Benoit 1953: 37); “Barnabas highlights the forgiveness of sins as the distinctive feature of Christian baptism (11.1)” (Ferguson 2002: 222); ср. след. примеч.

³³ Это молчание объясняется, видимо, тем, что его читатели не были новичками и уже были посвящены в новую веру; для автора они «сыны и дочери в имени Господа» (υἱοὶ καὶ θυγατέρες ἐν ὀνόματι κυρίου: *Barn.* 1.1), в них «обитает великая вера и любовь» (μεγάλη πίστις καὶ ἀγάπη ἐγκατοικεῖ ἐν ὑμῖν: 1.4) и на них уже «излит дух избилующего любовью Господа» (ἐν ὑμῖν ἐκκεχυμένον ἀπὸ τοῦ πλουσίου τῆς ἀγάπης κυρίου πνεῦμα: 1.3; по поводу ἐκχέω ср. ч. 2, примеч. 46). Теперь же они нуждаются в том, чтобы к их

«Посмотрим теперь пристально, позаботился ли Господь о том, чтобы заранее открыть (тайнство) о воде и о кресте <...> Блаженны возложившие надежду на крест³⁴ и сошедшие в воду, потому что (получат) награду в свое время <...> мы сходим в воду полные грехов и нечистоты, а восходим, имея в сердце страх и надежду на Иисуса в духе³⁵».

Автор так называемого «(Второго) послания Климента коринфянам»³⁶ трижды обращается к теме крещения, используя однажды термин βάπτισμα и дважды синони-

вере было добавлено еще и «совершенное знание» (ἵνα μετὰ τῆς πίστεως ὑμῶν τελείαν ἔχητε τὴν γνῶσιν: 1.5), и своим посланием автор пытается поднять их на эту новую ступень, уверенный в том, что они «достойны» этого (ἄξιοί ἐστε ὑμεῖς: 9.9); суть этого знания (γνῶσις) состоит в том, что уже ВЗ пророки предвозвестили и «явление Иисуса в плоти» (...ἐπὶ τὸν ἐν σαρκὶ μέλλοντα φανεροῦσθαι ὑμῖν Ἰησοῦν: 5.7; 6.9) для того, чтобы «он смог уничтожить смерть и показать воскресение мертвых» (ἵνα καταργήσῃ τὸν θάνατον καὶ τὴν ἐκ νεκρῶν ἀνάστασιν δείξῃ: 5.6), и то, что ему суждено было пострадать на кресте (ἔδει γάρ, ἵνα ἐπὶ ξύλου πάθῃ: 5.13), и т.д. О том, что сочинение и по расположению тем (“in der Themenfolge”), и по способу цитирования ВЗ (“ein katechetischer Zitationsstil”), и по своему стилю (katechetischer Stil) является своего рода катехизисом для тех, кто уже был крещен, см. (Schille 1958: 36). Разумеется, видеть в частом употреблении слова γνῶσις (1.5; 2.3; 5.4; 6.9 и т.д.) какую-то связь с гностицизмом нет ни малейших оснований (уже Benoit 1953: 34, примеч. 2: “...n’a rien à faire avec le gnosticisme”); ср. “...demonstrates the anti-gnostic orientation” (Koester 1982: 279).

³⁴ Это сочинение — один из самых ранних христианских текстов, в котором появляется развернутое «богословие креста»; процитированные автором ВЗ тексты (*Исх* 17.5 сл.), в которых речь шла о «посохе» Моисея как «проброде креста» (τύπον τοῦ σταυροῦ), по его словам, показывают, что «невозможно быть спасенным, если не возложить надежду на крест» (οὐ δύνανται σωθῆναι, ἐὰν μὴ ἐπ’ αὐτῷ ἐλπίσωσιν: 12.3), т.е. спасение невозможно, если не верить в то, что крестная смерть Господа послужила началом новой жизни: «ведь для того Господь предал (свою) плоть на погибель, чтобы мы были освящены отпущением грехов...» (5.1) и «получив отпущение грехов и надежду на имя (Господа), мы стали новыми, еще раз заново созданными...» (λαβόντες τὴν ἄφεσιν τῶν ἁμαρτιῶν καὶ ἐλπίσαντες ἐπὶ τὸ ὄνομα ἐγενόμεθα καινοὶ πάλιν ἐξ ἀρχῆς κτιζόμενοι: 16.8). Таким образом, необходимым условием «отпущения грехов» является крестная смерть Господа, и только уверовавшие в это могут принимать крещение (см. также ч. 1, примеч. 32–33; ср. *1Кор* 1.18; *Кол* 1.20).

³⁵ Ζητήσομεν δὲ, εἰ ἐμέλησεν τῷ κυρίῳ προφανεῖσθαι περὶ τοῦ ὕδατος καὶ περὶ τοῦ σταυροῦ. <...> μακάριοι οἱ ἐπὶ τὸν σταυρὸν ἐλπίσαντες κατέβησαν εἰς τὸ ὕδωρ, ὅτι τὸν μὲν μισθὸν λέγει ἐν καιρῷ αὐτοῦ <...> ἡμεῖς μὲν καταβαίνομεν εἰς τὸ ὕδωρ γέμοντες ἁμαρτιῶν καὶ ὕπου καὶ ἀναβαίνομεν καρποφοροῦντες ἐν τῇ καρδίᾳ τὸν φόβον καὶ τὴν ἐλπίδα εἰς τὸν Ἰησοῦν ἐν τῷ πνεύματι (*Варн* 11.1, 8, 11). Ранее автор, приводя цитату из *Исх* 33.1, 3 (ср. *Лев* 20.24) об обетованной «земле, в которой течет мед и молоко» (6.8), так истолковал сказанное: «... (Господь), обновив нас в отпущении (отпущением) грехов (ἀνακαίνισας ἡμᾶς ἐν τῇ ἀφέσει τῶν ἁμαρτιῶν), превратил нас в другой образ (ἄλλον τύπον), так что мы имеем душу, как у детей, как будто он создал нас заново» (6.11), одним словом, «сделал в конце времен второе творение» (δευτέραν πλάσιν: 6.13). По той причине, что речь здесь идет об «обновлении при отпущении грехов» (см. предыдущее примечание), утверждать, что эти слова имеют в виду крещение (например, Koch 2002: 835: “Zwar hat der Verfasser in seiner Interpretation der Landverheißung nicht ausdrücklich den Begriff der Taufe benutzt, aber der Sache nach ist die Taufe präsent, ist doch das Thema „Sündenvergebung“ traditionell mit der Taufe verbunden (vgl. 2.38)...”, далее Koch сопоставляет это высказывание с *Тим* 3.5, где говорится об «обновлении в святом Духе»; см. ч. 2, примеч. 44 сл.), нет оснований уже потому, что сам автор, спрашивая затем: «Так что такое в самом деле молоко и мед?» — отвечает, не вспоминая крещения: «Как в ребенке в начале жизни жизнь поддерживается медом и молоком, так и мы, оживотворяемые верой в обетование и словом, будем жить...» (...τῇ πίστει τῆς ἐπαγγελίας καὶ τῷ λόγῳ ζωοποιούμενοι ζήσομεν: 6.17).

³⁶ Полный греческий текст сочинения дошел в единственной рукописи XI в. (вместе с «Дидахе» и «Посланием Варнавы»; см. выше, примеч. 21 и 30; в Codex Alexandrinus текст доходит только до 12.5; см. выше, примеч. 2), сохранился и сирийский перевод в рукописи XII в., содержащей *НЗ*, в которой оба послания (*1Clem.* и *2Clem.*) помещены между соборными посланиями и посланиями Павла. Первым о *2Clem.* говорит Евсевий, замечая, что сочинение бесосновательно приписывают Клименту Римскому и что ранние авторы его не знали (*Н.Е.* III.38.4). *2Clem.* вопреки своему названию ἐπιστολή (в позднем колофоне на основе предшествующего ему *1Clem.*) является не посланием, а гомилией (“die älteste erhaltene christliche

мичный ему σφραγίς, но, как и ранее Игнатий, нигде не упоминает воду; для него важен не обряд как таковой (как он протекал и из чего состоял, его не интересует), а его результат или, точнее говоря, «соблюдение» того «чистого и непорочного» состояния³⁷, в котором должен оставаться верующий, получивший крещение. В первом пассаже он спрашивает читателей:

«Если мы не будем *сохранять* чистым и непорочным *крещение*, то с какой надеждой войдем мы в царство Бога? Кто будет нашим защитником, если окажется, что нет у нас добрых и праведных дел?»³⁸.

Говоря о тех, кто не сможет соблюсти этого требования, автор подводит итог:

«Ибо о тех, которые *не сохранили печати*, сказано: „Червь их не умрет, и огонь их не угаснет, и будут они всем на обозрение“ (Исаия 66.24); <...> *сохраните плоть* в чистоте и *печать* незапятнанной, чтобы мы смогли получить жизнь вечную»³⁹.

Homilie”, см.: Altaner, Stuiber 1980: 88), обращенной к единоверцам. Некоторые отрывки в 2Clem. Созвучны высказываниям синоптических евангелий, но цитировал ли автор именно эти сочинения или пользовался какими-то другими (вероятно, письменными) источниками — установить едва ли возможно (подробнее см.: Gregory, Tuckett 2005: 251–292). Кто был автором послания, мы не знаем, в любом случае это был не тот человек, который написал 1Clem. (ср. “Der Verfasser ist sicher nicht identisch mit dem des 1Clem., da Stil und Gedanken in beiden Schriften ganz verschiedenartig sind” Vielhauer 1975: 743; обзор прежних гипотез о возможном авторстве (еп. Гигин, еп. Сотер, Юлий Кассиан) см.: Baasland 1993: 86–87), а на вопрос о том, где оно было написано, предлагались разные ответы: Рим, Коринф, Малая Азия, Сирия или Александрия (см. подробнее: Wengst 1984: 224–226). Датировать сочинение можно лишь приблизительно (общепринятая дата: 140-е годы; “heute dominiert aber eine ‘mittlere Datierung’, d.h. <...> im Zeitraum von 140–150” Baasland 1993: 88), согласившись при этом с выводом Эрмана: “Second Clement would obviously be more historically significant if we could pinpoint its date and location” (Ehrman 2003: 160; курсив автора).

³⁷ Примечательно настойчивое повторение во всех трех случаях глагола τηρέω; ср. также частый призыв «соблюдать/беречь плоть» (τηρεῖν/φυλάσσειν τὴν σάρκα: 8.4; 8.6; 9.6; 14.3), т.е. вести непорочную жизнь. Ср. Негм., Sim. VIII.72.3 выше, в примеч. 20, а также обращение Павла в «Деяниях Павла и Феклы»: «Блаженны, *сохранившие плоть* чистой <...>; блаженны, *сохранившие крещение*» (μακάριοι οἱ ἀγνήν τὴν σάρκα τηρήσαντες <...>; μακάριοι οἱ τὸ βάπτισμα τηρήσαντες: Act. Paul. Th. 5–6) и ниже, примеч. 39. Говоря о различном значении σφραγίζεω у христиан и в языческих мистериях: “In the mysteries, τηρεῖν τὴν σφραγίδα means ‘preserve the seal’ (of secrecy, from the uninitiate); in the connection with the Christian conception of the seal <...>, the expression has a purely ethical significance” (Lampe 1951: 104, примеч. 1).

³⁸ ἡμεῖς ἐὰν μὴ τηρήσωμεν τὸ βάπτισμα ἀγνὸν καὶ ἀμίαντον, ποῖα πεποιθήσει εἰσελευσόμεθα εἰς τὸ βασίλειον τοῦ θεοῦ; ἢ τίς ἡμῶν παράκλητος ἔσται, ἐὰν μὴ εὐρεθῶμεν ἔργα ἔχοντες ὅσα καὶ δίκαια; (2Clem. 6.9). Призыв к добрым делам — это тема, к которой автор постоянно возвращается: чтобы «соблюсти в чистоте крещение», надо исповедовать Господа делами (ἐν τοῖς ἔργοις: 4.3), жить благочестиво и праведно (ὁσίως καὶ δικαίως: 5.6), «ибо если мы будем ревностно совершать добро (ἀγαθοποιεῖν), то наступит для нас мир» (10.2); ведь Бог обещал «воздать каждому по делам его», и «если мы будем поступать по справедливости (δικαιοσύνην), то войдем в царство его» (11.6–7). Вторая тема — это призыв к покаянию («итак, давайте покаемся...» (μετανοήσωμεν) 8.1; 13.1; 17.1), которое допускается только в этой жизни («ибо после того, как мы вышли из мира, мы не можем каяться» (οὐκέτι δυνάμεθα μετανοεῖν) 8.3).

³⁹ Τῶν γὰρ μὴ τηρησάντων, φησίν, τὴν σφραγίδα ὁ σκόλης αὐτῶν οὐ τελευτήσει καὶ τὸ πῦρ αὐτῶν οὐ σβεσθήσεται καὶ ἔσονται εἰς ὄρασιν πάση σαρκί (2Clem. 7.6) <...> τηρήσατε τὴν σάρκα ἀγνήν καὶ τὴν σφραγίδα ἄσπιλον, ἵνα τὴν αἰώνιον ζωὴν ἀπολάβωμεν (Ibid.: 8.6; ср. выше, примеч. 37). Очевидную взаимозаменяемость σφραγίς, λουτρόν и βάπτισμα видим в отвергаемых Тертуллианом (Bapt. 17) апокрифических «Деяниях Павла и Феклы» (2-я половина II в.; подробно Schneemelcher 1989: 195, 197, 200–202), где речь идет об обряде *водного* посвящения; там Фекла просит Павла: «Только дай мне печать во Христе» (τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα), на что тот отвечает: «Имей терпение — и примешь воду» (καὶ λήψη τὸ ὕδωρ) (Act. Paul. Th. 25); брошенная к зверям, но увидевшая неподалеку воду Фекла восклицает: «Теперь время мне *омыться* (λουσασθαι), <...> именем Иисуса Христа *kreuz*» (τῷ ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ βαπτίζομαι;

Все эти примеры засвидетельствованы псевдоэпиграфической (за исключением, очевидно, Игнатия) литературой, которая ускользает от точных датировок. События, относящиеся к жизни и деятельности Иустина, прозванного Мучеником, можно датировать более надежно⁴⁰. Иустин несколько раз довольно подробно говорит о водном обряде посвящения, а о христианах (и, следовательно, о себе самом) — как о «крещенных святым Духом»⁴¹. В одном пассаже в полемике с иудеем Трифоном речь идет о «крещении», суть которого заключается не в физическом очищении, как в иудейских обрядах омовения, а в очищении души:

Ibid.: 34; об этой формуле см. ч. 1, примеч. 56–57 и выше, примеч. 24, 29); далее она говорит Павлу: «Приняла я омовение (τὸ λουτρόν), и тот, кто содействовал тебе в благовестии, содействовал и мне *принять омовение* (εἰς λούσασθαι)» (Ibid.: 40). Тот факт, что Фекла крестилась сама, без чьей-либо помощи, вызывает недоумение; однако о схожем употреблении βαπτίζομαι (*Деян* 22.13 сл.) см. подробнее ч. 1, примеч. 53. В «Деяниях Фомы» (очевидно, 1-я пол. III в.; подробнее Drijvers 1989: 290–296) находим ту же просьбу, обращенную к апостолу перед получением крещения: «Дай нам печать (τὴν σφραγίδα)», и в ответ Фома велел принести масла, «чтобы через масло они приняли печать» (ἵνα διὰ τοῦ ἐλαίου δέξωνται τὴν σφραγίδα), и возлил он масло на их головы, и «натерев их, стал говорить...» (*Act. Thom.* 26–27; Bonnet); в этом эпизоде о воде нет речи, но в параллельном рассказе сирийской версии «Деяний» (спор о том, какая версия сочинения, греческая или сирийская, была оригинальной, до сих пор продолжается) вода выходит на первый план, и история завершается тем, что апостол «возлил масло на их головы» и «крестил их во имя Отца, Сына и Духа» и «вышли они из воды» (Klijn 2003 с подробным комментарием: 76–84); в другом рассказе (в обеих версиях) в ответ на ту же просьбу («Дай мне печать Иисуса Христа») апостол возливает масло на голову Мигдонии и, так как рядом был источник (κρήνη ὕδατος), «крестил ее во имя Отца, Сына и святого Духа», после чего была совершена евхаристия (Ibid.: 120–121 (Bonnet); Klijn 2003: 204–207). Другие примеры из апокрифических деяний см. (Lampe 1951: 106–108; Ferguson 2009: 228–236).

⁴⁰ Об обстоятельствах его жизни мы знаем немного, хотя гораздо больше, чем о так называемых апологетах следующего за ним поколения. Основным источником наших сведений являются труды его самого (а также свидетельства Татиана и Евсевия), из которых мы узнаем, что он родился в Самарии в языческой семье, обратился в христианство (но когда именно и где, мы не знаем), какое-то время жил в Ефесе, а затем переехал в Рим, где и пострадал как мученик (ок. 165 г.); из его многочисленных трудов (например, утерянные «Против Маркиона» и «Против ересей» и т.д.: Eus., *H.E.* IV.12, 18) дошли лишь три (все в 150-е годы): 1-я и 2-я «Апологии» (причем 2-я, очевидно, не полностью) в защиту христианской веры, обращенные к императорам, и «Диалог с Трифоном-иудеем» о преимуществах христианской веры перед иудаизмом (по свидетельству Евсевия, состоявшийся в Ефесе: *H.E.* IV.18, 6, но есть все основания считать, что это литературная мистификация Иустина); обзор хронологии его жизни и трудов см. (Goodenough 1923: 76 сл.; Bobichon 2003: I, 1–6).

⁴¹ Отказываясь видеть в обрезании смысл, он спрашивает оппонента: «Какая необходимость мне в *обрезании* (περιτομή), если Бог стал мне свидетелем? Какая польза в *этом крещении* для того, кто уже был крещен святым Духом» (τίς ἐκεῖνον τοῦ βαπτίσματος χρεία ἄγίῳ πνεύματι βεβαπτισμένῳ; *Dial.* 29.1); Иустин использует βαπτίζομαι как синоним περιτομή, обозначая этими понятиями иудейский *обряд посвящения* и противопоставляя ему «крещенных святым Духом» (без упоминания воды при этом действии; ἄγίῳ πνεύματι употреблено без артикля, как и в евангельских текстах, см. ч. 1, примеч. 21, 22); в сочетании «βεβαπτισμένους ταῖς βαρυτάταις ἀμαρτίαις <...> ἐλυτρόσατο» (Ibid.: 86.6) он обыгрывает многозначность глагола βαπτίζω (см. ч. 1, примеч. 8 и 39): речь здесь, конечно, идет о том, что Христос «искупил *нагруженных* тяжелейшими грехами», а не о том, что он «искупил *крещенных*...» (ср. Bobichon 2003: 2, 802, примеч. 27). В другом месте Иустин, не упоминая βαπτίζομαι, противопоставляет иудейское (физическое) обрезание христианскому (чисто духовному) посвящению, называя его «вторым обрезанием» (ἡ περιτομή δευτέρα), которое «отрезает от всякого зла» (περιτέμνει ἀπὸ <...> πάσης ἀπλῶς κακίας), и происходит оно «через учение апостолов» (Ibid.: 114.4); ср.: «Уже есть нужда во втором обрезании (т.е. крещении)» (δευτέρας ἤδη χρεία περιτομῆς; Ibid.: 12.3), а также: «истинное обрезание» (ἡ ἀληθινή περιτομή; Ibid.: 18.2) и «духовное обрезание» (περιτομή πνευματικῆ), «которое мы принимаем через крещение» (διὰ τοῦ βαπτίσματος; Ibid.: 43.2); ср. уже: «обрезание сердца, в духе» (περιτομή καρδίας ἐν πνεύματι; *Римл* 2.29).

«Итак, через *омовение* покаяния⁴² и познания Бога <...> мы уверовали и заявляем, что только это *крещение*, которое он (Исаия⁴³) предсказывал, может очистить раскаявшихся, т.е. „вода жизни“ <...>. Ибо какая польза от того *крещения*, которое очищает только плоть и тело? *Омойтесь* душой (очищаясь) от гнева <...>, и вот, тело становится чистым»⁴⁴.

Можно думать, что в этом отрывке Иустин говорит о «воде жизни» не столько как о *физической*, сколько как о некой *умозрительной* субстанции⁴⁵ и что понятие «омовение» он также употребляет в метафорическом значении⁴⁶, поэтому и не считает нужным объяснять оппоненту, в чем именно состоит отличие иудейского водного обряда от христианского и в чем преимущество последнего⁴⁷. В споре с Трифоном он, кажется, сознательно отодвигает воду на задний план и, поскольку водные ритуалы были иудеям хорошо знакомы, не стал подчеркивать отличительную роль воды при христианском обряде; о том, что обряд совершался «во имя Иисуса Христа» или «во имя Отца, Сына и святого Духа», Иустин также здесь не говорит.

⁴² В отличие от всех предыдущих авторов, Иустин знает об Иоанне Крестителе, и его источником, очевидно, не в последнюю очередь был *Мф*; см. пространные, но почти дословные цитаты из *Мф* 3.11–12 в *Dial.* 49.3, из *Мф* 17.11–13 в *Dial.* 49.4, из *Мф* 11.12–14 в *Dial.* 51.3 и т.д. Сочетание *λουτράν* (*τῆς μετανοίας*, «омовение покаяния (покаянием)»), является эквивалентом *βάπτισμα μετανοίας*, которое проповедовал Иоанн (*Мф* 1.4 и т.д.; ср. ...κηρύσσοντος βάπτισμα μετανοίας: *Dial.* 88.7); как правило, избегая использовать *βάπτισμα* применительно к христианскому обряду (см. выше, примеч. 41), Иустин «христианизует» выражение; ср. также о *Barn.* 11.1 выше, в примеч. 32.

⁴³ Выше Иустин обильно цитировал эту книгу и, приведя парафраз *Исаии* 1.16 (цитату см. ч. 1, примеч. 88: *λούσασθε*... = *λουσάσθω*... в *Dial.* 12.3), говорит, что пророк уже предугадал то «спасительное омовение» (*τὸ σωτήριον λουτράν*), которое случится позже (*Ibid.*: 13.1); заметим, что к *λουσάσθω* (во фразе: «если кто-то имеет нечистые руки, пусть омоется, и он станет чистым») в единственной дошедшей рукописи сочинения (1363 г.; список с нее 1541 г.) переписчик добавил на полях *τῷ βαπτίσματι* («в крещении»; *Wobichon* 2003: 1, 212, аппарат), чтобы устранить недосказанность.

⁴⁴ *διὰ τοῦ λουτροῦ οὖν τῆς μετανοίας καὶ τῆς γνώσεως τοῦ θεοῦ <...> ἡμεῖς ἐπιστεῦσαμεν, καὶ γνωρίζομεν, ὅτι τοῦτ' ἐκεῖνο, ὃ προηγόρευε, τὸ βάπτισμα, τὸ μόνον καθαρῖσαι τοὺς μετανοήσαντας δυνάμενον, τοῦτό ἐστι τὸ ὕδωρ τῆς ζωῆς (*Откр* 21.6) <...>. τί γὰρ ὄφελος ἐκεῖνο τοῦ βαπτίσματος, ὃ τὴν σάρκα καὶ μόνον τὸ σῶμα φαιδρύνει; βαπτίσθητε τὴν ψυχὴν ἀπὸ ὀργῆς <...> καὶ ἰδοὺ τὸ σῶμα καθαρὸν ἐστι (*Dial.* 14.1–2).*

⁴⁵ Как, например, в *Откр* 21.6; 22.1, 17 (ὕδωρ (τῆς) ζωῆς); ср. также: «...учение Спасителя, которое является нашей духовной пищей и питьем, <...> „водой жизни“ гностической» (...ἥτις ἐστὶ βρώμα ἡμῶν πνευματικὸν καὶ πόμα <...> ὕδωρ ζωῆς γνωστικῆς; *Clem., Strom.* VII.104.5); об «умозрительной воде» (ὕδωρ λογικόν) см. ч. 1, примеч. 88.

⁴⁶ Ссылаясь на *Исаию* 1.16 (см. выше, примеч. 43), Иустин говорит: «Ведь не в баню (*εἰς βαλανεῖον*) же в самом деле послал вас Исаия, чтобы вы омылись (*ἀπολουσάμενους*) от убийства и других грехов...» (*Dial.* 13.1), подразумеваемая этими словами, что глагол в *B3* тексте имеет метафорическое значение; для иудеев, продолжает Иустин, нет другого пути для безгрешной жизни, как только «познав Христа и *омывшись омовением* для отпущения грехов, о котором возвестил Исаия» (*τὸν Χριστὸν ἐπιγνόντες καὶ λουσάμενοι τὸ ὑπὲρ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν διὰ Ἰσαίου κηρυχθὲν λουτράν*; *Ibid.*: 44.4). О метафорическом значении «омовения» (*λουτράν*) см. ч. 2, примеч. 45.

⁴⁷ В *Dial.* 14.1–2 Иустин обозначает христианский обряд посвящения словом *λουτράν*, а словом *βάπτισμα* — иудейский обряд очищения, при этом глагол *βαπτίζω* имеет здесь такое же значение, что и в *Лк* 11.38 (см. ч. 1, примеч. 11; в том же значении «омываться» после прикосновения к чему-то нечистому использует *βαπτίζεσθαι* и Трифон: *Dial.* 46.2); далее Иустин применяет *βάπτισμα* и по отношению к иудейскому омовению, и по отношению к христианскому обряду посвящения: «Ведь не принимаем мы этого (вашего) бесполезного *омовения* из цистерн, ибо не имеет оно никакого отношения к этому (нашему) *крещению* жизни» (*οὐδὲ γὰρ τὸ βάπτισμα ἐκεῖνο τὸ ἀνωφελὲς τὸ τῶν λάκκων προσλαμβάνομεν· οὐδὲν γὰρ πρὸς τὸ βάπτισμα τοῦτο τῆς ζωῆς ἐστι: Dial.* 19.2).

Иную картину видим в ранее написанной «1-й Апологии», где Иустин, обращаясь уже к языческой аудитории с разъяснениями о том, в чем состоит суть чуждой для них веры, дает не только пространное описание самого обряда (при этом ни разу не используя чуждое языческому уху понятие βάπτισμα и заменяя его на λουτρόν, а также не говоря о том, кто именно совершал обряд⁴⁸), но и того, что ему предшествует и что за ним следует:

«Тех, которые убедятся и поверят в то, что наше учение и наши слова истинны, и дадут обещание, что они смогут жить в соответствии (с нашим учением), (сначала) учат молиться и, постясь, просить у Бога отпущения прежде совершенных грехов; мы вместе с ними молимся и с ними постимся. Затем мы ведем их туда, где есть вода, и возрождаются они таким же образом, каким и мы сами были возрождены. Ибо тогда совершается *омовение в воде* во имя Отца всех и Господа Бога, и Спасителя нашего Иисуса Христа, и святого Духа⁴⁹. Ведь и Христос сказал: „Если не возродитесь, то не войдете в царствие небес“⁵⁰. <...> чтобы не оставались мы детьми необходимости и незнания, но (стали детьми) свободного выбора и знания, чтобы мы получили отпущение ранее совершенных грехов, над тем, кто готов возродиться и уже покаяться, произносится *в воде* имя Отца всех и Господа Бога. Тот, кто ведет для *омовения* собирающегося *омыться*, призывает только это (имя)⁵¹ <...> Называется же это омовение „просвещением“, потому что просвещается ум тех, кто это познает⁵². И просвещаемый *омывается* (еще и) во имя Иисуса Христа,

⁴⁸ Он использует здесь такие неопределенные обороты, как «учат» (διδάσκονται), «совершают» (ποιοῦνται), «произносятся» (ἐπινομάζονται), «омывается» (λουέται); видимо, Иустин не считал нужным посвящать языческую аудиторию в подробности иерархической организации христианской общины, которую он никогда не называет церковью (ἐκκλησία), а «собранием братьев» (*Iapol.* 65.1) или «сходкой» (συνέλευσις; *Ibid.*: 67.3); для церковных должностей он использует нейтральные обозначения; так, он говорит о «предстоятеле братьев» (προεστὸς τῶν ἀδελφῶν; *Ibid.*: 65.3, 5; 67.4–6), за которым, очевидно, следует видеть «епископа», и о «так называемых у нас диаконах» (διάκονοι; *Ibid.*: 65.5; 67.5), помогающих «предстоятелю» при совершении евхаристии (ср. выше, примеч. 8). Вспомним при этом, что уже к концу II в. существуют строгие правила о тех, кому позволено совершать обряд: «...право же совершать (крещение) имеет первосвященник, т.е. епископ; затем священники и диаконы, но не без разрешения епископа» (*dandi quidem habet jus summus sacerdos, qui est episcopus; dehinc presbyteri et diaconi, tamen sine episcopi auctoritate*), в исключительных же случаях крещение могут совершать и миряне (*laici*) (*Tert. Bapt.* 17); подробнее с примерами см. (*Lightfoot* 1889: 312, примеч. 1).

⁴⁹ Об этой тричной формуле при крещении см. ч. 1, примеч. 40; ч. 2, примеч. 10, 49. Об «омовении грешников, запечатленном в Отце, и Сыне, и святом Духе, которое получает вера (т.е. верующий)» (...ablutione (= λουτρόν) delictorum, quam fides impetrat, obsignata (= σφραγίζω) in Patre et Filio et Spiritu Sancto), см.: *Tert., Bapt.* 6.1; ср. также слова валентинианина Феодота (или его последователей), цитирующего *Мф* 28.19 (см. ч. 1, примеч. 40): «Ибо тот, кто был крещен в Бога, в Бога вошел (ὁ γὰρ εἰς θεὸν βάπτισθεὶς εἰς θεὸν ἐχώρησεν)», поэтому «он и дал наказ апостолам: „<...> крестите верующих во имя Отца, и Сына, и святого Духа“» (*Clem., Exch. Theod.* 76.2–3); «ибо запечатленный (σφραγισθεὶς) Отцом, Сыном и святым Духом не подвержен действию никакой другой силы» (*Ibid.*: 80.3); кажется, Климент даже не пытался полемизировать с этим высказыванием, как, впрочем, и с другим: «Освобождает не только омовение, но и познание» (ἔστιν δὲ οὐ τὸ λουτρόν μόνον τὸ ἐλευθεροῦν, ἀλλὰ καὶ γνῶσις; *Ibid.*: 78).

⁵⁰ Об этой аллюзии к *Ин* 3.5 и 3 см. подробнее ч. 1, примеч. 26, 27.

⁵¹ Текст этой фразы, очевидно, испорчен (рук.: αὐτὸ τοῦτο μόνον ἐπιλέγοντες τοῦ τὸν λουσόμενον ἄγοντες не имеет смысла); в переводе исхожу из предложенного еще в XVIII в. исправления (ἐπιλέγοντος), которое делает текст более понятным (*Minns, Parvis* 2009: 240–241); из ранних конъектур заслуживает внимания: αὐτὸ τοῦτο μόνον ἐπιλέγοντες τὸν λουσόμενον ἄγομεν, «призывая это имя, мы ведем для омовения...» (подробнее см.: *Otto* 1847: 146, аппарат).

⁵² φωτισμός и φωτίζω применительно к крещению впервые использует Иустин (ср. ч. 2, примеч. 53 и 63 о том, что φωτίζω в *Евр* 6.4 и 10.32 совсем необязательно имеет в виду этот обряд; ср. также безотноси-

распятого при Понтии Пилате, и во имя святого Духа⁵³, который ранее возвестил через пророков все, что (произойдет) с Иисусом»⁵⁴.

Иустин ясно дает понять, что водному обряду посвящения предшествует период катехумената, хотя и не говорит о том, сколько времени длилась эта подготовка и из чего она состояла⁵⁵; получив крещение, верующий, приведенный в «собрание брать-

тельно к крещению *2Кор* 4.4: φωτισμός τοῦ εὐαγγελίου; *Ibid.*: 4.6: φωτισμός τῆς γνώσεως), а затем этими понятиями охотно пользуется Климент, и если во фразе: «к омовению, к спасению, к просвещению» (ἐπὶ τὸ λουτρόν, ἐπὶ τὴν σωτηρίαν, ἐπὶ τὸν φωτισμόν *Protr.* 94.2), к чему призывает Господь, можно видеть цепь метафор, которые характеризуют внутреннее очищение, не связанное с обрядом (ср. φωτισμός ἄρα ἡ γνώσις ἐστίν: *Paed.* 1.29.4; *Strom.* V.64.4), то в таких высказываниях, как «получая крещение, мы просвещаемся» (βαπτίζομενοι φωτιζόμεθα: *Paed.* 1.26.1), или: «этот обряд (т.е. крещение) называют по-разному: и благодатью, и просвещением (φώτισμα), и омовением (λουτρόν) <...>; просвещением потому, что благодаря ему (т.е. крещению) становится возможным созерцать святой спасительный свет, т.е. благодаря ему мы распознаем Божество» (...τὸ θεῖον ὁξυποῦμεν; *Ibid.*: 26.2; ср. ч. 1, примеч. 44 о λουτρόν), Климент говорит именно об обряде, хотя нигде, даже бегло, не пишет о том, как именно этот обряд протекал.

⁵³ По поводу вставленного в перевод «еще и» см. выше, примеч. 49 и 51. О древней формуле «креститься во имя (Господа) Иисуса (Христа)» см. выше, примеч. 24, 29 и ч. 1, примеч. 56–57. О том, что это действие должно повторяться трижды, Иустин прямо не говорит. Ср., однако, выше, примеч. 26 о *Did.* 7.3 (троекратное возливание воды на голову); Тертуллиан же знает практику троекратного погружения в воду при крещении: «Мы трижды погружаемся, отвечая (при этом) более подробно (или: делая при этом больше), чем Господь установил в Евангелии» (dehinc ter mergitatur amplius aliquid respondentes quam dominus in evangelio determinavit: *De cor.* 3); aliquid amplius имеет, кажется, в виду, что крещаемый при каждом погружении произносил в ответ одно имя: Отца, Сына и Духа, в то время как в евангельских текстах нигде не говорится о троекратном погружении и троекратном произнесении имени (ср. *Деян* 8.37 и ч. 1, примеч. 43); в другом трактате Тертуллиан пишет: Христос наказал ученикам, «чтобы они погружали (= крестили) в Отца, и Сына, и святого Духа (ср. *Мф* 28.19), (а) не в кого-то одного, т.е. не однажды, но трижды; погружаемся мы (трижды) для каждого имени в отдельности (ut tinguerent (= baptizarent) in patrem et filium et spiritum sanctum, non in unum. nam nec semel, sed ter, ad singula nomina in personas singulas tinguimur: *Adv. Prax.* 26); подробнее см. (Ferguson 2009: 341–342). Поколением позже сложившаяся церковная практика уже подробно описана в *Trad. ap.* (см. выше, примеч. 26): епископ или священник, возложив руку на голову крещаемого, который до этого уже был помазан маслом для изгнания злых духов (oleo exorcismi), а теперь сошел в воду, спрашивает: «Веришь ли ты в Бога Отца...?» (credis in deum patrem...?), и после ответа: «Верю» (credo) крестящий, продолжая держать руку на его голове, погружает его первый раз (manum habes in caput eius inpositam baptizat semel); та же процедура повторяется при вопросе о Сыне и Духе святом; после завершения обряда крещеный помазывается еще раз (21).

⁵⁴ (2) ὅσοι ἂν πεισθῶσι καὶ πιστεῦσιν ἀληθῆ ταῦτα τὰ ἐφ' ἡμῶν διδασκόμενα καὶ λεγόμενα εἶναι, καὶ βιοῦν οὕτως δύνασθαι ὑπισχῶνται, εὐχασθῆναι τε καὶ νηστεύοντες παρὰ τοῦ θεοῦ τῶν προημαρτημένων ἄφεσιν διδάσκονται ἡμῶν συνευχομένων καὶ συννηστεύοντων αὐτοῖς. (3) ἔπειτα ἄγονται ὑφ' ἡμῶν ἔνθα ὕδωρ ἐστὶ, καὶ τρόπον ἀναγεννήσεως, ὃν καὶ ἡμεῖς αὐτοὶ ἀνεγεννήθημεν, ἀναγεννώμεθα. ἐπ' ὀνόματος γὰρ τοῦ πατρὸς τῶν ὄλων καὶ δεσπότου θεοῦ καὶ τοῦ σωτήρου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ πνεύματος ἁγίου τὸ ἐν τῷ ὕδατι τότε λουτρόν ποιοῦνται. (4) καὶ γὰρ ὁ Χριστὸς εἶπεν ἂν μὴ ἀναγεννηθῆτε, οὐ μὴ εἰσέλθητε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν. (*1Apol.* 61.2–4) (10) <...> ὅπως μὴ ἀνάγκης τέκνα μηδὲ ἀγνοίας μένομεν ἀλλὰ προαιρέσεως καὶ ἐπιστήμης, ἀφέσεώς τε ἁμαρτιῶν ὑπὲρ ὧν προημάρτομεν τύχωμεν, ἐν ὕδατι ἐπονομάζεται τῷ ἐλομένῳ ἀναγεννηθῆναι καὶ μετανοήσαντι ἐπὶ τοῖς ἡμαρτημένοις τὸ τοῦ πατρὸς τῶν ὄλων καὶ δεσπότου θεοῦ ὄνομα, αὐτὸ τοῦτο μόνον ἐπιλέγοντες τοῦ τὸν λουσόμενον ἄγοντες ἐπὶ τὸ λουτρόν <...> (12) καλεῖται δὲ τοῦτο τὸ λουτρόν φωτισμός, ὡς φωτιζόμενων τὴν διάνοιαν τῶν ταῦτα μανθανόντων. καὶ ἐπ' ὀνόματος δὲ Ἰησοῦ Χριστοῦ σταυρωθέντος ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου, καὶ ἐπ' ὀνόματος πνεύματος ἁγίου, ὃ διὰ τῶν προφητῶν προεκήρυξε τὰ κατὰ τὸν Ἰησοῦν πάντα, ὃ φωτιζόμενος λούεται (*Ibid.*: 61.10, 12–13).

⁵⁵ Очевидно, не считая нужным рассказывать язычникам о содержании этой подготовки, он ограничивается только беглым упоминанием: «их учат молиться и в посте просить об отпущении грехов» (*1Apol.* 61.2). О том, что какое-то подготовительное наставление новичков (без указания на его продолжительность) существовало уже в ранние времена христианства, может, кажется, свидетельствовать *1Кор* 15.3–7, где Павел излагает содержание учения, знание которого необходимо каждому новообращенному; ср. так-

ев» как уже ставший полноправным членом общины⁵⁶, допускается к евхаристии, которая совершается после молитв и взаимного целования...⁵⁷.

Описанный обряд, а именно «водное крещение» (со всеми атрибутами, ему сопутствующими), в котором спасительная роль *воды* всячески подчеркивается, отражает практику, постепенно сложившуюся к концу II в. и с тех пор ставшую краеугольным (хотя всегда с местными особенностями) камнем *церковной* жизни в разных частях

же: *Евр* 6.1–3 (ср., однако, Campenhausen 1972: 228, примеч. 111 о том, что в *НЗ* едва ли можно разглядеть следы наличия этой практики); о катехуменате в «Дидахе» см. выше, примеч. 23; в «Послании Варнавы»: примеч. 33. Позднее эта неопределенная практика получает строгую нормативную форму: катехумены, которыми становились после тщательного отбора и испытания церковными начальниками (*Trad. ap.* 16), должны были слушать наставления в вере в течение трех лет (*catechumeni per tres annos audiant verbum*), но особо ревностные (*sollicitus*) в вере и поведении могли этот срок сократить (*Ibid.*: 17); после окончания обучения они еще раз подвергались испытанию: какие добрые дела они совершили за это время и т.п.; если окажется, что он «не хорош или нечист» (*non est bonus aut non est purus*), его не допускают к крещению (*Ibid.*: 20); подробнее см. (Kretschmar 1989).

⁵⁶ После крещения «мы приводим его туда, где собрались братья, и совершаем общие молитвы и за себя, и за крещенного, и за всех других, <...> а завершив молитвы, приветствуем друг друга поцелуем» (...ἐπὶ τοὺς λεγομένους ἀδελφοὺς ἄγομεν, ἔνθα συνηγμένοι εἰσὶ, καὶ κοινὰς εὐχὰς ποιησάμενοι ὑπὲρ τε ἑαυτῶν καὶ τοῦ φωτισθέντος καὶ ἄλλων πανταχοῦ πάντων <...> ἀλλήλους φιλήματι ἀσπαζόμεθα, παυσάμενοι τῶν εὐχῶν: 65.1–2). Иустин ничего не говорит о помазании *после* крещения (возможно, не желая обременять язычников ненужными подробностями), но другие авторы отмечают это как необходимую часть обряда: «Выйдя из купели, мы помазываемся благословенным помазанием <...>. Затем возлагается рука, благословением призывающая и приглашающая святого Духа» (*exinde egressi de lavacro perungimur benedicta unctione <...>. dehinc manus imponitur per benedictionem advocans et invitans spiritum sanctum: Tert., Bapt. 7–8*); «и (крещенный) поднимается из воды, и помазывает его священник маслом благодарения <...>, и после этого они могут войти в церковь» (*et ascendat ex aqua et ungat eum presbyter oleo gratiarum actionis <...>, et ingrediantur in ecclesiam: Trad. ap. 21*); ср. о «помазании» *перед* крещением в *Act. Thom.* в примеч. 39.

⁵⁷ «После этого предстоятелю братьев подносят хлеб и сосуд (с вином), смешанным с водой; и он, взяв (это), воссылает хвалу и славу Отцу всего именем Сына и святого Духа, и совершается благодарение за то, что он сделал их достойными; когда он (предстоятель) закончил молитвы и благодарение, весь присутствующий народ восклицает: „Аминь“ <...>; когда же предстоятель закончил благодарение и весь народ произнес (т.е. „Аминь“), так называемые у нас диаконы дают каждому из присутствующих приобщиться хлеба, вина и воды (т.е. вина, разбавленного водой. — *A.X.*), над которыми была совершена благодарственная молитва <...>. И эта пища называется у нас „евхаристией“, в которой никому другому не позволено участвовать, а только верующему в истинность того, чему мы их научили, и *омытому омовением* для отпущения грехов и возрождения» (ἔλεϊτα προσφέρεται τῷ προεστῶτι τῶν ἀδελφῶν ἄρτος καὶ ποτήριον ὕδατι κεκραμένον· καὶ οὗτος λαβὼν, αἶνον καὶ δόξαν τῷ πατρὶ τῶν ὄλων διὰ ὀνόματος τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ πνεύματος τοῦ ἁγίου ἀναπέμπει, καὶ εὐχαριστίαν ὑπὲρ τοῦ κατηξιώσθαι τούτων παρ' αὐτοῦ ἐπὶ πολὺ ποιεῖται καὶ οὐ συντελέσαντος τὰς εὐχὰς καὶ τὴν εὐχαριστίαν πᾶς ὁ παρὼν λαὸς ἐπευφημεῖ λέγων ἀμὴν <...>. εὐχαριστήσαντος δὲ τοῦ προεστῶτος καὶ ἐπευφημήσαντος παντὸς τοῦ λαοῦ οἱ καλούμενοι παρ' ἡμῶν διάκονοι διδώσιν ἑκάστω τῶν παρόντων μεταλαβεῖν ἀπὸ τοῦ εὐχαριστηθέντος ἄρτου καὶ οἴνου καὶ ὕδατος <...>. καὶ τροφὴ αὕτη καλεῖται παρ' ἡμῶν εὐχαριστία, ἧς οὐδενὶ ἄλλω μετασχεῖν ἐξὸν ἐστίν ἢ τῷ πιστεύοντι ἀληθῆ εἶναι τὰ διδασκόμενα ὑφ' ἡμῶν καὶ λουσαμένῳ τὸ ὑπὲρ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν καὶ εἰς ἀναγέννησιν λουτρόν: 65.3–66.1). Также и в *Trad. ap.* 21 подробно описывается евхаристия, происходящая сразу после принятия крещения (это первое полноценное участие новокрещенного в церковной службе): епископ произносит благодарственную молитву над хлебом, поскольку он является образом плоти Христа, и над чашей со смешанным вином, поскольку оно является образом крови (Христа), пролитой за всех (...*gratias agat super panem, quia forma est carnis Christi, et calicem vini (var. calicem vino mixtum), quia est sanguis Christi qui effusus est pro omnibus*); затем епископ преломляет хлеб (*frangens panem*) и раздает каждому со словами: «Это хлеб небесный — тело Христа Иисуса» и т.д. О совершении евхаристии без вина, а только хлебом, или хлебом и водой (*pane et aqua*), или хлебом, водой, молоком с медом и вином в апокрифических деяниях апостолов см. подробно (Lietzmann 1926: 238 сл.) с попыткой реконструкции происхождения обряда (249 сл.).

Римской империи. Теперь обратимся к понятию «крещение» в гностических текстах, которые, проповедуя «другое благовестие»⁵⁸ и откровенно противостоя церковному христианству не только в ключевых вопросах богословия, но и в вопросах ритуальной практики, именно в это время начинают наводнять христианский мир и, сосуществуя и конкурируя с текстами нормативного христианства, находить широкий круг читателей.

Продолжение следует

Сокращения

- Ablution* — Ablution, Initiation, and Baptism. Late Antiquity, Early Judaism, and Early Christianity. Ed. by D. Hellholm et al., Berlin–Boston, Walter de Gruyter, 2011 (BZNW, 176. 1–2)
- ANRW* — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin–N.Y., W. de Gruyter
- FC* — Fontes Christiani
- JSNT* — Journal for the Study of the New Testament
- NT* — Novum Testamentum
- NTA* — Neutestamentliche Apokryphen in deutscher Übersetzung. Hrsg. von W. Schneemelcher. Bd. 2: Apostolisches: Apokalypsen und Verwandtes. 5. Aufl. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1989
- PTS* — Patristische Texte und Studien
- SC* — Sources Chrétiennes
- TRE* — Theologische Realenzyklopädie
- TU* — Texte und Untersuchungen
- VC* — Vigiliae Christianae
- ZAC* — Zeitschrift für Antikes Christentum
- ZNW* — Zeitschrift für Neutestamentliche Wissenschaft

Литература

- Хосроев 2016 — *Хосроев А.Л.* Другое благовестие II. Христианские гностики II–III вв.: их вера и сочинения. СПб.: Контраст, 2016.
- Altaner, Stuiber 1980 — *Altaner B., Stuiber A.* Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg et al.: Herder, 1980.
- Baasland 1993 — *Baasland E.* Der 2. Klemensbrief und frühchristliche Rhetorik: “Die erste christliche Predig” im Lichte der neueren Forschung // *ANRW*. 1993. Bd. 27 (1. Teilband). P. 79–157.
- Barnard 1978 — *Barnard L.W.* The Epistle of Barnabas in its Jewish Setting // *Barnard L.W.* Studies in Church History and Patristics. Thessaloniki, Patriarchal Inst. for Patristic Studies, 1978. P. 52–106.
- Barnard 1993 — *Barnard L.W.* The ‘Epistle of Barnabas’ and its Contemporary Settings // *ANRW*. 1993. Bd. 27 (1. Teilband). P. 159–207.
- Barth 2002 — *Barth G.* Die Taufe in frühchristlicher Zeit. 2. verbes. Aufl. Neukirchen: Neukirchener Verl., 2002.
- Benoit 1953 — *Benoit A.* Le baptême chrétien au second siècle. La théologie des pères. Paris: Presses univ. de France, 1953.
- Blomkvist 2011 — *Blomkvist V.* The Teaching on Baptism in the Shepherd of Hermas // *Ablution*. 2011. P. 849–870.

⁵⁸ Подробнее см.: Хосроев 2016 и заключительную часть этой статьи в следующем номере ППВ.

- Bobichon 2003 — *Bobichon Ph.* Justin Martyr. Dialogue avec Tryphon. Édition critique, traduction, commentaire. Fribourg: Academic Press, 2003 (Paradosis, 47/1–2).
- Campenhausen 1972 — *Campenhausen H.* Das Bekenntnis im Urchristentum // ZNW. 1972. 63. P. 210–253.
- Drijvers 1989 — *Drijvers H.J.W.* Thomasakten // NTA. 1989. P. 289–367.
- Ehrman 2003 — The Apostolic Fathers. Vol. I: I Clement. II Clement. Ignatius. Polycarp. Didache / Ed. and transl. by B.D. Ehrman. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003 (Loeb Classical Library, 24).
- Ferguson 2002 — *Ferguson E.* Christian and Jewish Baptism according to the *Epistle of Barnabas* // Dimensions of Baptism. Biblical and Theological Studies / Ed. by S.E. Porter and A.R. Cross. London: Sheffield Acad. Press, 2002. P. 207–223 (JSNT. Suppl. Ser., 234).
- Ferguson 2009 — *Ferguson E.* Baptism in the Early Church. History, Theology and Liturgy in the First Five Centuries. Grand Rapids: W.B. Eerdmans, 2009.
- Garrow 2004 — *Garrow A.J.P.* The Gospel of Matthew's Dependence on the Didache. London; New York: T&T. Clark International, 2004 (JSNT. Suppl. Ser. 254).
- Goodenough 1923 — *Goodenough E.R.* The Theology of Justin Martyr. Jena: Walter Biedermann, 1923.
- Gregory, Tuckett 2005 — *Gregory A.F., Tuckett C.M.* 2 Clement and the Writing that Later Formed the New Testament // The Reception of the New Testament in the Apostolic Fathers / Ed. by A.F. Gregory, C.M. Tuckett. Oxford: Univ. Press, 2005. P. 251–292.
- Grundeken 2015 — *Grundeken M.* Community Building in the Shepherd of Hermas. A Critical Study of Some Key Aspects. Leiden; Boston: Brill, 2015 (Supplements to VC, 131).
- Hemmer et al., 1907 — Les pères apostoliques I–II. Doctrine des apôtres. Épître de Barnabé / Texte grec, trad. française, introd. et index par H. Hemmer, G. Oger et A. Laurent. Paris: Alphonse Picard et fils, 1907.
- Hornschuh 1965 — *Hornschuh M.* Studien zur Epistula Apostolorum. Berlin: Walter de Gruyter, 1965 (PTS, 5).
- Hübner 1997 — *Hübner R.M.* Thesen zur Echtheit und Datierung der sieben Briefe des Ignatius von Antiochien // ZAC. 1997. Vol. 1. P. 44–72.
- Jaubert 1971 — Clément de Rome. Épître aux Corinthiens / Introd., texte, trad., notes et index par A. Jaubert. Paris: Les éditions du Cerf, 1971 (SC, 167).
- Joly 1986 — Hermas. Le Pasteur / Introd., texte critique, trad. et notes par R. Joly. 2e éd. Paris: Les éditions du Cerf, 1986 (SC, 53).
- Klijn 1986 — *Klijn A.F.J.* Jewish Christianity in Egypt // The Roots of Egyptian Christianity / Ed. by B.A. Pearson, J.E. Goehring. Philadelphia: Fortress Press, 1986. P. 161–175.
- Klijn 2003 — *Klijn A.F.J.* The Acts of Thomas. Introduction, Text, and Commentary. 2nd revised ed. Leiden; Boston: Brill, 2003 (Supplements to NT, 108).
- Knopf 1920 — *Knopf R.* Die Lehre der zwölf Apostel. Die zwei Clemensbriefe. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1920.
- Koch 2011 — *Koch D.-A.* Taufinterpretation bei Ignatius und im Barnabasbrief Christologische und soteriologische Deutungen // Ablution. 2011. P. 817–848.
- Koester 1982 — *Koester H.* Introduction to the New Testament. Vol. 2: History and Literature of Early Christianity. 2nd ed. New York; Berlin, 1982.
- Kretschmar 1989 — *Kretschmar G.* Katechumenat/Katechumenen // TRE, 18, 1989. P. 1–5.
- Lampe 1951 — *Lampe G.W.H.* The Seal of the Spirit. A Study in the Doctrine of Baptism and Confirmation in the New Testament and the Fathers. London: Longmans, Green and Co., 1951.
- Lampe 2003 — *Lampe P.* Christians at Rome in the First Two Centuries. From Paul to Valentinus. London: T&T Clark Intern., 2003.
- Lietzmann 1926 — *Lietzmann H.* Messe und Herrenmahl. Eine Studie zur Geschichte der Liturgie. Bonn: A. Marcus and E. Weber's Verlag, 1926.

- Lightfoot 1889 — *Lightfoot J.B.* The Apostolic Fathers. Vol. 2. Pt. 2. S. Ignatius. S. Polycarp. Revised Texts with Introd., Notes, Dissertations, and Translations. 2nd ed. London: Macmillan and Co., 1889.
- Meier 2002 — *Meier H.O.* The Social Setting of the Ministry as Reflected in the Writings of Hermas, Clement and Ignatius. Waterloo: W. Laurier Univ. Press, 2002.
- Minns, Parvis 2009 — Justin, Philosopher and Martyr. Apologies / Ed. with a Commentary on the Text by D. Minns, P. Parvis. Oxford: Univ. Press, 2009.
- Munier 1992 — *Munier Ch.* Où en est la question d'Ignace d'Antioche? Bilan d'un siècle de recherches 1870–1988 // ANRW. 1992. Bd. 27, 1, P. 359–484.
- Niederwimmer 1993 — Die Didache. Erklärt von K. Niederwimmer. 2. erg. Aufl. Göttingen, Vandenhoeck and Ruprecht, 1993.
- Otto 1847 — S. Iustini philosophi et martyris opera quae feruntur omnia. Recensuit Io. C.Th. Otto. T. 1. Pars 1. 2 ed. Ienae: Frider. Mauke, 1847.
- Paulsen 1977 — *Paulsen H.* Studien zur Theologie des Ignatius von Antiochien. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977.
- Quasten 1983 — *Quasten J.* Patrology. Vol. 1. Allen: Christian Classics, 1983.
- Robillard 1971 — *Robillard E.* L'Épître de Barnabé; trois époques, trois théologies, trois rédacteurs // Revue biblique. 1971. 78. No. 2. P. 184–209.
- Robinson 1920 — *Robinson J.A.* Barnabas, Hermas and the Didache. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1920.
- Rordorf 1986a — *Rordorf W.* Le baptême selon la *Didaché* // *Rordorf W.* Liturgie, foi et vie des premiers Chrétiens. Nouvelle ed. revue et corr. Paris: Beauchesne, 1986 (Théologie historique, 75). P. 175–185.
- Rordorf 1986b — *Rordorf W.* Un chapitre d'éthique judéo-chrétienne: les deux voies // *Rordorf W.* Liturgie, foi et vie des premiers Chrétiens. Nouvelle ed. revue et corr. Paris: Beauchesne, 1986 (Théologie historique, 75). P. 155–174.
- Sandnes 2011 — *Sandnes K.O.* Seal and Baptism in Early Christianity // Ablutions. 2011. P. 1441–1481.
- Schille 1958 — *Schille G.* Zur urchristlichen Tauflehre. Stilistische Beobachtungen am Barnabasbrief // ZNW. 1958. 49. P. 31–51.
- Schmidt 1919 — Gespräche Jesu mit seinen Jüngern nach der Auferstehung. Ein katholisch-apostolisches Senschreiben des 2. Jahrhunderts / Hrsg. von C. Schmidt. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1919 (TU, 43).
- Schneemelcher 1989 — *Schneemelcher W.* Paulusakten // NTA. 1989. P. 193–214.
- Schoedel 1990 — *Schoedel W.R.* Die Briefe des Ignatius von Antiochien. Ein Kommentar. München: Chr. Kaiser Verlag, 1990.
- Schöllgen, Geerlings 2000 — Didache. Zwölf-Apostel-Lehre. Übers. u. eingeleitet von G. Schöllgen. Traditio Apostolica. Apostolische Überlieferung. Übers. u. eingel. v. W. Geerlings. 3. Aufl. Freiburg et al., Herder, 2000 (FC, Bd. 1).
- Smith 2014 — *Smith J.C.H.* The *Epistle of Barnabas* and the Two Ways of Teaching Authority // VC. 2014. 68. P. 465–497.
- Vielhauer 1975 — *Vielhauer Ph.* Geschichte der urchristlichen Literatur. Einleitung in das Neue Testament, die Apokryphen und die Apostolischen Väter. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975.
- Völker 1952 — *Völker W.* Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus. Berlin: Akad.-Verlag, 1952 (TU, 57).
- Wengst 1984 — *Wengst K.* Schriften des Urchristentums. Didache, Barnabasbrief, 2. Klemensbrief, Schrift an Diognet. Eingeleitet, hrsg., übertr. u. erläutert. München: Kösek-Verl., 1984.
- Windisch 1920 — *Windisch H.* Die apostolischen Väter. III. Der Barnabasbrief. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1920.

References

- Altaner, Berthold and Stuiber, Alfred. *Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter*. Freiburg et al.: Herder, 1980 (in English).
- Baasland, Ernst. “Der 2. Klemensbrief und frühchristliche Rhetorik: „Die erste christliche Predig“ im Lichte der neueren Forschung”. *ANRW*, Bd. 27 (1. Teilband), 1993, pp. 79–157 (in German).
- Barnard, Leslie W. “The Epistle of Barnabas in its Jewish Setting”. id. In: *Studies in Church History and Patristics*. Thessaloniki: Patriarchal Inst. for Patristic Studies, 1978, pp. 52–106 (in English).
- Barnard, Leslie W. “The ‘Epistle of Barnabas’ and its Contemporary Settings”. *ANRW*, Bd. 27 (1. Teilband), 1993, pp. 159–207 (in English).
- Barth, Gerhard. *Die Taufe in frühchristlicher Zeit*. 2. verbes. Aufl. Neukirchen: Neukirchener Verl., 2002 (in German).
- Benoit, André. *Le baptême chrétien au second siècle. La théologie des pères*. Paris: Presses univ. de France, 1953 (in French).
- Blomkvist, Vemund. “The Teaching on Baptism in the Shepherd of Hermas”. In: *Ablution*, 2011, pp. 849–870 (in English).
- Bobichon, Philippe. *Justin Martyr. Dialogue avec Tryphon. Édition critique, traduction, commentaire*. Fribourg: Academic Press, 2003 (Paradosis, 47/1–2) (in French).
- Campenhausen, Hans Frhr. v. “Das Bekenntnis im Urchristentum”. *ZNW*, 63, 1972, pp. 210–253 (in German).
- Drijvers, Han J.W. “Thomasakten”. *NTA*, 1989, pp. 289–367 (in German).
- Ferguson, Everett. “Christian and Jewish Baptism according to the *Epistle of Barnabas*. Dimensions of Baptism”. In: *Biblical and Theological Studies*. Ed. by S.E. Porter and A.R. Cross. London: Sheffield Acad. Press, 2002, pp. 207–223 (JSNT. Suppl. Ser., 234) (in English).
- Ehrman, Bart D. *The Apostolic Fathers*. Vol. I: I Clement. II Clement. Ignatius. Polycarp. Didache. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003 (Loeb Classical Library, 24) (in English).
- Ferguson, Everett. *Baptism in the Early Church. History, Theology and Liturgy in the First Five Centuries*. Grand Rapids: W.B. Eerdmans, 2009 (in English).
- Garrow, Alan J.P. *The Gospel of Matthew’s Dependence on the Didache*. London–N.Y.: T&T. Clark International, 2004 (JSNT. Suppl. Ser. 254) (in English).
- Goodenough, Erwin R. *The Theology of Justin Martyr*. Jena: Walter Biedermann, 1923 (in German).
- Gregory, Andrew F. and Tuckett, Christopher M.M. “2 Clement and the Writing that Later Formed the New Testament. In: *The Reception of the New Testament in the Apostolic Fathers*. Ed. by A.F. Gregory and C.M. Tuckett. Oxford: Univ. Press, 2005, pp. 251–292 (in English).
- Grundeken, Mark. *Community Building in the Shepherd of Hermas. A Critical Study of Some Key Aspects*. Leiden–Boston: Brill, 2015 (Supplements to VC, 131) (in English).
- Hemmer, Hippolyte et al. *Les pères apostoliques I–II. Doctrine des apôtres. Épître de Barnabé*. Texte grec, trad. française, introd. et index par H. Hemmer, G. Oger et A. Laurent. Paris: Alphonse Picard et fils, 1907 (in French).
- Hornschuh, Manfred. *Studien zur Epistula Apostolorum*. Berlin: Walter de Gruyter, 1965 (Patristische Texte und Studien, 5) (in German).
- Hübner, Reinhard M. “Thesen zur Echtheit und Datierung der sieben Briefe des Ignatius von Antiochien”. *ZAC*, vol. 1, 1997, pp. 44–72 (in German).
- Jaubert, Annie. *Clément de Rome. Épître aux Corinthiens. Introd., texte, trad., notes et index*. Paris: Les éditions du Cerf, 1971 (SC, 167) (in French).
- Joly, Robert. *Hermas. Le Pasteur. Introd., texte critique, trad. et notes*. 2e éd. Paris: Les éditions du Cerf, 1986 (SC, 53) (in French).
- Khosroyev, Alexandr L. *Drugoe blagovestie II. Khristianskie gnostiki II–III vv.: ikh vera i sochineniia* [A Different Gospel II. Christian Gnostics of the 2–3 Centuries: Their Belief and Texts]. St. Petersburg: Kontrast, 2016 (in Russian).
- Klijn, Albertus F.J. “Jewish Christianity in Egypt” In: *The Roots of Egyptian Christianity*. Ed. by B.A. Pearson and J.E. Goehring. Philadelphia: Fortress Press, 1986, pp. 161–175 (in English).

- Klijn, Albertus F.J. *The Acts of Thomas. Introduction, Text, and Commentary*. 2 Revised Ed. Leiden–Boston: Brill, 2003 (Supplements to NT, 108) (in English).
- Knopf, Rudolph. *Die Lehre der zwölf Apostel. Die zwei Clemensbriefe*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1920 (in German).
- Koch, Dietrich-Alex. “Taufinterpretation bei Ignatius und im Barnabasbrief. Christologische und soteriologische Deutungen”. *Ablution*, 2011, pp. 817–848 (in German).
- Koester, Helmut. *Introduction to the New Testament*. Vol. 2: History and Literature of Early Christianity. N.Y.–Berlin, 1982 (in English).
- Kretschmar, Georg. “Katechumenat/Katechumenen”. *TRE*, 18, 1989, pp. 1–5 (in German).
- Lampe, Geoffrey W.H. *The Seal of the Spirit. A Study in the Doctrine of Baptism and Confirmation in the New Testament and the Fathers*. London: Longmans, Green & Co, 1951 (in English).
- Lampe, Peter. *Christians at Rome in the First Two Centuries. From Paul to Valentinus*. London: T&T Clark Intern., 2003 (in English).
- Lietzmann, Hans. *Messe und Herrenmahl. Eine Studie zur Geschichte der Liturgie*. Bonn: A. Marcus und E. Weber’s Verlag, 1926 (in German).
- Ligtfoot, Joseph B. *The Apostolic Fathers*. Vol. 2, Pt. 2. S. Ignatius. S. Polycarp. Revised Texts with Introd., Notes, Dissertations, and Translations. 2 Ed. London: Macmillan and Co., 1889 (in English).
- Maier, Harry O. *The Social Setting of the Ministry as Reflected in the Writings of Hermas, Clement and Ignatius*. Waterloo: W. Laurier Univ. Press, 2002 (in English).
- Minns, Denis and Parvis, Paul. *Justin, Philosopher and Martyr. Apologies. Ed. with a Commentary on the Text*. Oxford: Univ. Press, 2009 (in English).
- Munier, Charles. “Où en est la question d’Ignace d’Antioche? Bilan d’un siècle de recherches 1870–1988”. *ANRW*, Bd. 27, 1, 1992, pp. 359–484 (in French).
- Niederwimmer, Kurt. *Die Didache*. 2. erg. Auflage. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1993 (in German).
- Otto, Ioannes C.Th.S. *Iustini philosophi et martyris opera quae feruntur omnia*. Recensuit Otto. T. 1. Pars 1. 2 Ed. Ienae: Frider. Mauke, 1847 (in Latin).
- Paulsen, Henning. *Studien zur Theologie des Ignatius von Antiochien*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1977 (in German).
- Quasten, Johannes. *Patrology*. Vol. 1. Allen: Christian Classics, 1983 (in English).
- Robillard, Edmond. “L’Épître de Barnabé; trois époques, trois théologies, trois rédacteurs”. *Revue biblique*, 78, 1971, No. 2, pp. 184–209 (in French).
- Robinson, J. Armitage. *Barnabas, Hermas and the Didache*. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1920 (in English).
- Rordorf, Willy. “Le baptême selon la *Didachè*. Id. Liturgie, foi et vie des premiers Chrétiens”. *Nouvelle ed. revue et corr.* Paris: Beauchesne, 1986, pp. 175–185 (Théologie historique, 75) (in French).
- Rordorf, Willy. “Un chapitre d’éthique judéo-chrétienne: les deux voies”. Rordorf, 1986, pp. 155–174 (in German).
- Sandnes, Karl Olav. “Seal and Baptism in Early Christianity”. In: *Ablutions*, 2011, pp. 1441–1481 (in English).
- Schille, Gottfried. “Zur urchristlichen Tauflehre. Stilistische Beobachtungen am Barnabasbrief”. *ZNW*, 49, 1958, pp. 31–51 (in German).
- Schmidt, Carl. *Gespräche Jesu mit seinen Jüngern nach der Auferstehung. Ein katholisch-apostolisches Senschreiben des 2. Jahrhunderts*. Hrsg. von C. Schmidt. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1919 (TU, 43) (in German).
- Schneemelcher, Wilhelm. “Paulusakten”. *NTA*, 1989, pp. 193–214 (in German).
- Schoedel, Wilhelm R. *Die Briefe des Ignatius von Antiochien. Ein Kommentar*. München: Chr. Kaiser Verlag, 1990 (in German).

- Schöllgen, Georg and Geerlings, Wilhelm. *Didache. Zwölf-Apostel-Lehre. Übers. u. eingeleitet von G. Schöllgen. Traditio Apostolica. Apostolische Überlieferung. Übers. u. eingel. v. W. Geerlings. 3. Aufl.* Freiburg et al.: Herder, 2000 (FC, Bd. 1) (in German).
- Smith, J.C.H. The “*Epistle of Barnabas and the Two Ways of Teaching Authority*”. *VC*, 68, 2014, pp. 465–497 (in English).
- Vielhauer, Philip. *Geschichte der urchristlichen Literatur. Einleitung in das Neue Testament, die Apokryphen und die Apostolischen Väter.* Berlin–N.Y.: Walter de Gruyter, 1975 (in German).
- Völker, Walter. *Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus.* Berlin: Akad.-Verlag, 1952 (TU, 57) (in German).
- Wengst, Klaus. *Schriften des Urchristentums. Didache, Barnabasbrief, 2. Klemensbrief, Schrift an Diognet.* Eingeleitet, hrsg., übertr. u. erläutert. München: Kösek-Verl., 1984 (in German).
- Windisch, Hans. *Die apostolischen Väter. III. Der Barnabasbrief.* Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1920 (in German).

A Commentary on the Word $\chi\omega\kappa\bar{\iota}$ (λουτρόν? βάπτισμα?) in the “Second Logos of the Great Seth” 58.15–16 (NHC VII.2) and Early Christian “Baptism” Generally.

Part 3

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 16–36)
Received 14.04.2018.

Alexandr L. Khosroyev

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The third part of the article continues our review of the usage of the concept of “baptism” (βάπτισμα) and related ones (σφογγίς, λουτρόν) in such Christian texts of the first half of the 2nd century as the so-called *1st* and *2nd Letters of Clement of Rome*, *The Letters of Ignatius*, *The Shepherd of Hermas*, *Didache*, *The Epistle of Barnabas* and the writings of Justin. These texts prove that, by the mid-2nd century, the rite of “baptism by water” had already become an integral part of Church practice in different parts of the Roman Empire. To be continued in next issue.

Key words: Early Christianity, baptism, the New Testament, Christian authors, Gnosticism.

About the author:

Alexandr L. Khosroyev, Dr. Sci (History), Researcher in Chief of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (akhos@mail.ru).

«Архаичный» глагольный суффикс в диалектах Хорасана

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030032

В ряде современных персидских диалектов Хорасана по обе стороны от ирано-афганской границы сохранился глагольный постпозитивный формант (суффикс) *-i/-ê*, известный по ранне-средневековым текстам *-ē(δ)*. В разных говорах он выполняет различные функции. В некоторых имеет крайне ограниченное употребление, в других представлен более широкой сферой грамматических функций. Предпринятое в статье исследование на основе диалектологического материала раскрывает полное структурное совпадение диалектных примеров с соответствующими формами в раннесредневековых текстах, а также единый грамматический контекст употребления данных форм в современных хорасанских говорах и средневековых письменных памятниках, что подтверждает правомерность отождествления диалектного *-i/-ê* с *-ē(δ)* ранне-средневековых текстов.

Ключевые слова: иранское языкознание, иранская диалектология, диалекты языков персидского и дари.

Статья поступила в редакцию 16.04.2018.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, канд. филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2018

В южнохорасанских диалектах (в районе Бирджанда и Кайена) в формах 3-го лица ед.ч. отмечено наращение некоего постпозитивного форманта *-i/-ê*.

Первым на эти окончания обратил внимание В.А. Иванов (W. Ivanow). В грамматическом очерке, предваряющем его книгу “Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan”, Иванов писал: «На юге (в районах Кайена и Бирджанда) формы 3-го лица ед.ч. [глагола] нередко имеют суффикс *-di*, как то: *māyedi* میگوید; *māredi* میرود» (Ivanow 1925: 252, здесь и ниже пер. наш). А в книге “Persian as Spoken in Birjand” он развивает тему: «Я не могу определить природу этого конечного *-i*. Это *mī-gūyad ī(n)*? Или это ранний суффикс того, что можно назвать „глагольной согласованностью“ (“verbal coherency”), *uāy-i-istimrārī* у грамматистов?» (Ivanow 1928: 253). Крайне знаменательно, что Иванов не только выделяет из этого окончания суффикс (*-i*), но и делает предположение о его идентичности с известным по классическим текстам глагольным суффиксом (постпозитивным формантом) *-ē*. Иванов дает ссылку на «Табак ас-суфийа» — раннесредневековый трактат, содержащий изречения Абдаллаха Ансари на гератском диалекте соответствующей эпохи (Ivanow 1923: 348–350). Языку этого трактата Иванов посвятил отдельное исследование. К трактату мы еще

вернемся, а сейчас приведем несколько примеров данных глагольных форм из текстов Иванова, записанных им в начале XX в. в районе южного Хорасана, где формы с этим суффиксом использовались в диалектах Бирджанда и Кайена наряду с формами без суффикса. Отметим, что этот суффикс или формант представлен в нижеследующих примерах не только в настояще-будущем и прошедшем длительном временах, но и в двух наклонениях — изъявительном и сослагательном:

(в изъявительном наклонении) *bād iš bā dūl-e numid-āš mayedi*¹... «затем нехотя он говорит...», *zān gāzā biāwurdā guf ki men dardt šikām-um*², *xud partōu^w mikašidi* «жена, принесла еду, сказала: ‘у меня болит живот’, сама [при этом] ложилась», *bad yek jāwālduz wā māšk-eš zā ki ōu mešaredi* «затем проткнули большой иглой его бурдюк, и из него стала литься вода»;

(в сослагательном наклонении) *di ki gālef-i āw-eš kāg ki kaači mipeze, ārd’am xamir-eš kā ki kumāš bepezedi* «он увидел, что она наполнила котел водой и печет *каачи*³, из муки приготовила тесто, чтобы испечь *кумаш*», *yak ruz-i yak čārwā-yi tu ulangi sar dādā šu ki bečarādē* «однажды на лужайку был выпущен осел, чтобы пастись», *i zān-e Lar-Xān mixās ki u-g bukušāndē*... «эта жена Лар-Хана хотела, чтобы его убили...» (Ivanow 1928: 267, 269–271)⁴.

Глагольные формы 3-го лица ед.ч. с этим суффиксом и поныне сохранились в бирджандском диалекте⁵, в котором они, согласно относительно недавнему исследованию Дж. Резаи, как и в начале XX в., используются наряду с формами без суффикса. Последние используются в настоящем и обоих прошедших временах изъявительного наклонения, а также в сослагательном наклонении. Резаи приводит личное окончание 3-го лица ед.ч. глагола настоящего времени в латинской транскрипции и в арабской графике: *de* (د) и не выделяет *-ê* как суффикс (Rezaee 1998: 280). Приведем примеры форм с суффиксом из работы этого автора: *meuāde*⁶ (соответствует лит. *می آید*), *beuāde* (соответствует лит. *بباید*), *maravede/marede* (соответствует лит. *می رود*), *berede/beravede* (соответствует лит. *برود*), *mabarade* (соответствует лит. *می برد*), *bexarede* (соответствует лит. *بخرد*), *mokonede* (соответствует лит. *می کند*), *konede* (соответствует лит. *کند*), *megede* (соответствует лит. *می گوید*), *dārede* (соответствует лит. *دارد*), *mezade* (соответствует лит. *می زد*), *marafte* (соответствует лит. *می رفت*), *moborde* (соответствует лит. *می برد*) и др. (Rezaee 1998: 200, 214, 227, 250, 257, 281–282, 314, 316, 335)⁷. То, что в данных примерах фигурирует именно суффикс, подтверждается наличием у всех этих глаголов альтернативных форм 3-го лица ед.ч. без суффикса.

¹ Форма *mayedi/mayādi* соответствует *miqūyād* литературного персидского языка с наращением суффикса *-i*.

² Как отмечает В.А. Иванов, *dardt-šikām* может употребляться как составное прилагательное (Ivanow 1928: 254). Здесь и далее в примерах из работ Иванова транскрипция несколько изменена.

³ «Каачи», «кумаш» — разные виды лепешек.

⁴ Перевод наш.

⁵ Мы говорим только о бирджандском, но не о кайенском (хотя Иванов указывал и на него), так как автор исследования системы глагола в кайенском диалекте Р. Зоморродян (R. Zomorrodian) об этом суффиксе не упоминает вовсе (см.: Zomorrodian 1974).

⁶ Здесь и далее мы сохраняем транскрипцию Резаи.

⁷ Мы намеренно опустили примеры форм простого прошедшего времени с суффиксом из исследования Резаи, так как в ряде случаев их использования суффикс этот, как явствует из самого этого исследования, может контаминироваться с местоименной энклитикой. Данный вопрос требует дальнейшего изучения.

В современном гератском диалекте, также входящем в хорасанскую группу персидских диалектов, этот суффикс представлен вариантами *-i/-ê* и отмечен нами в глагольных формах прошедшего времени 3-го лица ед.ч. в условных предложениях: *agə kas-i kampaxte budī, kol-e pul-eū xalās mišod bəm rā* «если у кого-то хлопка было мало, то все его деньги (вырученные от продажи хлопка) кончались по дороге», ...*age ġorut-o maske nabudê az unâ ruġan zard mixaridim* «...когда не было курута или сливочного масла, мы покупали у них топленое масло», *kâške Arumi budī ke inâl sêbâ biyâwordī* «о, если бы был Аруми, он бы сейчас принес яблок».

Суффикс этот представлен и в народной поэзии из района Герата и Гора⁸, что нашло отражение в сборнике народной поэзии «Таранаха-йе Кохсар», изданном афганским ученым Асадоллой Шо'уром:

چه بودی من بجای شانه بودی؟ بدست نازک جانانه بودی؟
زدی بوسه بدست و پای دلبر، سیاه مو شمع و من پروانه بودی؟
(Шо'ур 1974: 370).

Что было бы, если бы я был вместо гребешка!
Был бы [я] в нежной руке возлюбленной!
Сорвал бы поцелуй с рук и ног любимой.
Черноокая — свеча, а я был бы мотыльком!⁹.

Интересен комментарий редактора сборника в сноске: «В Герате, Горе и на сопредельных с ними территориях вместо "می بودم" говорят "بودی", что изначально, вероятно, было "بوده"». Очевидно, что такое пояснение неверно.

Отождествление Ивановым этого суффикса в современных диалектах Хорасана, там, где он сохранился, с *ê(δ)* классических текстов выглядит вполне убедительно. Он отмечает широкое использование (более двухсот случаев) в языке «Табака ас-суфийа» глагольного суффикса «длительности», известного по классическим текстам в форме: *ê(δ)*. О нем Иванов сообщает следующее: «В отдельно взятом глаголе он не выражает никакого определенного [грамматического] значения (тогда как *bī* и *mī* выражают)... Анализ примеров показывает, что там, где он используется как *-i* повествования (*-i of the narrative*) или длительности (*of duration*), ему недостает грамматико-смысловой выразительности, поэтому обычно к глаголу еще прибавляются *mī* и *bī*, независимо от наличия *-i* на конце... Частое использование этого суффикса [в памятнике] может рассматриваться как архаичная черта языка. [Суффикс] восходит к среднеперсидским частицам (*particles*) *haδ, heδ, hê*» (Ivanow 1923: 348–349).

В языке «Табака ас-суфийа» суффикс выступает в двух вариантах — *ê* и *êδ*:
...هر کس که بزیارت وی شدی بوی آمدی ویرا دیدی و آنچه خواستید بپرسیدید
...*har kas ki ba ziyarat-i vay šudê ba vay âmadê vay-râ bidîdê va ânci x'âstêd bipursidêd*
«...всякий, кто шел посетить его, приходил к нему, видел его и спрашивал то, что хотел». Употребление этого суффикса в раннесредневековых памятниках отмечает и Ж. Лазар (Lazard 1963: 327–340). Приведем несколько примеров: ...*agar paiyâmbar*

⁸ Гор в прошлом составлял с Гератом единую провинцию, и его диалект разделяет с гератским общие черты.

⁹ Перевод наш.

і хидāу астē мē дāнадē ки уштур кујā аст «...если бы это был пророк Божий, то он знал бы, где верблюд», ān vaqt jigar xūn i nēkō tavānaḍ kardan bē ān ki varā čizē az īn fi'1 bāz dāraḍē «тогда печень может произвести много крови без того, чтобы что-либо ее от этого удержало», jigar i ḍ rā quvvat nabuvaḍ ki ān ta'ām rā yā ān šarāb rā istihālat kunaḍē va ba mizāj i x^vēš āraḍē¹⁰ «его печень будет не в силах переварить и усвоить ту пищу или то питье», agar ādamiyān ḍ rā bar hai'at i vai bīnandē bimīrandē «если люди увидят его в его подлинном обличье, умрут», dā'im čunān buvaḍ gō'ē bigiryāḍē «постоянно выглядит так, будто (за)плачет» (Lazard 1963: 335, перевод наш). Не оставляет сомнения, что и в современных хорасанских диалектах — говорах Герата, Гора, Бирджанда и, возможно, других мы имеем дело с тем же архаичным теперь суффиксом. Отметим полное структурное соответствие формы мē дāнадē во фразе, приводимой Лазаром, с примерами на изъявительное наклонение из работы Резаи (см. выше), bigiryāḍē с bepezedi и bečarādē, a bīnandē и bimīrandē — с bukušāndē у Иванова, а также абсолютное совпадение dāraḍē и kunaḍē с dārede и konede у Резаи, что служит убедительным подтверждением идентичности хорасанского суффикса с -ē(ḍ) раннесредневековых текстов.

В.А. Иванов отмечает использование того же суффикса и с глагольной связкой 3-го лица ед.ч.: ار نه آنستی که تو میکوئی الله ما همه بغداد بسوختید (Ivanow 1928: 269–270) ar na ān-astē ki tu mēgdōyī allāh-i mā hama Baydād bisōxtēḍ — вариант перевода: «если бы не говорил ты „наш Боже!“, весь Багдад бы сгорел»¹¹. В современном гератском диалекте подобные формы также встречаются: morda asti, xāk-erā morda astā, nemifami mard as yā zan asti, gadvad asti «[все] это мертво, как будто вымершая земля, не знаешь — [перед тобой] мужчины или женщины, все смешано». Происхождение -i в таких примерах в современном гератском диалекте не вполне ясно. Можно было бы видеть в нем и энклитически употребленное местоимение 3-го лица ед.ч. -i в субъектной функции¹², о чем говорилось в начале статьи. Однако с учетом того, что в раннесредневековых текстах встречается немало примеров прибавления к глагольной связке именно суффикса ē¹³ и те же формы отмечены в языке «Табака ас-суфийа», доводы в пользу наличия того же постпозитивного форманта и в asti современного гератского диалекта перевешивают другие.

Итак, подытоживая вышесказанное, констатируем, что в ряде современных персидских диалектов Хорасана по обе стороны от ирано-афганской границы (в говорах Бирджанда в Иране и провинций Герата и Гора в северо-западном Афганистане) сохранился глагольный постпозитивный формант (суффикс) -i/-ê, известный по раннесредневековым текстам. Согласно опубликованным исследованиям, в некоторых из этих говоров он имеет ограниченное употребление и отмечен лишь в формах прошедшего времени в условных предложениях, часто выражающих ирреальное действие. В других говорах суффикс используется в формах изъявительного наклонения (настоящего и прошедших времен) и сослагательного наклонения наряду с употреблением аналогичных форм без этого суффикса. Полное структурное совпадение

¹⁰ Транскрипция в этой фразе слегка изменена.

¹¹ Перевод и транскрипция наши.

¹² Ср. использование местоименной энклитики с глагольной связкой в субъектной функции в тегеранском диалекте: häst-eš «он/она есть», nist-eš «его/ее нет».

¹³ См. (Lazard 1963: 336). Ср. уже приведенный ранее пример: ...agar paīyāmbār i xidāu astē mē dānaḍē ki uštur kuja ast «...если бы это был пророк Божий, то он знал бы, где верблюд» (Lazard 1963: 335, перевод наш).

диалектных примеров с соответствующими формами в раннесредневековых текстах, а также единый грамматический контекст употребления данных форм в рассмотренных современных говорах и средневековых письменных памятниках подтверждают правомерность отождествления диалектного *-i/-ê* с *-ē(δ)* раннесредневековых текстов. В заключение отметим также, что за пределами хорасанского лингвистического ареала тот же формант отмечен в таджикском говоре Фориша (см. Касимов 1966: 15).

Литература

- Касимов 1966 — Касимов В. Говоры таджиков Фориша. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1966.
 Шо'ур 1974 — Шо'ур, Асадолла. Таранаха-йе Кохсар. Ба ехтемам-е Ф. Факири. Кабул: Везарат-е Еттела'ат-о калтур, Матба'а-йе даулати, 1974.
 Ivanow 1923 — Ivanow W. Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat // Journal of the Royal Asiatic Society. 1923. Vol. 55. P. 337–382.
 Ivanow 1925 — Ivanow W. Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. N.S. 1925. Vol. 21. P. 233–313.
 Ivanow 1928 — Ivanow W. Persian as Spoken in Birjand // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. N.S. 1928. Vol. 24. P. 235–351.
 Lazard 1963 — Lazard G. La Langue des plus anciens monuments de la prose persane. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963.
 Rezaee 1998 — Rezaee J. Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjshenâsi-Dastur. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998.
 Zomorrodian 1974 — Zomorrodian R. Le système verbal du Persan parlé à Qâyen // Studia Iranica. 1974. 3. Fasc. 1.

References

- Ivanow, Wladimir. “Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat”. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 55. Cambridge, 1923, pp. 337–382 (in English).
 Ivanow, Wladimir. “Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan”. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 21 (1925), pp. 233–313 (in English).
 Ivanow, Wladimir. “Persian as Spoken in Birjand”. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. N.S. 24. Calcutta, 1928, pp. 235–351 (in English).
 Lazard, Gilbert. *La Langue des plus anciens monuments de la prose persane*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963 (in French).
 Qasimov V. *Govory tadzhikov Forisha* [The Dialects of the Tajiks of Forish]. The author's abstract of the candidate's dissertation. Dushanbe, 1966 (in Russian).
 Rezaee J. *Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjshenâsi-Dastur* [A Study in the Birjandi Dialect: Phonology-grammar]. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998 (in Persian).
 Sho'ur, Asadolla. *Tarânahâ-ye Kohsâr* [Songs of the Mountains]. Ba Ehtemâm-e F. Faqiri. Kabul: Vezârat-e Ettelâ'ât-o Kultur, Matba'a-ye Dawlati, 1974 (in Afghan, Persian).
 Zomorrodian R. “Le système verbal du Persan parlé à Qâyen”. *Studia Iranica* 3, fasc. 1 (1974) (in French).

An Archaic Verbal Suffix in Khorasani Dialects

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 37–42)

Received 16.04.2018.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article deals with the verbal suffix *-i/-ê*, found in some modern Khorasani Persian dialects located on either side of the border between Iran and Afghanistan, which is also met with in early medieval Persian texts in the form *-ē(δ)*. The range of functions of the suffix varies from dialect to dialect: in some its grammatical role is extremely limited, while in others it fulfills numerous functions. This study based on dialectological material demonstrates a complete structural correspondence of the dialect examples to the relevant forms in early medieval texts as well as a single grammatical context in which the suffix occurs in modern dialects and classical texts which confirms the conclusion that Khorasani *-i/-ê* is identical with *-ē(δ)* of the medieval written monuments.

Key words: Iranian linguistics, Iranian dialectology, Persian and Afghan Persian dialects.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).

Правовые аспекты охраны государственной границы в танском Китае

В.М. Рыбаков

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030044

Немаловажной частью уголовного права являются законы, регулирующие режим государственной границы и контакты с иностранцами. Особенно значимы законы подобного рода в странах с традиционными культурами, где внешние сношения являются прерогативой исключительно государственных учреждений, а внешняя безопасность считается одним из главных политических приоритетов. Хорошим примером такого рода являются законы средневековой китайской династии Тан. В них описаны как нормативное поведение подданных империи в отношении государственной границы, внешних сношений и пограничной службы, так и предполагаемые нарушения такого поведения.

Ключевые слова: традиционный Китай, государство и право, династия Тан, внешние сношения, пограничная служба.

Статья поступила в редакцию 14.05.2018.

Рыбаков Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ouyangtsev@mail.ru).

© Рыбаков В.М., 2018

В уголовном кодексе династии Тан «Тан люй шу и» (653 г.) правовому регулированию деятельности контрольно-пропускных пунктов внутри страны, так называемых застав (*гуань* 關), и установлению наказаний за несоблюдение их режима уделено куда больше места, чем тем же самым вопросам, связанным с функционированием застав внешних, расположенных на границах страны. Это и понятно. Перемещения внутренние, обыденные, неразрывно связанные с мощной хозяйственной и культурной жизнью страны, статистически, конечно, доминировали над перемещениями между Поднебесной империей и сопредельными странами. Тем более, что самостоятельное, частным порядком осуществляемое общение с внешним миром в танском Китае, мягко говоря, не одобрялось. Однако несколько ключевых законодательных норм, посвященных внешним сношениям и обеспечению режима государственной границы, представляют несомненный интерес.

Незаконный переход границы, незаконное общение с иностранцами

Статья «Тан люй шу и», начинающаяся с установления наказаний за незаконное пересечение границы между Китаем и сопредельными территориями, посвящена не только и не столько функционированию окраинных укрепленных застав (*юаньбянь гуаньсай* 緣邊關塞), через которые лишь и могло осуществляться легальное пересечение границы, сколько правовым аспектам общения китайцев с иностранцами в целом.

Официальными отношениями с зарубежными партнерами ведали в танском Китае гостеприимный отдел (*чжукэ* 主客) Церемониальной части (*либу* 禮部) и отдел гостей (*дянькэшу* 典客署) Ритуального приказа (*хунлусы* 鴻臚寺) (Рыбаков 2009: 223, 225, 321, 323). Их функции отчасти дублировались. Во времена расцвета танского Китая тогдашние политики насчитывали более 70 зарубежных государств и «национальных» образований. В их перечне фигурировали и однозначно знакомые нам названия, такие как Япония (*жибэнь* 日本) или корейское Силла (*синьло* 新羅), и более или менее понятные без пояснений, например, кидани (*цидань* 契丹), туфани (*туфань* 吐蕃), арабский халифат (*даши* 大食) или Тохаристан (*тухоло* 吐火羅), и требующие уже специальных комментариев, такие, например, как одно из тогдашних государств Западного края Цзибинь (罽賓國) или, скажем, Восточная Индия (*дун тяньчжэ* 東天竺), Западная Индия (*си тяньчжэ* 西天竺), Южная Индия (*нань тяньчжэ* 南天竺) или Северная Индия (*бэй тяньчжэ* 北天竺). А начинается перечень известных на тот момент соседей, приводимый в «Тан люй дянь», почему-то с карлуков (*гэлолу* 葛邏祿) (Тан люй дянь. Цз. 5, разд. *чжукэ ланчжун*).

Танский Китай не проводил строго изоляционистской политики, но пытался свести к минимуму все контакты с иностранцами тех своих подданных, кому это не было вверено по службе. В «Тан люй шу и» без обиняков говорится:

Тому, кто не является общественным посланцем, не должно покидать пределы страны или вступать в них (*чу жу гоцзин фэй гуниши чжэ бу хэ* 出入國境非公使者不合) (Тан люй шу и. Ст. 88 / Уголовные установления Тан 1999: 352).

Понятно, что это предписание относилось как к китайским послам, выезжающим из страны, так и к иностранным представителям, въезжающим в нее. Но для полной ясности текст растолковывает:

...Имеется в виду, что вследствие назначения общественным посланцем вступил в [пределы] варварских территорий (*инь гуниши жу фань* 因公使入蕃) или что варвар вследствие назначения посланцем вступил в [пределы] страны (*фаньжэнь инь ши жу го* 蕃人因使入國) (Там же).

Кроме того:

...Согласно внутриведомственным установлениям гостеприимного отдела, когда гости из варварских [пределов] прибывают ко двору (*фанькэ жу чао* 蕃客入朝), нельзя в то время, как они находятся в дороге, вступать с ними в [какие-либо] сношения, также нельзя и заговаривать с ними. Окружным и уездным чиновникам, если у них нет дела, также нельзя видаться с гостями. То есть внутри страны ни чиновникам, ни простолюдинам с гостями общаться нельзя (Тан люй шу и. Ст. 88 / Уголовные установления Тан 1999: 342).

Те, кто по каким-то уважительным причинам, т.е. без возражений со стороны государства или даже по прямому его поручению, более чем на месяц уходили за рубежи, охраняемые окраинными заставами, должны были получить в пропускном отделе (*сымэнь* 司門) Судебной части (*синбу* 刑部) выездные свидетельства (*синде* 行牒) (Синь Тан шу 1975: 1200). Эти документы подлежали проверке на путевых заставах, расположенных, говоря современным языком, на транснациональных магистралах. Понятно, что первым нарушением их режима, какое вообще можно было представить, был официально не санкционированный проход.

Однако сам по себе мирный, достаточно легко выявляемый и не несущий в себе особых угроз проход через окраинную заставу без соответствующих документов (*сыду* 私度) здравомыслящие танские законодатели сочли не опаснее обычного, внутреннего частного прохода. За проход без документов через внутреннюю заставу следовало наказывать 1 годом каторги, за провод не задокументированного коня — 90 ударами тяжелыми палками, в случаях с остальными животными — 70 ударами тяжелыми палками (Тан люй шу и. Ст. 82, 83 / Уголовные установления Тан 1999: 339, 343). Ровно так же следовало наказывать и аналогичные деяния, совершенные на окраинной заставе.

Действительную опасность таили в себе не проходы через заставу без документов, но нелегальные проникновения (*юэду* 越度), т.е. переходы границы в ту или иную сторону не через заставу, а помимо нее, фактически — тайно.

Окраинные укрепленные заставы отделяют Китай от варваров (*гэ хуа и* 隔華夷). Если [кто-либо] проник за укрепленную заставу, он наказывается 2 годами каторги (Тан люй шу и. Ст. 88 / Уголовные установления Тан 1999: 350).

Хотя четких указаний, например в виде употребления стандартного оборота «выход и вход» (*чу жу* 出入), в тексте нет, надо думать, что за частный проход или проникновение изнутри наружу и снаружи внутрь наказывали одинаково. Ведь и специальных упоминаний об отличии наказаний за вход и за выход тоже нет.

Человек, повинный в том, что, хотя и имел свидетельство для прохода, провел помимо заставы коня, не означенного в проездных документах, на основании общих норм должен был быть наказан на 2 степени легче, чем за личное несанкционированное проникновение. С учетом этого за провод коня следовало наказывать 1 годом каторги. За нелегальный провод остальных животных опять-таки на основании общих норм наказывали еще на 2 степени легче, значит, в ситуациях с окраинными заставами — 90 ударами тяжелыми палками.

Однако нелегальный переход границы, будь то «частный проход» или «проникновение», вполне мог оказаться не самостоятельным преступлением, а лишь прелюдией к нему. В конце концов, вряд ли людьми, идущими за кордон или из-за кордона, могло двигать простое любопытство или страсть к приключениям. Страсть к наживе была куда вероятней.

Торговля с иностранцами хоть и не была монополией государства, но находилась под государственным контролем. Осуществлять рыночные операции можно было только на специальных рынках. Государственные чиновники устанавливали цены и, без сомнения, взымали пошлины.

Всегда, когда внешние варвары торгуют на окраинных рынках, ответственным чиновникам (*гуаньсы* 官司) рынков приказано [это] контролировать (*цзяньцзяо*

檢校). Такие рынки с четырех сторон окружены рвами, [а внутри] сооружены огороженные дворы. Отряжают людей для охраны ворот. В торговый день по наступлении времени Зайца (*мао Юй*)¹ товары и скот переправляют в место торговли. Сначала ответственные чиновники устанавливают для [товаров] варваров цены, и потом [начинается] торговля (Ниидо Нобору 1964: 715–716).

А вот частная торговля с иностранцами, будь то на их территории, будь то на территории Китая, считалась имущественным преступлением, и для определения наказаний за него была разработана отдельная, весьма строгая шкала.

Если совместно частным порядком торговал или менялся с чужеземными варварами (*гунхуа вайфань жэнь сы сян цзяои* 共化外蕃人私相交易) — имеется в виду, что продавал, покупал или менял [одно на другое], либо брал вещи у варваров, или же давал вещи варварам, — рассчитывается стоимость присвоения, и при стоимости в 1 *чи* наказывается 2,5 годами каторги, за [каждые последующие] 3 *пи* наказание увеличивается на 1 степень, за 15 *пи* — ссылка с дополнительными работами (Тан люй шу и. Ст. 88 / Уголовные установления Тан 1999: 351)².

Более сурово танские законы наказывали только за грабеж, т.е. изъятие чужих ценностей при помощи прямого насилия или его непосредственной угрозы. Если же говорить об обычной краже, т.е. «тайном взятии», то надо было украсть чужого имущества на 20 *пи*, чтобы наказание достигло 2,5 лет каторги. Ссылки с дополнительными работами наказание за воровство достигало при стоимости украденного в 50 *пи*. За взятки карали суровее, чем за кражу; если совершена была взятка, наказание становилось равным ссылке на 3000 *ли* (на шкале строгости наказаний непосредственно предшествующему ссылке с дополнительными работами) уже при стоимости в 8 *пи*, однако стартовые величины даже у шкалы взяток были более щадящими: за 1 *чи* — всего лишь 100 ударов тяжелыми палками, за 3 *пи* 1 *чи* — 2 года каторги, за 5 *пи* 1 *чи* — 3 года каторги. Легко посчитать, что за торговлю с иностранцами наказание в 3 года каторги наступало уже при стоимости в 3 *пи* 1 *чи*³.

Чисто имущественными преступлениями криминальное взаимодействие не исчерпывалось. Фактически танское право признавало и определенные разновидности того, что можно было бы на современном языке почти без натяжек назвать изменой Родине.

Если кто-либо передал или продал иностранцам запретное военное снаряжение, какое и самим-то китайцам в личном владении иметь было запрещено (что-либо из предметов, представлявших реальную боевую силу, а то и являвшихся, возможно, последними достижениями передовой танской оборонки — копья, доспехи, самострелы и пр.), виновному грозило удушение. Если человек брал себе иностранную

¹ Время Зайца — от 5 до 7 часов утра.

² Шелк определенного сорта был принят в Китае в ту пору как основной меновой эквивалент, и именно этой единицей измерения стоимости оперирует кодекс. Стоимость выражалась либо в штуках шелка (*пи* 疋), либо, если присвоение было небольшим, в *чи* шелка 尺. Одна штука шелка определяется в Кодексе как единица шелковой ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней* (Тан люй шу и. Ст. 418 / Уголовные установления Тан 2008: 60). Притом что танские *чи* и *цунь* составляли соответственно около 31,1 и 3,11 см (Кроль, Романовский 1982: 227), нетрудно подсчитать, что штука шелка имела длину 1244 см при ширине в 55,98 см. Один *чи* шелка, надо полагать, представлял собой отрез этой ткани длиной в 1 *чи* при стандартной ширине в 1 *чи* 8 *цуней* (31,1×55,98 см).

³ Подробнее об имущественных преступлениях см. (Рыбаков 2015: 136).

жену или наложницу, он подлежал ссылке на 2000 *ли*. Если передача, сделка или брак еще не были полностью осуществлены и дело либо сорвалось, либо было пресечено, наказание можно было уменьшать на 3 степени — т.е., соответственно, до 2,5 лет и до 2 лет каторги. Закон не проводил разницы между осуществлением этих действий внутри или вне страны. Если это происходило вне страны (что, прямо скажем, было куда вероятнее), не было никакой разницы, миновал преступник границу через заставу, с документами или без, или проник за кордон тайно.

В законе отмечается, что во всех перечисленных ситуациях (начиная с частного прохода заставы и до обмена запретным военным снаряжением), коль скоро уличен был в этих преступлениях иностранец, меры были зеркальными. За частный проход через заставу — 1 год каторги, за проникновение — 2 года и так далее, вплоть до удушения за получение от китайца запретного военного снаряжения. Но было одно существенное отличие: приговор не приводился в исполнение обычным порядком. После его вынесения на имя императора направлялся доклад с просьбой о принятии окончательного решения по делу. Предполагалось, вероятно, что Сын Неба может повелеть действовать по закону либо, напротив, выказать милосердие и пощадить преступника уже не в согласии с буквой закона, а исходя из высокой политики и соображений международной обстановки.

Если одной из сторон торговой или обменной операции был официальный китайский посланец, выехавший от Китая за рубеж, или иностранный эмиссар, прибывший в Китай из-за рубежа, то, поскольку визит был официальным, для осуществления преступных действий предварительного нелегального проникновения через кордон не требовалось. Поэтому, хотя и в этих случаях нелегальный обмен приравнивался к имущественному преступлению, наказания были несколько легче. Их следовало определять по шкале обычных краж, которая, как только что упоминалось, была легкой шкалы, предназначенной для чистой контрабанды. Рост наказания ограничивался ссылкой на 3000 *ли*. Значит, ссылка с дополнительными работами официальным лицам вообще не грозила. Однако за передачу иностранцам запретного военного снаряжения или вступление в брак с иностранкой наказания не уменьшались, и посланцам грозили те же меры, что и простым беглецам через границу.

При совершении аналогичных деяний прибывшими в Китай иностранными посланцами (понятно, что вместо брака с иностранкой в этой ситуации фигурировал брак с китайкой) после судебного рассмотрения приговор опять-таки не приводился в исполнение, а запрашивался вердикт императора. При этом взятие переехавшими в Китай иностранцами наложниц и даже жен из китайок допускалось, но нельзя было вывозить их за рубеж, если вдруг захотелось вернуться или, например, долгая миссия пришла к завершению. За нарушение этого правила следовало карать как за нарушение императорского Указа, т.е. 2 годами каторги⁴.

Незаконный групповой переход границы

Нелегальные переходы границы могли предприниматься не только одиночными нарушителями. Куда опаснее были рейды объединенных в банды или отряды внутренних разбойников или внешних противников. Их танские законодатели называли

⁴ «Всякий, кого Указ обязывал [что-либо] исполнить и кто [при исполнении] совершил нарушение [Указа], наказывается 2 годами каторги» (Тан луй шу и. Ст. 112 / Уголовные установления Тан 2001: 46).

одинаково и различали лишь по направлению их движения: *вай цзянь нэй жу нэй цзянь вай жу* 外姦內入內姦外出, т.е. «внешние злодеи входят внутрь или внутренние злодеи выходят наружу» (Тан люй шу и. Ст. 89 / Уголовные установления Тан 1999: 353). При этом можно предположить, что внешние и внутренние злодеи различались не столько по подданству, сколько тоже именно по направлению: ведь внешний противник, совершив грабительский набег, мог, возвращаясь затем с добычей, переходить границу именно изнутри наружу, и ровно так же свои, танской принадлежности злодеи могли, сбежав на какое-то время за кордон, чтобы отсидеться, вновь вернуться для осуществления бунтарских, изменнических или разбойных действий, и тогда они, квалифицируясь уже как «внешние злодеи», шли снаружи внутрь.

Более развернутые определения внешних и внутренних злодеев таковы:

Если появились внешние злодеи, входящие внутрь, — имеется в виду, что варвары [привносят] неурядицы (*цзянь* 姦) или осуществляют шпионаж (*син цзяньде* 行間諜)... Внутренние злодеи, выходящие наружу, — имеются в виду люди изнутри страны, [привносящие] неурядицы и [затем] выходящие в иные земли, либо на окраины пустошей или берега морей, либо в труднодоступные места (Тан люй шу и. Ст. 89 / Уголовные установления Тан 1999: 353–354).

Все подобного рода перемещения должны были пресекаться пограничной стражей, а осуществляющие нелегальный переход границы злодеи — браться под арест. Нерасторопность в осуществлении этой важнейшей функции была наказуема.

В главе «Описание армии» «Синь Тан шу» отмечается:

В начале Тан то, где солдат пограничной стражи, охранявших границы на окраинах, было много, называлось армиями (*цзюнь* 軍), а то, где их было мало, называлось охранными постами (*шоучжо* 守捉), укрепленными населенными пунктами (*чэн* 城) и гарнизонами (*чжэнь* 鎮) (Синь Тан шу 1975: 1328).

Пограничная стража находилась в подчинении отдела управления окраинами (*чжифан* 職方) Военной части (*бинбу* 兵部), который, вообще говоря, ведал городскими стенами и рвами (*чэнхуан* 城隍), гарнизонами пограничных округов и погранзастав (*чжэньшу* 鎮戍), системой сигнальных огней и наблюдением (*фэнхоу* 烽候), а также событиями в сопредельных государствах (Синь Тан шу 1975: 1398; подробнее см.: Рыбаков 2009: 227).

Относительно службы пограничников можно выяснить, в частности, следующее.

Согласно общеобязательным установлениям об армии и пограничной страже (*цзюньфан лин* 軍防令), [бойцы] пограничной стражи (*фанжэнь* 防人) помимо [исполнения обязанностей по] защите [своего] укрепления (*фаншоу гу чжи вай* 防守固之外) могут только чинить армейское снаряжение, городские стены и рвы, общественные здания и постройки.

Гвардейцы, бойцы пограничной стражи [и служащие более] высокие (*вэйши* 衛士防人以上) в походе, равно как [во время пребывания] в гарнизоне (*чжэнсин жо цзай чжэнь* 征行若在鎮), всегда получают личное пищевое довольствие (*шэнь лян* 身糧).

Бойцы пограничной стражи, служащие посменно, сменяются в 1-й день 10-го месяца.

[Бойцам] пограничной стражи, помимо [исполнения обязанностей по] защите [своего] укрепления, исходя из их численности, в ближайших окрестностях места их службы выделяют пустующие земли, и в соответствии с тем, что является подходящим в данных природных условиях, они осуществляют посадки разнообразных овощей для пополнения запасов провианта и питания бойцов пограничной стражи (Ниида Нобору 1964: 386–388).

Гарнизон (*чжэнь* 鎮), в котором числилось 500 и более бойцов пограничной стражи (*фанжэнь* 防人), определялся как высший, тот, где находилось от 300 до 500 бойцов, определялся как средний, а тот, где число бойцов не достигало 300, — как низший. Пограничные заставы (*шу* 戍) также подразделялись на высшие, средние и низшие. Это были предельно мелкие образования. Чиновный штат их был, соответственно, невелик. В штат управления высшей погранзаставой входили лишь два ранговых чиновника: начальник пограничной заставы (*шучжэу* 戍主) и товарищ начальника пограничной заставы (*шүфу* 戍副). Средней погранзаставой управлял один-единственный начальник *шучжэу*, низшей — тоже, еще более низкого ранга (подробнее см.: Рыбаков 2009: 471). 50 военнослужащих (*жэнь* 人) составляли высшую погранзаставу, от 30 до 50 человек — среднюю, а если число бойцов на заставе не составляло и трех десятков, она определялась как низшая. Система насчитывала 20 высших, 90 средних и 135 низших гарнизонов (*чжэнь* 鎮), а также 11 высших, 86 средних и 245 низших погранзастав (*шу* 戍) (Синь Тан шу 1975: 1320). В «Тан лю дянь», памятнике более раннем, нежели «Синь Тан шу», фигурируют те же самые цифры, что является довольно редким случаем; разница проявляется лишь по последнему параметру — численности низших погранзастав. По «Тан лю дянь» их было на 10 меньше — 235 (Тан лю дянь. Цз. 5, разд. *чжифан ланчжун*).

Окраинные укрепленные заставы (*юаньбянь гуаньсай* 緣邊關塞), о которых речь шла выше, являлись охраняемыми пунктами перехода. Пограничные заставы (*шу* 戍) — это пункты дислокации малых отрядов пограничной стражи, которые занимались только охраной границы. Поэтому употребление слова «заставы» в обоих случаях не должно смущать или вызывать путаницу понятий.

Объектами соответствующей статьи кодекса являются только должностные лица «укрепленных населенных пунктов» (*чэн* 城) и «пограничных застав» (*шу* 戍).

На окраинах страны везде есть укрепленные населенные пункты и пограничные заставы (*гоцзин юаньбянь цзе ю чэн шу* 國境緣邊皆有城戍), чтобы препятствовать разбойникам и быть готовыми к любым неожиданностям (Тан люй шу и. Ст. 89 / Уголовные установления Тан 1999: 353).

Более крупные единицы, видимо, не принимали участия в непосредственном наблюдении за пограничной полосой и являлись стратегическим резервом на случай появления крупных сил тех или иных злодеев и необходимости проведения масштабных войсковых операций.

Гарнизоны укрепленных населенных пунктов и пограничных застав могли, судя по зафиксированным в «Тан люй шу и» юридическим гипотезам, оказаться повинны в двух типах служебной халатности, и в зависимости от того, что именно случилось, вычленились главные виновники. Сами же типы халатности в значительной степени зависели от того, насколько велик был злодейский контингент. Небольшие группы нарушителей границы отряды из *чэн* и *шу* должны были задерживать сами. Если же

нарушение границы грозило оказаться массовым, мелкие гарнизоны должны были незамедлительно сообщать о происходящем наверх и просить подмоги. Точно определить численность злодеев, при которой происходил тот качественный скачок, до которого погранзастава должна была справляться сама, а после которого — слать за помощью, закон, конечно, не мог. Ведь и на самих заставах и в гарнизонах численности бойцов были различны; нельзя ж было творить отдельные законы для застав, скажем, второго уровня и для застав третьего. Да это и не имело бы смысла. Пересчитать злодеев легко, когда они уже повязаны или перебиты, а когда вдали, на горизонте показывается невесть чей отряд, существенны лишь качественные оценки. Поэтому творцы Кодекса прибегли скорее к метафорическим величинам.

...Имеется в виду, что [злодеи явились] не во множестве, составляющем соединение или часть (*фэй чжун чэн шилюй* 非眾成師旅). Согласно «Чжоу ли», 500 человек составляют часть, а 2500 человек составляют соединение. Здесь же имеются в виду мелкие [группы] злодеев, разбойников или грабителей. Если они составляют соединение или часть, [преступление наблюдателей подпадает под] уголовные установления о самовластных действиях, согласно которым те, кто при соприкосновении с бандитами был послан разведчиком и не заметил того, что бандиты выступили, наказываются 3 годами каторги (Там же)⁵.

Первичной и, по сути, основной обязанностью малых гарнизонов было наблюдение за местностью (*хоуван* 候望) и заблаговременное обнаружение готовящегося группового перехода границы. Поэтому в случае ненадлежащего исполнения этой функции первичная ответственность возлагалась именно на наблюдателей. Однако танские законодатели были реалистами, и поэтому такая ответственность могла быть возложена, лишь если злодеи появлялись в зоне прямой видимости от заставы или на дороге, находящейся в непосредственной близости от укрепленного стенами пункта.

Имеется в виду, что дорога, по которой выходят или входят внутренние или внешние злодеи, перекрывается наблюдателями (*гуань юй хоуван чжэ* 關於候望者). Если глаз в состоянии увидеть — это значит перекрывается (*му со кань цзянь вэй гуань* 目所勘見為關). Имеется в виду: внутри [пределов] того, что можно наблюдать (Тан люй шу и. Ст. 89 / Уголовные установления Тан 1999: 354).

Если в принципе, теоретически, наблюдатели должны были бы заметить приближающихся злодеев, но на деле не заметили их, виновные подлежали наказанию в 1,5 года каторги.

Непосредственно ответственные лица (*чжусы* 主司), т.е. начальник гарнизона заставы или укрепленного населенного пункта, не сумевший поддерживать бдительность своих подчиненных на должном уровне, хоть и не являлся прямо виноватым, за упущения в работе с личным составом подлежал наказанию на 1 степень более легкому, т.е. фактически как соучастник преступления, главарем в котором был прощтрафившийся наблюдатель. Начальника заставы или укрепленного пункта наказывали 1 годом каторги.

⁵ Те, кто в условиях боевого соприкосновения с «бандитами», т.е. в ситуации, когда оба противника видят флаги над укрепленными лагерями друг друга, был послан в разведку и не заметил того, что противник выступил и перешел границу, наказывались 3 годами каторги, а если следствием такой халатности явилось поражение — обезглавливанием (Тан люй шу и. Ст. 233 / Уголовные установления Тан 2001: 262).

Вторая качественно самостоятельная ситуация возникала тогда, когда силы входящих или выходящих злодеев значительно превосходили силы данной заставы или укрепленного пункта. Здесь первой обязанностью начальства было немедленно, безотлагательно требовать помощи у ближайших соседей (*бицзинь чэн шу* 比近城戍).

В тех случаях, когда появляются входящие или выходящие злодеи, укрепленный населенный пункт или пограничная застава, мимо которых они проходят, всегда ловит их. Если силы недостаточны, [чтобы совладать с ними], необходимо отправить сообщение в ближайший укрепленный населенный пункт или заставу, с тем чтобы совместно поймать или отогнать (*бучжу* 捕逐) [злодеев] (Там же).

Если это вообще не было сделано, равно как если это было сделано с таким промедлением, что захват злодеев общими усилиями не был осуществлен и те беспрепятственно прошли через границу и скрылись, повинный начальник в обеих ситуациях также подлежал наказанию в 1 год каторги.

В тексте вторая ситуация лаконично описана как *гао эр цзильо бу цзи гунбу чжи ши цзянькоу* 告而稽留不共捕致失姦寇, т.е. «отправили, но промедлили и совместно не захватили, из-за чего бандиты были упущены». Представляется вполне вероятным, что при соответствующих обстоятельствах виновность могла быть распространена и на ту единицу, куда были направлены рапорт о появлении злодеев и требование подмоги. Если промедлил с посылкой донесения начальник той заставы, мимо которой шли разбойники, наказанию подлежал именно он. Если же начальник первой заставы послал запрос со всей возможной поспешностью, но затем промедлил с оказанием помощи начальник той единицы, куда пришло донесение, и именно из-за его нерасторопности совместная операция сорвалась, а злодеи скрылись, наказанию 1 годом каторги подлежал, надо полагать, уже промедливший с оказанием помощи начальник второй заставы.

Сторожевые маяки

Важнейшим элементом обороны Танской империи была система дозорной службы на сторожевых сигнальных маяках (*фэнхоу* 烽候). Пограничная стража, предназначенная для предотвращения приграничного бандитизма и перехвата небольших групп вражеских лазутчиков или внутренних смутьянов, — это, конечно, вещь необходимая и приносящая много пользы стране. Однако против серьезных вызовов она бессильна. Максимум, на что она способна, когда происходят массовые беспорядки или масштабное нашествие, — это вовремя предупредить центр об опасности и дать ему об этой опасности хотя бы самое общее представление. Предельно оперативным средством передачи такой информации в ту пору, как и во многих иных странах, была система визуальной связи. Если наблюдающие за обстановкой на границе или в ее окрестностях замечали скопления и передвижения войск потенциального противника, то они должны были незамедлительно послать экстренный сигнал посредством зажжения на сторожевом маяке горючих материалов. Завидев поданный сигнал, следующий маяк в цепочке подхватывал его, подавал свой сигнал, и так начиналась на удивление по тем временам быстрая перепасовка информационного пакета с окраин в глубину страны. А уж там политический центр, опираясь на полученную информацию, принимал решение о приведении в боевую готовность и перемещении тех или иных контингентов регулярных войск.

Функции сигнальных маяков в Кодексе коротко охарактеризованы так:

...От окраин [и дальше] устроены сигнальные маяки для связи со столицей. Огневые или дымовые сигналы [они подают знаки] с одного на другой (*сян ин* 相應), [посылая] предупреждения о чрезвычайных [событиях] (Тан люй шу и. Ст. 90 / Уголовные установления Тан 1999: 365).

За поддержание в порядке и готовности системы сторожевых маяков отвечали по линии гражданской администрации — отдел управления окраинами (*чжифан* 職方) Военной части (*бинбу* 兵部), по линии армейской — генералитет (*шан цзянцзюнь гэ и жэнь да цзянцзюнь гэ и жэнь цзянцзюнь гэ эр жэнь* 上將軍各一人 大將軍各一人 將軍各二人) левой и правой гвардий Птицы счастья (*цзо ю цзиньвэй* 左右金吾衛), а в глубинке — начальники отделов личного состава местных административных единиц (*бинцао цаньцзюньши* 兵曹參軍事, *сыбин цаньцзюньши* 司兵參軍事).

В статье Кодекса, посвященной уголовно наказуемым оплошностям служащих сигнальных маяков, говорится:

Количества зажигаемых огневых сигналов полностью [означены] в текстах внутриведомственных установлений, но дело это секретное. Излагать его [здесь] невозможно (Тан люй шу и. Ст. 90 / Уголовные установления Тан 1999: 356).

Полторы тысячи лет спустя эта информация уже не является военной тайной, и некоторые сведения из секретных, предназначенных лишь для внутреннего придворного пользования документов можно обнародовать.

Везде, где ставятся сигнальные маяки, в основном [между ними соблюдается] расстояние в 30 *ли*. Если есть горы и возвышенности, разделяющие их, надлежит устраивать их сообразно необходимости, так чтобы их было видно с одного до другого (*дэ сян ванцзянь* 得相望見), тогда не обязательно [придерживаться] нормы в 30 *ли*. Те, что находятся в пограничной полосе, обносятся стенами. На каждом маяке назначаются 1 предводитель (*шуй* 帥) и 1 товарищ [предводителя] (*фу* 副). Для поджига есть 1 костер (*цзюй* 炬), 2 костра, 3 костра и 4 костра. Сообразуясь с количеством разбойников, [определяют], сколько [зажигать]. ...Маяков — 260 штук, маячных предводителей и прочих — 1388 человек (Тан лю дян. Цз. 5, разд. *чжифан ланчжун*; Ниода Нобору 1964: 388–389).

Днем сигнал следовало подавать дымом, ночью — огнем.

Подсудные действия военных, служивших на маяках, сводились исключительно к нарушениям устава службы, приводившим к сбоям или дезинформирующим неправильностям в подаче сигналов. Большая или меньшая строгость наказаний за такого рода нарушения определялась их последствиями.

Легче всего наказывались действия, не соответствующие правилам службы, но не причинившие ущерба и даже не особенно им чреватые.

Например, в радиусе 2 *ли* от сигнального маяка не разрешалось разводить костров. Ведь это могло привести к ложной тревоге.

Сами по себе действия, способные послужить ложной тревогой, а следовательно — заодно еще и чем-то вроде внеплановой проверки боевой готовности, карались относительно легко. Всего лишь 1 год каторги грозил тем, кто, когда обстановка ос-

тавалась вполне спокойной и не было никаких реальных причин зажигать сигнальные костры, зажег их, либо зажег их больше, чем требовала реальная тяжесть обстановки, и, следовательно, передал сигнал о появлении более крупных сил противника, чем наблюдались на самом деле, либо просто жег вблизи сигнального маяка какой-то совершенно посторонний огонь.

Совершенно иные наказания грозили в противоположных случаях.

Таковых в законе выделилось четыре.

Во-первых, когда в случае прямой угрозы следовало подать тревогу, а ее не подали, это могло позволить противнику атаковать пограничные укрепления или проникнуть на китайскую территорию.

Во-вторых, могло случиться, что сторожевой костер необходимо было зажечь, а его не зажгли, т.е. наблюдалась тревожная ситуация, но тревоги не подали.

В тексте сказано:

Согласно внутриведомственным установлениям, дозорные, увидев дым или пыль, немедленно подадут огневые или дымовые сигналы. Если не было события, послужившего причиной, это и есть: [сигнал] не полагалось подавать (*бу ин цзюй* 不應舉) (Тан люй шу и. Ст. 90 / Уголовные установления Тан 1999: 356).

Значит, если реально наблюдались «дым или пыль», то сигнал полагалось подать незамедлительно.

Если наблюдатели не подают [сигналов] (*бу цзюй* 不舉), это и называется неподачей тревоги (*бу цзин* 不警) (Тан люй шу и. Ст. 90 / Уголовные установления Тан 1999: 355).

Возможно, ровно такое же требование — зажечь костры и подать сигнал, когда это полагалось, — предъявлялось и служащим маяков, которые сами не видели неприятеля, но всего лишь получили сигнал с соседнего маяка. Сами они не подавали тревоги, но обязаны были передать поднятую тревогу дальше по цепочке.

В-третьих, служащие маяков могли зажечь меньше костров, чем полагалось, исходя из численности видимого неприятеля. Сообщить о появлении небольшого отряда, когда наступала значительная сила, — это, в сущности, заманивание своих же бойцов в ловушку. Понятно, что данная претензия предъявлялась только к наблюдателям маяков, что сами видели врага.

В-четвертых, могла возникнуть драматическая коллизия, когда на предыдущем маяке костры были уже зажжены, сигнал подан, но на ближайшем следующем маяке почему-то не подхватывали передачу. Тогда персонал подавшего тревогу маяка должен был в срочном порядке отрядить на молчащий маяк нарочного, чтобы выяснить ситуацию и, если дело было в простой невнимательности, заставить коллег подхватить сигнал и передать его дальше в глубь страны.

Если полагалось подать тревогу, а ее не подали, если полагалось зажечь костры, а их не зажгли, если зажгли костров меньше, чем полагалось в соответствии с численностью наблюдаемого противника, и если к молчащему последующему маяку с предыдущего не послали немедленно гонца — во всех этих четырех ситуациях виновным полагалось 3 года каторги.

Наконец, если какой-либо из этих четырех факторов — то, что тревога не была подана, когда ее следовало подать, или то, что костры не были зажжены, когда их пола-

галось зажечь, или то, что их зажгли меньше, чем требовалось соответственно наблюдаемой угрозе, или то, что к молчащему маяку не отрядили немедленно нарочного, что вызвало прерывание сигнала, — послужил причиной того, что мирное население либо военнослужащие армии, равно как укрепленных населенных пунктов или погранзастав понесли потери (*сяньбай* 陷敗)⁶, виновных в этом служащих сигнальных маяков наказывали давлением.

Литература

- Кроль, Романовский 1982 — Кроль Ю.Л., Романовский Б.В. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). М., 1982. С. 209–243.
- Рыбаков 2009 — Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. СПб., 2009.
- Рыбаков 2015 — Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Т. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015.
- Уголовные установления Тан 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
- Уголовные установления Тан 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Уголовные установления Тан 2008 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Пер. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.
- Ниида Нобору 1964 — *Ниида Нобору* 仁井田陞. То ре сю и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.
- Синь Тан шу 1975 — Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин, 1975.
- Тан лю дьянь — Тан лю дьянь 唐六典 (Шесть уложений Тан) [Электронный ресурс]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm.
- Тан люй шу и — Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями). Шанхай, 1936–1939 (Цуншу цзичэн 叢書集成 (Библиотека-серия). Т. 775–780).

References

- Niida Noboru 仁井田陞. *To re siu i* 唐令拾遺 [A Collection of the T'ang Dynasty Regulations]. Tokio, 1964 (in Japanese and Chinese).
- Sin' Tan shu 新唐書 [A New History of the Tang Dynasty], t. 1–20. Pekin, 1975 (in Chinese).
- Tan liu dian' 唐六典 [Six Codes of the Tang Dynasty]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm (in Chinese).
- Tan liui shu i 唐律疏議 [Tang Dynasty Criminal Code with Explanations]. C'ongshu jicheng 叢書集成, t. 775–780. Shankhai, 1936–1939 (in Chinese).
- Krol' Iu.L., Romanovskii B.V. “Opyt sistematzatsii traditsionnoi kitaiskoi metrologii” [An Experience of Systematization of Traditional Chinese Metrology]. *Strany i narody Vostoka*, vyp. XXIII: Dal'nii Vostok (Istoriia, etnografiia, kul'tura). Moscow, 1982, pp. 209–243 (in Russian).

⁶ В статье Кодекса, посвященной опозданиям гонцов, понятие «потерь» несколько уточняется: «Потери населения или бойцов армии, гвардейцев, рекрутов, бойцов пограничной стражи, от 1 человека и более, либо укрепленных населенных пунктов или пограничных застав» (Тан люй шу и. Ст. 123 / Уголовные установления Тан 2001: 67–68). Если опоздание гонца привело к таким последствиям, его также наказывали давлением.

- Rybakov V.M. *Tanskaia biurokratiia. Chast' 1: Genezis i struktura* [The T'ang Bureaucracy. Part 1: Genesis and Structure]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2009 (in Russian).
- Rybakov V.M. *Tanskaia biurokratiia. Chast' 2: Pravovoe samoregulirovanie* [The T'ang Bureaucracy. Part 2: Legal Self-regulation.]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2015 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i) [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 1–8. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i) [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per., vved. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 9–16. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001 (in Russian).
- Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami (Tan liui shu i) [The T'ang Criminal Norms with Explanations]. Per. i komment. V.M. Rybakova. Tszuani 26–30. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2008 (in Russian).

The Legal Aspects of Border Control in T'ang China

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 43–55)

Received 14.05.2018.

Viacheslav M. Rybakov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

An important part of criminal law are the laws regulating the state border regime and contacts with foreigners. Laws of this kind especially important are in traditional culture countries, where external relations are the prerogative of state institutions, and external security is considered one of the main political priorities. A good example of this kind are the laws of the medieval Chinese T'ang dynasty. They describe both the normative behavior of the subjects of the empire in relation to the state border, external relations and the frontier service, and the hypothetical violations of such behavior.

Key words: traditional China, state and law, the Tang dynasty, foreign relations, border service.

About the author:

Viacheslav M. Rybakov, Dr. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ouyangtsev@mail.ru).

Сасанидский след на персидских миниатюрах XIV–XV вв.

А.И. Колесников

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030056

Статья посвящена отображению событий и реалий древнего и античного Ирана в миниатюрной живописи страны XIV–XV вв. н.э. Такие реалии представлены изобразительными сюжетами на изделиях сасанидской торевтики (III–VII вв.), официальными коронами сасанидских правителей на серебряных монетах, историческими преданиями и легендами, собранными в пехлевийской «Хвадай-намаг» (VII в.) и сохранившимися в поэме Фирдоуси «Шах-наме» (X в.).

Ключевые слова: Сасаниды, торевтика, нумизматика, «Хвадай-намаг», «Шах-наме», рукописи, миниатюры, Дарий, Шапур III, аркадная диадема, Бахрам Гур, Хосров Парвиз.

Статья поступила в редакцию 08.06.2018.

Колесников Алий Иванович, доктор исторических наук, советник ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ali.koles@mail.ru).

© Колесников А.И., 2018

Известно, что самые ранние эпические произведения, появившиеся в Иране после арабских завоеваний, создавались на материале пехлевийской «Хвадай-намаг» («Книга владык») — свода легенд и исторических преданий о мифических и реальных царях и героях древности. В окончательном виде «Хвадай-намаг» оформилась в первой половине VII в., в последние полвека правления Сасанидской династии (224–651). В этих преданиях даже реально действовавшие сасанидские правители наделялись чертами исключительности, отличавшими их от простых смертных. Это проявлялось в характеристиках–прозвищах главных героев, которые закреплялись за ними при жизни или позднее, при составлении их деяний и жизнеописаний. Шапур II получил прозвище Шапур-«запечник» (за суровое обращение с пленными арабами); Йездигерда I зороастрийцы прозвали «грешником» (за его веротерпимость к христианам); Варахран V в эпической традиции дошел до нас как Бахрам Гур («Бахрам-онагр»), что подчеркивало его охотничьи заслуги; Хосров I, много сделавший для проведения военно-административной и социальной реформ, стал Хосровом Ануширваном («Хосровом с бессмертной душой») и Хосровом Справедливым; наконец, Хосров II, завоевавший почти всю Малую Азию, а потом потерявший все территориальные приобретения, все равно остался в памяти потомков Хосровом Парвизом («Хосров Победитель») и т.д.

Главным эпическим сочинением на раннем новоперсидском языке стала поэма Фирдоуси «Шах-наме» («Книга царей», кон. X в.), открывшая череду многочислен-

ных подражаний. Стоит заметить, что в ней вполне реалистично передавались обстановка и дух сасанидской эпохи. Ощущение реальности усиливалось с помощью многочисленных миниатюр в списках поэмы, иллюстрирующих события, которые излагались в тексте.

Миниатюры, присутствующие в иллюстрированных персидских рукописях мусульманской эпохи, невозможно представить без заимствования их авторами реалий и художественных образов седой древности, которые благодаря усилиям художников продолжали существовать и несколько столетий спустя после крушения Сасанидского государства в 651 г. н.э.

Заимствования осуществлялись в нескольких направлениях, в том числе в области продолжения художественных традиций ремесленного производства и в области эволюции литературных сюжетов. Наглядными продолжателями искусства прошлого являются серебряные и бронзовые изделия, изготовленные по древним образцам в первые три века ислама, чему есть множество примеров.

Сцены царской охоты и другие сюжеты, воспроизведенные на серебряных блюдах и сосудах сасанидского времени из собрания Государственного Эрмитажа, часто повторяются на изделиях торевтики, датируемых VIII и IX вв. н.э., т.е. эпохой утверждения фактического господства ислама в Иране (Тревер, Луконин 1987: текст — с. 60–104, описание — с. 107–119, иллюстрации — № 6–35; Demange et al. 2006. Cat.: 55, 68, 73; Маршак 2017: 290–307).

Наиболее популярные сюжеты, запечатленные на изделиях сасанидской торевтики, с определенными коррективами переносились на средневековые иранские миниатюры. В сценах царской охоты, изображенных на трех серебряных блюдах¹, главным персонажем является царевич Бахрам Гур (будущий Варахран V, 420–438) верхом на верблюде со своей служанкой и возлюбленной Азаде. Головной убор царевича представляет зубчатая корона с астральной символикой, иначе — *mural crown with astral symbols* в европейской классификации (Тревер, Луконин 1987: описание — с. 110–111, № 13–14; ил. — № 26, 27, 28; Schindel 2004, III/1: 19)². Корона царевича на блюде, изготовленном в конце V — VII в., через полтора–два столетия после смерти Варахрана V, в деталях не полностью совпадает с его прижизненной короной, характерной для официальных портретов на монетах монарха. Она больше напоминает короны преемников Варахрана V — Йездигерда II (438–457) и Валахша (484–488), чем его собственную (Ср.: Göbl 1971: Tab. IX–X; Schindel 2004, III/1: 18–19, Tab. 1. Crowns). По наблюдениям В.Г. Луконина, на третьем этапе эволюции охотничьего сюжета (кон. V — VI в.) царственные всадники на произведениях придворных мастеровских «изображаются уже преимущественно в коронах, которых нет на монетах», иначе — с большими отступлениями от традиционной символики, т.е. уже не относятся к категории прокламативных памятников (Тревер, Луконин 1987: 73–75).

Аналогичный сюжет запечатлен на миниатюрах из двух ранних списков «Шахнаме», выполненных в Ширазе и датированных первой третью XIV в. (1331 и 1333 гг.)³. Исследователи относят оба списка к инжуидскому стилю⁴. Но если на се-

¹ Двух — из собрания Государственного Эрмитажа (конец VI — 1-я пол. VII в.) и одном — из частного собрания (возможно, более позднем).

² Ил. 1. Бахрам Гур и Азаде. Изображение на серебряном блюде (Тревер, Луконин 1987: описание — № 13, ил. — № 27, S-252).

³ Первая хранится в Музее дворца Топкапы в Стамбуле, а вторая — в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга (бывшей Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

⁴ По названию династии, правившей в Ширазе во второй четверти XIV в. (Адамова, Гюзальян 1985: 24–25; Лэн-Пуль/Бартольд 2004: 268).

ребряных блюдах оба участника охоты представлены верхом на верблюде (Тревер, Луконин 1987: 74–76, ил. 53, 54, 55 на с. 75), то на миниатюре рукописи 1333 г. на верблюде остается только Бахрам Гур, а несчастная Азаде за совершенную дерзость сброшена с седла под копыта свирепого животного (Адамова, Гюзальян 1985: 34, 126–128)⁵. Такую разницу можно объяснить тем, что на сасанидских блюдах изображен момент выезда царевича на охоту, а на миниатюрах — драматическая развязка события. Авторы миниатюр строго следовали рассказу «Шах-наме», уготовившему служанке печальную кончину за рискованный совет своему господину — превратить самку газели в самца, а самца в самку⁶. Однако на более поздней персидской миниатюре в списке «Шах-наме» первой половины XV в. Азаде все так же с *чангом* (арфой) в руках сидит на верблюде, как в аналогичном сюжете сасанидских серебряных блюд и штукowego панно рубежа VII–VIII вв. из Чал-Тархана на севере Ирана (Abdullaeva, Melville 2008: 119; Harper 1978: Cat. 47).

Низами Гянджеви, знакомый с «Шах-наме» Фирдоуси, в поэме «Хафт пайкар» («Семь красавиц», конец XII в.) по-иному представил охотничью историю царевича и его возлюбленной. Его поэт «пересадил» с верблюда на коня, а рабыню-возлюбленную по имени Фитне (*араб.* *فتنه* — «искушение», «соблазн»/«бунт») оставил вместе со свитой наблюдателей; наказать ее за дерзость он поручил военачальнику и в итоге заменил смертную казнь бескровной развязкой.

XIII–XIV века в Иране — время правления потомков Чингис-хана, *ильханов*. Кочевые завоеватели, обосновавшиеся на покоренных землях, ощутили себя наследниками древней культуры и не препятствовали расцвету иранского эпоса, а даже поощряли его. Только лица и одежды героев поэмы вначале больше напоминали монгольские или китайские (Адамова, Гюзальян 1985: 26–27; Адамова 2010: 14; 2014: 218–230).

Но особо примечательным для большинства персидских миниатюр XIV–XV вв., иллюстрирующих многочисленные деяния мифических и исторических персонажей, является наличие на головах положительных героев расширяющихся кверху диадемом аркадного типа вместо сложных индивидуальных корон сасанидских правителей на их монетах и произведениях торевтики.

На миниатюрах рукописи «Шах-наме» 1333 г. из собрания Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге такая диадема со сводчатым верхом, разделенная вертикальными линиями на сегменты, встречается неоднократно. Она покрывает голову и ахеменидского царя Дария III, принимающего смерть от рук заговорщиков⁷, и Искандера (Александра Македонского), наблюдающего за строительством заградительных стен от беспокойных народов Гог и Магог. С ней не расстаются Ардашир Папакан (Ардашир I, 224–241), вливающий в пасть чудовищу расплавленный свинец, и Бахрам Гур во время охоты, а также молодой Хосров Ануширван (Хосров I, 531–579), присутствующий на казни еретика Маздака. В этой короне Хосров II Парвиз (590–628) в царском саду слушает мелодии музыканта Барбада (Адамова, Гюзальян 1985: 120–127, 134–135, 150–151).

Аналогичные диадемы венчают головы выдающихся персонажей на миниатюрах в рукописях «Шах-наме» Фирдоуси и «Хамсе» («Пятерица») Низами Гянджеви из соб-

⁵ Ил. 2. Бахрам Гур и Азаде. Фрагмент миниатюры из рукописи «Шах-наме» 1333 г. (Адамова, Гюзальян 1985: 127).

⁶ Об этом подробнее см. (Шах-наме 1968. Текст, VII: 273–275). Бахрам справился с задачей, но сама мысль о том, что он мог промахнуться и этим обесчестить свое имя и весь царский род, привела его в бешенство.

⁷ Ил. 3. Гибель Дария III от рук заговорщиков. Фрагмент миниатюры из рукописи «Шах-наме» 1333 г. (Адамова, Гюзальян 1985: 121).

рания ИБР РАН, которые датированы XV в. Речь идет об иллюстрациях в списке «Шах-наме» С 1654, изготовленном «в первых числах благословенного месяца рамадана 849 г.х. / дек. 1445 н.э.» (л. 116, 276⁸, 966, 2966⁹, 3286, 393а¹⁰), и в списке сочинения Низами С 1735, датируемом 899 г.х. / 1494 н.э. (л. 29а¹¹, 1946¹², 2006¹³, 224а¹⁴, 3656¹⁵). Царские диадемы в форме аркады можно увидеть и на других миниатюрах XV в. (Васильева 2008: 41–42, ил. 56, 57; Żygulski 1989: Katalog — Fig. 12, 14, 19; Gifts of the Sultan 2012: 30–31, Fig. 25; 34–35, Fig. 28).

В сасанидской нумизматике стало аксиомой утверждение, что каждый правитель этой династии имел свою собственную корону, уникальная форма которой наравне с текстом служила надежным инструментом при идентификации чеканенных от его имени монет (Göbl 1971: 7). Символика царских корон на серебряных и золотых монетах была «скопирована» с корон зороастрийских божеств, изображенных на скальных рельефах, и отличалась разнообразием. Из большого разнообразия существовавших сасанидских корон наше внимание привлёк единственный в своем роде тип короны на монетах, чеканенных от имени Шапура III (383–388), иначе — короны аркадного типа (*arcaded crown* в нумизматической классификации)¹⁶. На лицевой стороне драхм в нижней части короны (диадеме) отчетливо видны три арки с ветвями внутри — символом богини Анахиты (Göbl 1968: Taf. 8, No. 125–127; Schindel 2004, III/2: 88–115, Taf. 25–32; Gyselen 2004: ил. 218–219, 223)¹⁷. Видимо, благодаря этой стилизованной растительности внутри арок, в другом нумизматическом исследовании такой тип корон выделен по другому признаку — как короны в виде волнистой пальметты и короны с ветвями (*fluted palmette crowns and twig crowns*)¹⁸ (Vesta Sarkosh Kurtis 2008: 141–142). На оборотной стороне монет изображен действующий алтарь огня, охраняемый двумя жрецами. В пламени алтаря отчетливо различается бюст божества, который может быть символом верховного бога Ахура-Мазды (Ормазда) или — богини Анахиты. Во всяком случае, на оборотной стороне кушано-сасанидской медной монеты Ормазда II (ок. 300 — 303) на верхушке алтаря огня изображен бюст богини с зубчатой короной, профиль влево, держит диадему с лентами в вытянутой правой руке и жезл в поднятой левой (*staff in raised left hand*). Пояснительная пехлевийская круговая легенда против часовой стрелки гласит: *anahyt (anāhī) mrwta* («Госпожа Анахита») (Jongeward, Cribb, Donovan 2015: 217).

Диадему Шапура III можно считать прототипом головных уборов персонажей на персидских миниатюрах XIV–XV вв., несмотря на отсутствие в них растительного

⁸ Ил. 4. Заль торопится на встречу с Рудабе (рук. С 1654, л. 276).

⁹ Ил. 5. Бахрам Гур пытается добыть царскую корону, охраняемую львами (рук. С 1654, л. 2966).

¹⁰ Ил. 6. Хосров Парвиз в саду слушает музыку (рук. С 1654, л. 393а).

¹¹ Ил. 7. Царь, сидя на троне, вершит суд (рук. С 1735, л. 29а).

¹² Ил. 8. Бахрам Гур на коне преследует льва, терзающего оленя (рук. С 1735, л. 1946).

¹³ Ил. 9. Бахрам Гур с золотой короной аркадного типа сидит на троне, а израненные львы лежат перед тронном (рук. С 1735, л. 2006).

¹⁴ Ил. 10. Бахрам Гур (рук. С 1735, л. 224а).

¹⁵ Ил. 11. Александр Македонский на троне в компании музыкантов и певчих (рук. С 1735, л. 3656).

¹⁶ Ил. 12. Таблица сасанидских корон по Шинделло (Schindel 2004, III/I: 19, Tab. 1 — Crowns). На самом нижнем уровне схематически изображена корона Шапура III.

¹⁷ Ил. 13. Серебряные монеты Шапура III из коллекции Ахмада Саиди (Gyselen 2004: 116–117, ил. 218, 219).

¹⁸ К носителю такой короны автор причисляет и шаханшаха Нарсе (293–303 AD), но ячейки в диадеме его короны на монетах вытянуты вверх и мало напоминают арки, хотя символика короны тоже указывает на Анахиту. В надписи из Пайкули в Курдистане Нарсе заявляет, что он из Армении двинулся на столицу завоевывать трон во имя Ахура-Мазды, всех богов и Анахиты Госпожи (Луконин 1979: 61–62, 132–133).

орнамента и характерной для сасанидской нумизматики дополнительной символики над диадемой.

На протяжении пяти лет царствования Шапура III тип аркадной короны на его монетах варьировался в зависимости от места и времени чеканки, квалификации резчиков штемпелей и благодаря интенсивности монетной эмиссии, допускающей отклонения от установленного канона. В каталоге Н. Шинделя представлены более ста монет Шапура III (в основном драхм), битых на разных монетных дворах государства. Несмотря на сравнительно короткую продолжительность правления Шапура III, ареал его монетной чеканки простирался от Междуречья до восточных пределов иранской ойкумены — Кабула, Мерва и Синда. На этих окраинах он чеканил золотые динары весом 7,3–7,4 г¹⁹. Изображения нижней части короны на монетах Шапура III варьировались в тщательности проработки деталей, в рисунке частей аркады, в численности аркадных ячеек в диадеме, в степени условности присутствующего в ней растительного орнамента (Schindel 2004, III/2: 98–115, Taf. 25–32; Schindel/Schaaf 2014: 158–161, Plates 28, 29; Логинов, Никитин 1997: 220, рис. 2/6; 226).

Уже на сасанидском серебряном блюде конца IV в. с изображением борьбы Шапура III с леопардом растительный орнамент в арках диадемы царя царей был упрощен до пунктуации из трех точек (Тревер, Луконин 1987: Ил. 10, 11; инв. S-42)²⁰. Тем большего разнообразия в оформлении аркадных диадем правителей, изображенных на иранских миниатюрах XIV–XV вв., следовало ожидать в эпоху господства ислама.

Развивая тему заимствования сасанидских сюжетов в миниатюрах мусульманской эпохи, следует отметить, что подобные миниатюры не единичны и в иллюминированных персидских рукописях XVI–XVIII вв. за пределами собственно Ирана, на территориях, испытавших влияние иранской культуры. Они засвидетельствованы в списках «Хамсе» Низами, созданных в XV–XVII вв. и хранящихся в фондах Хайдарабада, Рампура, Патны, Дели, Калькутты (Сулейманова 1982: ил. 4, 8, 12–14, 23²¹, 27, 29)²². Сасанидским сюжетам посвящены и отдельные разрозненные миниатюры Художественного фонда в Отделе рукописей и документов ИВР РАН, которые не вошли в состав альбомов *муракка* и не являются иллюстрациями к рукописному тексту (X_14_3R, X_14_16R²³, X_62R), и т.д.

Иногда с коронами аркадного типа изображали и мусульманских правителей Ирана, о чем свидетельствуют миниатюры в рукописи «Хамсе» Низами 1431 г. из коллекции Государственного Эрмитажа и в более позднем списке (1611/12 г.) из музея Саларджанг в Хайдарабаде. Обе иллюстрируют встречу сельджукского султана Санджара со старухой (Адамова 2010: 118, ил. 1; Сулейманова 1982: ил. 8)²⁴.

¹⁹ Gyselen 2004: 59, 81–83 (AV 60–61); Schindel 2004, III/2, Appendix III: 452–453, Tafel 145, C 6–C 9. На лицевой стороне двух динаров, чеканенных в Синде (С 6 и С 7), перед бюстом царя присутствует легенда *šgī*, выполненная письмом *брахми*.

²⁰ Ил. 14. Шапур III сражается с леопардом. Деталь изображения на блюде из собрания Государственного Эрмитажа (S-42).

²¹ Ил. 15. Фархад перед Хосровом II. Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами 1478 г. Патна, библиотека Худабахш (Сулейманова 1982: ил. 23).

²² Ил. 16. Миниатюра «Фитне с бычком» из рукописи Низами «Семь красавиц» 1563 г. Калькутта, Мемориальный музей Виктории (Сулейманова 1982: ил. 13).

²³ Ил. 17. Бахрам Гур на охоте, по версии Низами Гянджеви (миниатюра X_14_16R из Художественного фонда Отдела рукописей и документов ИВР РАН).

²⁴ Имеется в виду Муизз ад-дин Санджар (511–552/1118–1157 гг.), который правил в Восточном Иране в 490–552 г.х. / 1097–1157 гг. После 511/1118 г. он стал и верховным султаном сельджукского рода, последним «великим сельджуком» (Босворт/Грязневич 1971: 161–165; Лэн-Пуль/Бартольд 2004: 109–110).

Начало XVI в. в Иране было ознаменовано приходом к власти династии Сефевидов и превращением шиизма в государственное вероисповедание. Сефевиды правили в стране более двухсот лет (Лэн-Пуль/Бартольд 2004: 186–187). Династия получила название от поддерживавшего ее шиитского братства, руководителем которого был шейх Сафи ад-дин. Враждебные Ирану османские правители огульно окрестили эту династию кызылбашами («красноголовыми») за отличительные красные отметки на головных уборах. На персидских миниатюрах сефевидской эпохи придворных почти всегда изображали в чалмах с красными гребешками в виде столбика. С тех пор тип царской короны и головных уборов чиновничества на территории от Междуречья до Афганистана, подвластной этой династии, претерпел существенные изменения²⁵. Но эта тема выходит за рамки нашего исследования.

В империи Великих Моголов диадема Шапура III часто встречается и на более поздних персидских миниатюрах.

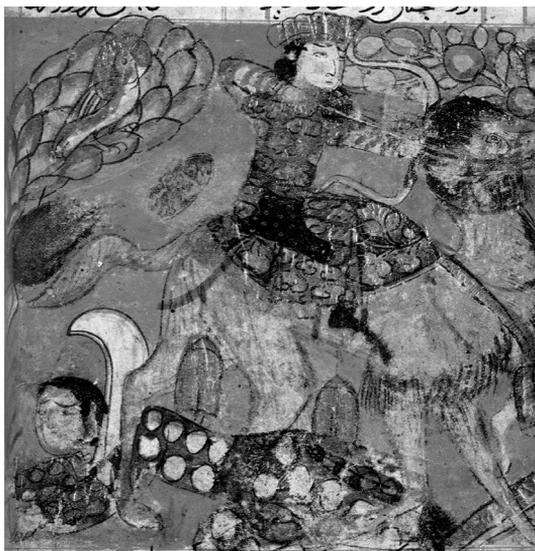
Иллюстрации к статье

Ил. 1.

Бахрам Гур и Азаде на верблюде во время охоты.
Серебряное блюдо из собрания Государственного Эрмитажа, инв. S-252

²⁵ Ил. 18. Хосров на троне в окружении придворных. Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами 1524 г. (Canby 2003: 104–105, 4.20). См. также (Васильева 2008: 68–69, 73; Żygulski 1989: Katalog — Fig. 16, 17, 23, 24).

Ил. 2.

Бахрам Гур и Азаде. Фрагмент миниатюры из рукописи «Шах-наме» 1333 г.
(Адамова, Гюзальян 1985: 127)

Ил. 3.

Гибель Дария III от рук заговорщиков. Фрагмент миниатюры из рукописи «Шах-наме» 1333 г.
(Адамова, Гюзальян 1985: 121)

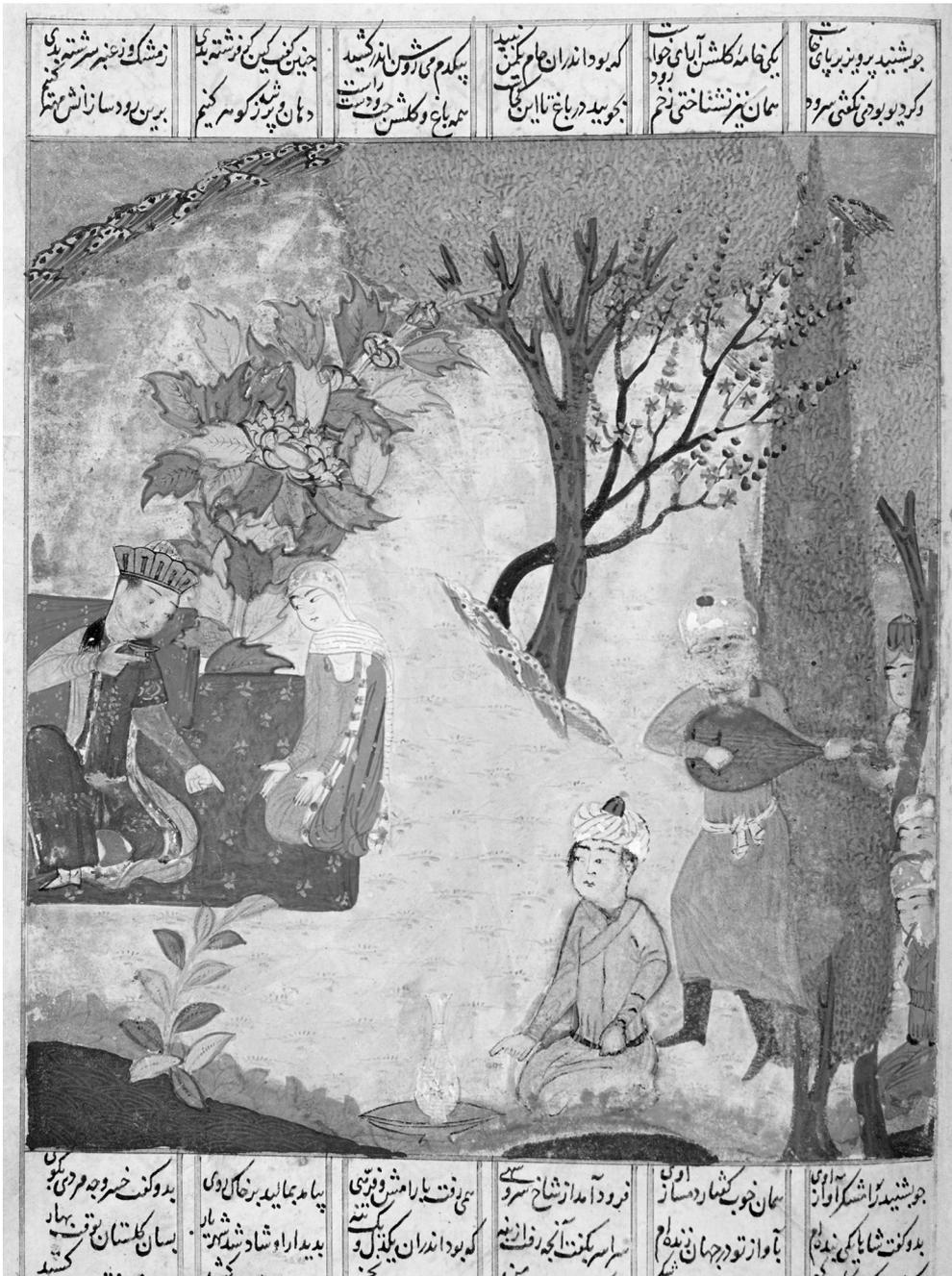
Ил. 4.

Заль торопится на встречу с Рудабей
(рук. С 1654, л. 276)

Ил. 5.

Бахрам Гур пытается добыть царскую корону, охраняемую львами
(рук. С 1654, л. 296б)

Ил. 6.

Хосров Парвиз в саду слушает музыку
(рук. С 1654, л. 393а)

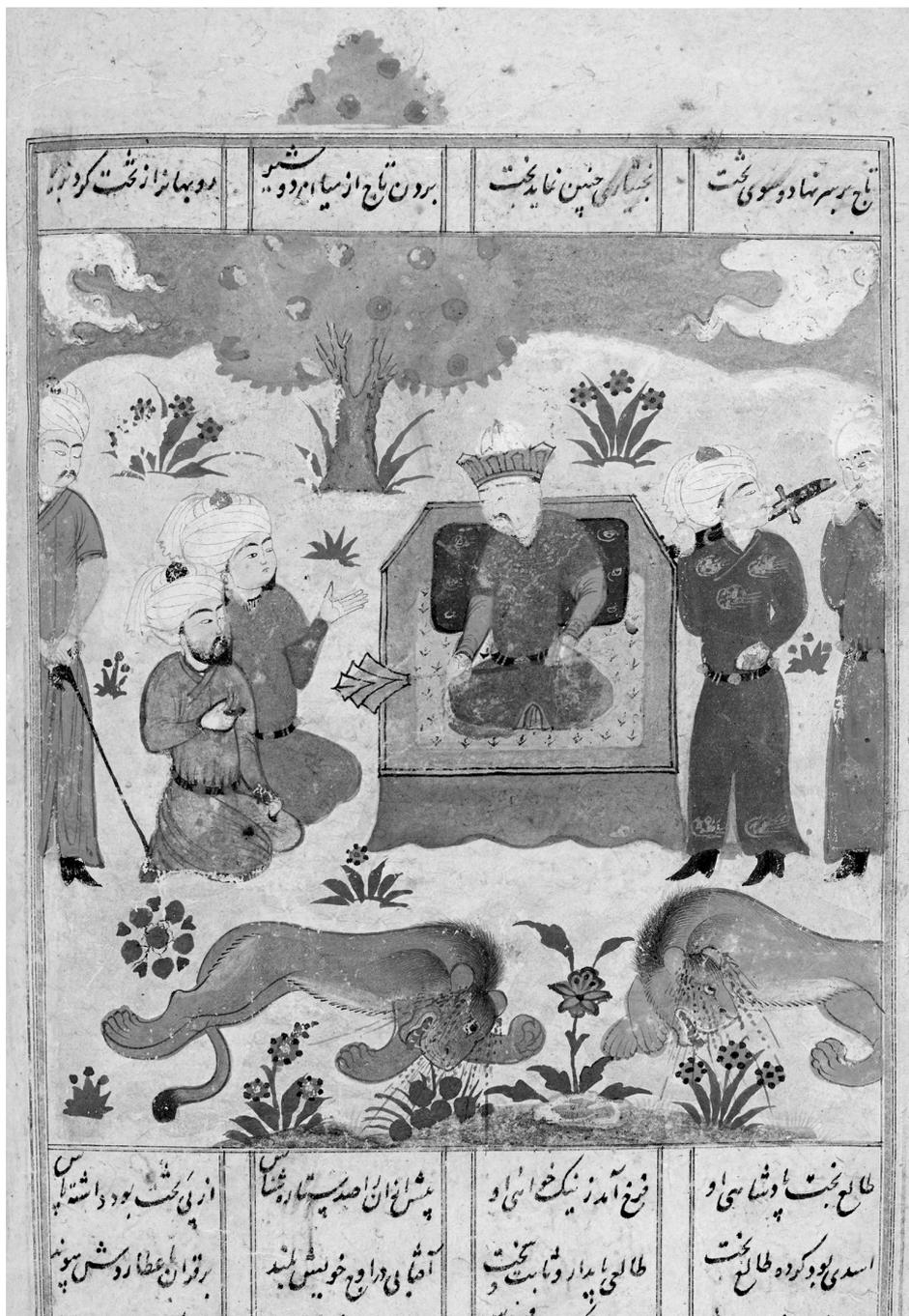
Ил. 7.

Царь, сидя на троне, вершит суд
(рук. С 1735, л. 29а)

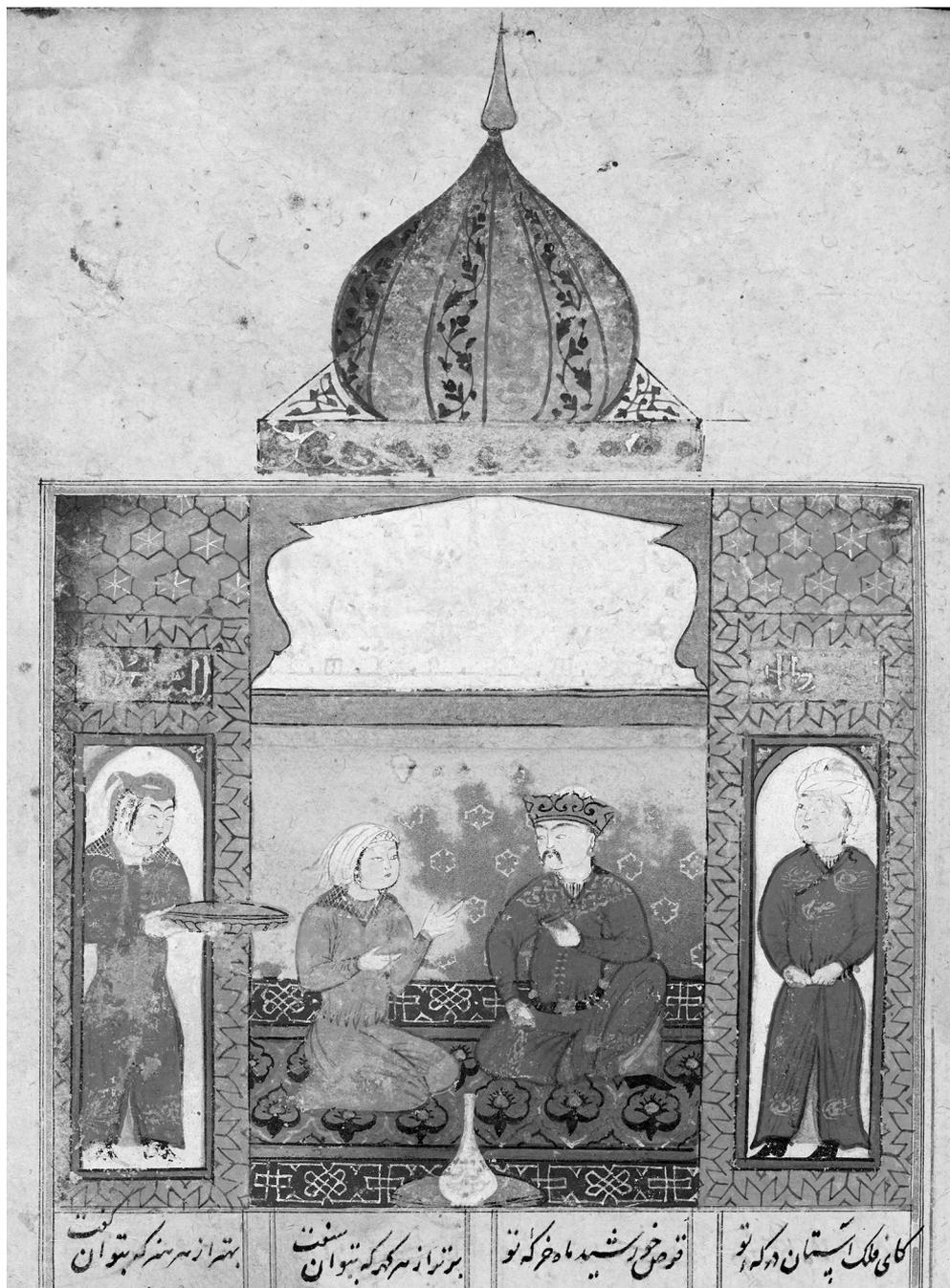
Ил. 8.

Бахрам Гур на коне преследует льва, терзающего оленя
(рук. С 1735, л. 1946)

Ил. 9.

Бахрам Гур с золотой короной аркадного типа сидит на троне,
 а израненные львы лежат перед тронном
 (рук. С 1735, л. 2006)

Ил. 10.
 Бахрам Гур с принцессой
 (рук. С 1735, л. 224а)

Ил. 11.

Александр Македонский на троне в компании музыкантов и певчих
(рук. С 1735, л. 3656)

Mural crowns without astral symbols		
		
Shapur II		
Mural crowns with astral symbols		
		
Yazdgerd I	Peroz/1 st crown	
		
Wahram V.	Zamasp	
		
Yazdgerd II	Walkash	
		
Peroz/2 nd crown	Kawad I/1 st reign	Kawad I/2 nd reign
Composite mural crowns without astral symbols		
		
Wahram IV		
Composite mural crowns with astral symbols		
		
Peroz/3 rd crown		
Capped crowns		
		
Ardashir II		
Arcaded crowns		
		
Shapur III		

Tab. 1. Crowns

Ил. 12.

Таблица сасанидских корон по Шинделю
(Schindel 2004, III/I: 19, Tab. 1 — Crowns)

Shapur III

Ил. 13.
Серебряные монеты Шапура III из коллекции Ахмада Саиди
(Gyselen 2004: 116, 117, ill. 218, 219)

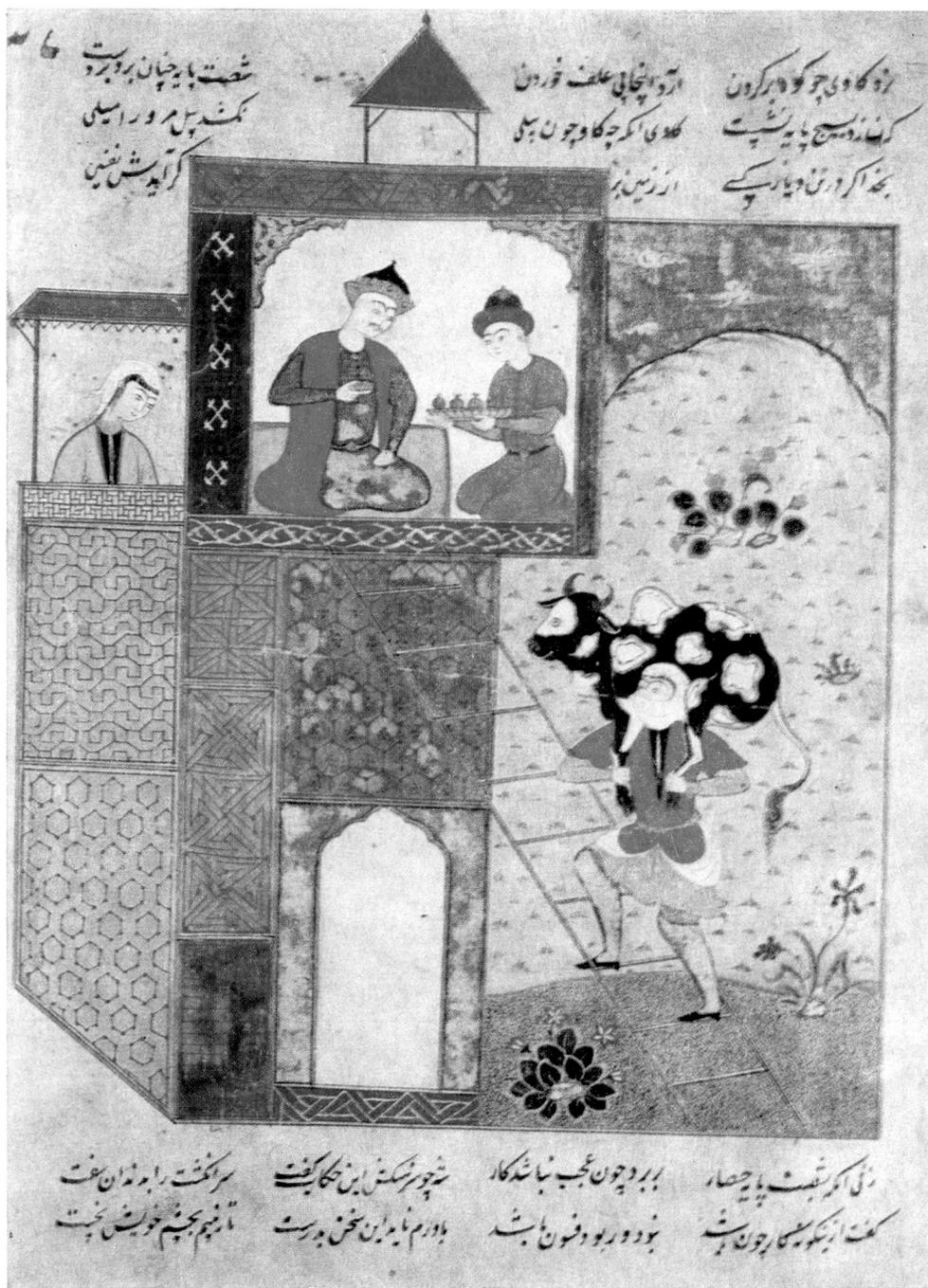

Ил. 14.
Шапура III сражается с леопардом.
Деталь изображения на блюде из собрания Государственного Эрмитажа, инв. S-42

Ил. 15.

Фархад перед Хосровом II. Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами 1478 г.
Патна, библиотека Худабахш (Сулейманова 1982: ил. 23)

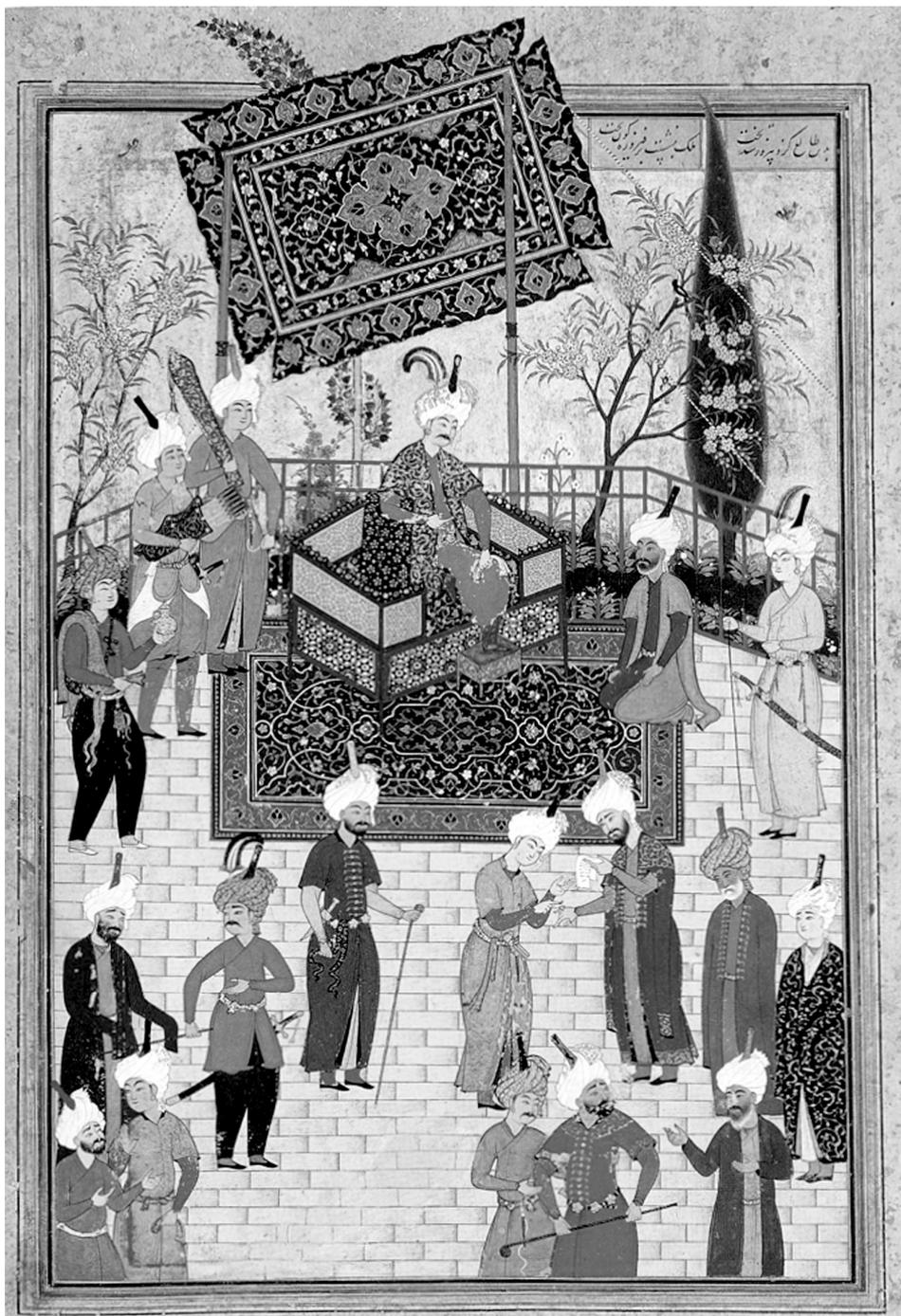

Ил. 16.

Миниатюра «Фитне с бычком» из рукописи Низами «Семь красавиц» 1563 г.
Калькутта, Мемориальный музей Виктории
(Сулейманова 1982: ил. 13)

Ил. 17.
Бахрам Гур на охоте, по версии Низами Гянджеви
(миниатюра X_14_16R из Художественного фонда Отдела рукописей и документов ИВР РАН)

Ил. 18.

Хосров на троне в окружении придворных.

Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами 1524 г. (Canby 2003: 104–105, 4.20)

Литература

- С 1654 — Рукопись «Шах-наме» Фирдоуси, датированная началом рамадана 849 г.х. / дек. 1445 г. н.э., из коллекции ИВР РАН (учтена в Каталоге 1964 г., ч. I: 320).
- С 1735 — Рукопись «Хамсе» Низами Гянджеви, датированная 899 г.х. / 1494 г. н.э., из коллекции ИВР РАН (№ 1197 в кат. 1964 г.).
- Адамова 2010 — *Адамова А.Т.* Персидские рукописи, живопись и рисунок XV — начала XX века. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2010.
- Адамова 2014 — *Адамова А.Т.* «Шахнаме» при Ильханах. Исследования по Аравии и исламу. Сб. статей в честь 70-летия М.Б. Пиотровского. М.: Государственный музей Востока, 2014. С. 218–230.
- Адамова, Гюзальян 1985 — *Адамова А.Т., Гюзальян Л.Т.* Миниатюры рукописи поэмы «Шахнаме» 1333 года. Л.: Искусство, ЛО, 1985.
- Босворт/Грязневич 1971 — *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и примеч. П.А. Грязневича. М.: Наука, 1971.
- Васильева 2008 — *Васильева О.В.* Нить жемчуга: Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской Национальной библиотеки. СПб.: РНБ, 2008.
- Иран в Эрмитаже 2004 — Иран в Эрмитаже: Формирование коллекций. Каталог выставки. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004.
- Каталог 1964, ч. I — *Акимушкин О.Ф., Кушев В.В., Миклухо-Маклай Н.Д., Мугинов А.М., Салахетдинова М.А.* Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог) / Под ред. Н.Д. Миклухо-Маклая. Ч. I. М.: Наука, 1964.
- Логинов, Никитин 1997 — *Логинов С.Д., Никитин А.Б.* Сасанидские бронзовые монеты Мерва // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М.: ИВ РАН, 1997. С. 217–229.
- Луконин 1979 — *Луконин В.Г.* Иран в III веке: Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.
- Лэн-Пуль/Бартольд 2004 — *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии: Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / Пер. с англ. с примеч. и доп. В.В. Бартольда. М.: Вост. лит., 2004.
- Маршак 2017 — *Маршак Б.И.* История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: ИИМК РАН; Академия исследования культуры, 2017.
- Синхронистические таблицы 1940 — Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление / [Сост. И.А. Орбели]. Л.: Изд-во ГЭ, 1940.
- Сулейманова 1982 — *Сулейманова Ф.* Миниатюры к «Хамса» Низами. Ташкент: Узбекская АН, 1982.
- Тревер, Луконин 1987 — *Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро: Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М.: Искусство, 1987.
- Шах-наме 1968. Текст: Т. VII — *Фирдоуси.* Шах-наме. Критический текст. Т. VII / Сост. текста М.-Н.О. Османов под ред. А. Нушина. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Abdullaeva, Melville 2008 — *Abdullaeva F., Melville Ch.* The Persian Book of Kings: Ibrahim Sultan's Shahnama. Oxford, 2008.
- Adamova 2012 — *Adamova A.* Persian Manuscripts, Paintings and Drawings from the 15th to the early 20th Century in the Hermitage Collection. London: Azimuth Editions, 2012.
- Canby 2003 — *Canby Sh.R.* Safavid Painting // Hunt for Paradise: Court Arts of Safavid Iran. 1501–1576 / Ed. by J. Thompson and Sh.R. Canby. Milano: SKIRA, 2003. P. 73–133.
- Curtis 2008 — *Curtis V.S.* Royal and Religious Symbols on Early Sasanian Coins // Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History. Proceedings of a Conference Held at Durham University Nov. 3rd and 4th, 2001 / Ed. by D. Kennet, P. Luft. 2008 (BAR International Series 1810). P. 137–145.

- Demange et al. 2006 — *Demange F.* et al. Les Perses sassanides: Fastes d'un empire oublié (224–642). Musée Cernuschi, Musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 15 septembre — 30 décembre 2006. Paris, 2006.
- Gifts of the Sultan 2012 — *Gifts of the Sultan: The Arts of Giving at the Islamic Courts* / Ed. by Linda Komaroff. 1st ed. Los Angeles Museum of Art, Yale University Press. New Haven; London, 2012.
- Göbl 1968 — *Göbl R.* Sasanidische Numismatik mit 16 Prägetabellen und 16 Münztafeln / Handbücher der Mittelasiatischen Numismatik. Bd I: Sasanidische Numismatik. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1968.
- Göbl 1971 — *Göbl R.* Sasanian Numismatics / Transl. by P. Severin. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1971.
- Gyselen 2004 — *Gyselen R.* New Evidence for Sasanian Numismatics: the Collection of Ahmad Saeedi // Extrait du: Res Orientales XVI. Contributions à l'histoire et la géographie historique de l'Empire Sassanide. Bures-sur-Yvette, France: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient, 2004. P. 49–140.
- Harper 1978 — *Harper P.O.* The Royal Hunter: Art of the Sasanian Empire. New York, 1978.
- Jongeward, Cribb, Donovan 2015 — Kushan, Kushano-Sasanian, and Kidarite Coins. A Catalogue of Coins from the American Numismatic Society (by) David Jongeward and Joe Cribb with Peter Donovan. New York, 2015.
- Schindel 2004, III/1 — *Schindel N.* Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris; Berlin; Wien. Band III/1: Shapur II. — Kawad I / 2. Regierung. Mit Beiträgen von S. Stanek, R. Linke, M. Schreiner. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004.
- Schindel 2004, III/2 — *Schindel N.* Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris; Berlin; Wien. Band III/2: Shapur II. — Kawad I / 2. Regierung. Katalog. Wien: Verlag d. ÖAW, 2004.
- Schindel/Schaaf (2014) — *Schindel N.* Sylloge Nummorum Sasanidarum. The Schaaf Collection. With Contributions by Michael Alram, Rika Gyselen and R. Schaaf. Wien: Verlag der ÖAW, 2014.
- Żygulski 1989 — *Żygulski Zdzisław jun.* Sztuka Islamu w zbiorach polskich. Warszawa: Wydawnictwa artystyczne i filmowe, 1989.

References

- C 1654 — *Rukopis' Shah-name Firdousi, datirovannaia nachalom ramadana 849 g.h. / dek. 1445 n.e. iz kollekcii Instituta vostochnych rukopisey RAN* [The Manuscript of Shahnama by Firdousi dated Ramadan 849 A.H. / December 1445 A.D. in Collection of the Institute of Oriental Manuscripts RAS] (in Persian) (see: Catalogue 1964, Pt. I: 320).
- C 1735 — *Rukopis' Khamse Nizami Ganjavi, datirovannaya 899 g.h. / 1494 n.e. iz kollekcii Instituta vostochnych rukopisey RAN* [The Manuscript of Khamse by Nizami Ganjavi dated from 899 A.H. / 1494 A.D. in collection of the Institute of Oriental Manuscripts RAS] (in Persian) (see: Catalogue 1964, pt. I: 176).
- Abdullaeva, Firuza; Melville, Charles. *The Persian Book of Kings: Ibrahim Sultan's Shahnama*. Oxford, 2008 (in English).
- Adamova, Adel. *Persidskie rukopisi, zhivopis' i risunok XV — nachala XX veka. Katalog kollekcii* [Persian Manuscripts, Paintings and Drawings of the 15th — early 20th Centuries. Catalogue of the Collections]. St. Petersburg: The State Hermitage Publishers, 2010 (in Russian).
- Adamova, Adel. *Shahname pri Ilkhanidakh* [Shahnama in Ilkhanid Iran]. Arabian and Islamic Studies: A Collection of Papers in Honour of M.B. Piotrovskii on the Occasion of His 70th Birthday. Moscow: The State Museum of Orient, 2014 (in Russian).
- Adamova, Adel. *Persian Manuscripts, Paintings and Drawings from the 15th to the Early 20th Century in the Hermitage Collection*. London: Azimuth Editions, 2012 (in English).

- Adamova, Adel; Giuzalian, Leon. *Miniatiury rukopisi poemy Shahname 1333 goda* [Miniatures in the Manuscript of Shahnama dated from 1333 AD]. Leningrad: Iskusstvo, 1985 (in Russian).
- Bosworth C.E. and Giaznevich P.A. *Musulmanskie Dinastii. Spravochnik po chronologii i genealogii. Perevod s angliiskogo i primechania P.A. Giaznevicha* [Muslim Dynasties by C.E. Bosworth, Translated with Notes by Piotr Giaznevich]. Moscow: Nauka, 1971 (Russian translation).
- Canby Sh.R. "Safavid Painting" In: *Hunt for Paradise: Court Arts of Safavid Iran. 1501–1576*. Edited by J. Thompson and Sh.R. Canby. Milano: SKIRA, 2003, pp. 73–133 (in English).
- Catalogue 1964, Pt. I — Akimushkin O.F., Kushev V.V., Miklukho-Maklai N.D., Muginov A.M., Salakhedinova M.A. *Persidskie i Tadjikske rukopisi Instituta narodov Azii AN SSSR (Kratkii alfavitnyi catalog)* [Persian and Tajik Manuscripts, located in the Institute of the Asian Nations, Academy of Sciences, USSR (The Short Alphabetical Catalogue)]. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian).
- Curtis, Vesta Sarkhosh. "Royal and Religious Symbols on Early Sasanian Coins". In: *Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History. Proceedings of a Conference Held at Durham University Nov. 3rd and 4th, 2001*. Ed. by D. Kennet, P. Luft. BAR International Series 1810, pp. 137–145 (in English).
- Demange F. et al. *Les Perses sassanides: Fastes d'un empire oublié (224–642)*. Musée Cernuschi, Musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 15 septembre — 30 décembre 2006. Paris, 2006 (in French).
- Firdousi. *Shah-name. Kriticheskiy tekst. Tom VII* [Shah-name. Vol. VII. Critical Text]. Compiler Osmanov Mohammad-Nuri O. Ed. by Nushin Ahmad. Moscow: Nauka, GRVL, 1968 (in Persian).
- Gifts of the Sultan: The Arts of Giving at the Islamic Courts*. Ed. by Linda Komaroff. 1st ed. New Haven and London: Los Angeles Museum of Art, Yale University Press, 2012 (in English).
- Göbl, Robert. *Sasanidische Numismatik mit 16 Prägetabellen und 16 Münztafeln*. Handbücher der Mittelasiatischen Numismatik. Bd I: Sasanidische Numismatik. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1968 (in German).
- Göbl, Robert. *Sasanian Numismatics*. Transl. by Paul Severin. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1971 (in English).
- Gyselen, Rika. "New Evidence for Sasanian Numismatics: the Collection of Ahmad Saedi". In: *Extrait du: Res Orientales XVI. Contributions a l'histoire et la géographie historique de l'Empire Sassanide*. Bures-sur-Yvette, France: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient, 2004, pp. 49–140 (in English).
- Harper, Prudence O. *The Royal Hunter: Art of the Sasanian Empire*. New York, 1978 (in English).
- Iran v Ermitazhe: Formirovanie kollektii* [Iran in the Hermitage: Forming of Collections]. Catalogue of the Exhibition. St. Petersburg: The State Hermitage, 2004 (in Russian).
- Kushan, Kushano-Sasanian, and Kidarite Coins*. A Catalogue of Coins from the American Numismatic Society (by) David Jongeward and Joe Cribb with Peter Donovan. New York, 2015 (in English).
- Lane-Pool, Stanley. *Musulmanskie dinastii: chronologicheskies i genealogicheskies tablitsy s istoricheskimi vvedeniami. Perevod s angliiskogo c primechaniami i dopolneniami V.V. Bartolda* [The Mohammadan Dynasties]. Translation from English with notes and additions by Vasilii Bartold. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 2004 (Russian translation from English).
- Loginov S.D., Nikitin A.B. "Sasanidskie bronzovye monety Merva [Sasanian bronze coins of Marw]". In: *Vostochnoe istoricheskoe istochnikovedenie i special'nye istoricheskies distsipliny*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 1997, pp. 217–229 (in Russian).
- Lukonin, Vladimir G. *Iran v III veke. Novye materialy i opyt istoricheskoi rekonstruktsii* [Iran in the 3rd Century: New Sources and an Attempt at the Reconstruction of History]. Moscow: Nauka: GRVL, 1979 (in Russian, with detailed English summary).
- Marshak, Boris I. *Istoria vostochnoi torevtiki III–XIII vekov i problemy kul'turnoi preemstvennosti* [History of Oriental Toreutics of the 3rd–13th Centuries and Problems of Cultural Continuity]. St. Petersburg: Academy of Culture's Research, 2017 (in Russian).

- (Orbeli, Iosif A). *Sinchronisticheskie tablitsy dlia perevoda istoricheskikh dat po hidzhre na evropeiskoe letoisчисlenie* [Synchronic Tables for the Conversion of Hegira Historical Dates to the Dates of European Chronology]. Leningrad: The State Hermitage, 1940 (in Russian).
- Schindel, Nikolaus. *Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris–Berlin–Wien*. Band III/1: Shapur II. — Kawad I. / 2. Regierung. Mit Beiträgen von S. Stanek, R. Linke, M. Schreiner. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004 (in German).
- Schindel, Nikolaus. *Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris–Berlin–Wien*. Band III/2: Shapur II. — Kawad I. / 2. Regierung. Katalog. Wien: Verlag d. ÖAW, 2004 (in German).
- Schindel, Nikolaus. *Sylloge Nummorum Sasanidarum. The Schaaf Collection*. With contributions by Michael Alram, Rika Gyselen and R. Schaaf. Wien: Verlag der ÖAW, 2014 (in English).
- Suleymanova, Fazila. *Miniatures of “Khamse” by Nizami*. Tashkent: Uzbekistan’ Academy of Sciences, 1982 (in Persian, Russian and English).
- Treuer K.V., Lukonin V.G. *Sasanidskoie srebro: Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha* [Sasanian Silver: Collection of the State Hermitage]. Arts Culture of Iran in the 3rd–8th centuries. Moscow: Iskusstvo, 1987 (in Russian).
- Vasilyeva, Olga V. *Nit’ Zhemchuga [A String of Pearls]: Iranian Fine Books from the 14th to the 17th Century in the National Library of Russia Collections*. St. Petersburg: National Library of Russia, 2008 (in Russian).
- Żygulski, Zdzisław jun. *Sztuka Islamu w zbiorach polskich* [Fine Arts of Islam in Collections of Poland]. Warszawa: Wydawnictwa artystyczne i filmowe, 1989 (in Polish).

Sasanian Influence in Persian Miniatures of 14th and 15th Centuries

(Pis’mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 56–80)

Received 08.06.2018.

Aliy I. Kolesnikov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The paper deals with presentation of events and realia of the Ancient Iran in miniature paintings of the Muslim Iran in the 14th and 15th centuries AD. These realia consist of engraved pictures on Sasanian toreutics (3rd–7th cent.), and images of official crowns of Sasanian kings on their silver coins, and of historical legends collected in the Pahlavi *Khwaday namag* (7th cent.), which were preserved later in the poem *Shah-name* by Firdousi (10th cent.).

Key words: Sasanians, toreutics, numismatics, *Khwaday namag*, *Shah-name*, manuscripts, miniatures, Darius, Shapur III, arcaded crown, Bahram Gur, Khusro II.

About the author:

Aliy I. Kolesnikov, Dr Sci. (History), Counselor of IOM RAS (ali.koles@mail.ru).

Ксилографическое издание *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* из Хара-Хото: палеографический анализ

О.В. Лундышева

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030068

Статья посвящена палеографии текста дхарани богини долгой жизни — Ушнишавиджайи, изданного ксилографическим способом в Хара-Хото (тангутское государство Си Ся). В ней приводится сравнение акшар ксилографа с примерами из рукописей индийским письмом с IX по XIII в. На основе сравнения делаются выводы о возможной датировке письма данного ксилографа. В приложении дана сводная таблица акшар.

Ключевые слова: центральноазиатская палеография, дхарани Ушнишавиджайи, ксилограф из Хара-Хото.

Статья поступила в редакцию 09.06.2018.

Лундышева Ольга Владимировна, старший лаборант Отдела рукописей и документов ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (olgavecholga@gmail.com).

© Лундышева О.В., 2018

Санскритские ксилографы, выполненные индийскими системами письма, — достаточно редкие находки на территории оазисов Таримского бассейна (современный Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Это не удивительно: ксилографическим способом тиражировались лишь самые популярные и важные для религиозной практики тексты. К моменту широкого распространения ксилографии в данном регионе буддийские тексты по большей части уже были переведены на местные языки — китайский, уйгурский, тангутский. Санскрит, по всей вероятности, использовался для литургических практик крайне ограниченного ряда текстов. Тем ценнее для научного сообщества те единичные находки, которые все-таки попадают в поле зрения исследователей¹.

В ИВР РАН, Берлинском, Британском собраниях и в Национальной библиотеке Франции хранится несколько фрагментов и полных оттисков санскритских ксилографов, выполненных на основе следующих разновидностей индийского письма: се-

¹ В обзор не входят сравнительно многочисленные уйгурские ксилографы с глоссами курсивного брахми в его северотуркестанской разновидности, так как в них санскритский текст несет не самостоятельную, а вспомогательную функцию. Подробнее см.: *Kasai Yukiyo*. Sanskrit Word Forms Written in Brāhmī Script in the Old Uyghur Buddhist Texts // *JABS*. 2015. Vol. 38. P. 401–422.

веротуркестанского (наклонного) брахми², письма сиддхам³, письма пала⁴. Все они выполнены с большой тщательностью, большинство акшар могут быть достаточно легко опознаны и прочитаны⁵. Тем необычнее выглядит на общем фоне ксилограф Ушнишавиджай из Хара-Хото, полный оттиск которого хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № XX–2536⁶), а фрагмент — в тангутском собрании ИВР РАН⁷.

Палеография дает ценные сведения для датировки рукописей и ксилографов. Ксилограф Ушнишавиджай из Хара-Хото выполнен одним из вариантов индийского письма нагари⁸, его северо-восточной разновидности⁹. Благодаря тому что северо-восточный нагари эволюционировал быстрее, чем северо-западная его разновидность (Rath 2011: 200), рукописи этим письмом можно датировать с определенной точностью. К сожалению, обобщающих работ по индийской палеографии после VIII в. на данный момент нет (Лундышева 2014: 155). Поэтому единственным источником для палеографического анализа материалов IX–XIII вв. являются сводные таблицы акшар рукописей, ксилографов и эпиграфических материалов, которые можно датировать с большой степенью точности. Для индийских материалов самые представительные издания таких таблиц — Bühler 1896; Gupta 1984; Rath 2011; Sharma 2002. Сравнение акшар недатированных рукописей с акшарами рукописей, время написания которых известно благодаря колофонам, позволяет уточнить датировку первых в том случае, если рассматриваются те акшары, которые в течение выбранного промежутка времени претерпевали самые значительные изменения. Для северо-восточных письменностей это: a/ā, i, au, e-mātrā, o-mātrā, ai-mātrā, au-mātrā, ja, ṇa, pha, bha, ṣa, ha (Rath 2011: 199–200). Что касается акшары “ta”, в ксилографе можно видеть ее архаичный вариант, близкий к написанию, характерному для IX–X вв. Но для датировки акшара “ta” не является ключевой, так как, хотя в период с IX по XIII в. прослеживается четкая тенденция постепенного и последовательного изменения внешнего вида акшары в сторону современного деванагари, в двух рукописях конца XII в. (Cambridge MS 1691 и 1699) можно видеть тот же архаичный вариант, что и в ксилографе Ушнишавиджай.

² ИВР РАН: SI 4951–4953, Турфан. Фрагменты из коллекции Клеменца.

³ Британская библиотека: Or.12380/628(A), Хара-Хото; Национальная библиотека Франции: несколько крупных ксилографов X в. из коллекции «Pelliot sanskrit», Дуньхуан, Могао. Отсканированные изображения опубликованы на электронном ресурсе <http://idp.bl.uk/> — International Dunhuang project.

ИВР РАН: SI 6563 и SI 6564, Хара-Хото; перенесены в Тангутский фонд под шифрами Танг. 1072 и Танг. 1073. Издания см. (Шомахмадов 2014; 2017).

⁴ SHT 7173 и 7174, Турфан. © Depositum der BERLIN-BRANDENBURGISCHEM AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN in der STAATSBIBLIOTHEK ZU BERLIN — Preussischer Kulturbesitz, Orientabteilung.

ИВР РАН: SI 6575 и SI 6576, Хара-Хото; перенесены в Тангутский фонд с шифрами Танг. 1070 и Танг. 1071. Издания см. (Лундышева 2014; Lundysheva 2015). SI 6581, Хара-Хото; перенесен в Тангутский фонд с шифром Танг. 1074.

⁵ Что касается ксилографов из французского собрания, судя по общей орнаментальности и особенностям расположения текста, данные ксилографы были слабо приспособлены для литургической практики и с определенной вероятностью выполняли скорее магическо-декоративную функцию.

⁶ Описание ксилографа см. (Самосюк 2006: Кат. 118; Елихина 2015: Кат. 176); о других экземплярах этого ксилографа см. (Да Ся сюнь цзун: 192; Linrothe 1996: 6; Linrothe 1998: 97, 115; Saliceti-Collins 2007: 131, 260).

⁷ Подробнее о ксилографе и тексте «Ушнишавиджая-дхарани» см. (Лундышева, Туранская 2017).

⁸ В период с X по XIV в. на территории Центральной и Северной Индии доминирующей системой письма было нагари. Это группа родственных письменностей, развившихся из поздних форм брахми. Впервые как самостоятельное письмо выделилась в VII в.

⁹ О классификации индийских форм письменности см. (Лундышева 2014: 154–161).

Сравнение ключевых акшар ксилографа¹⁰ с акшарами, представленными в таблицах (Bühler 1896; Gupta 1984; Rath 2011; Sharma 2002), позволяет сделать некоторые выводы о предположительной датировке ксилографических досок: X–XII вв. — ā¹¹, e-mātrā¹², o-mātrā¹³; XI в. — ā-mātrā¹⁴, ṇa¹⁵, ha¹⁶; XI–XII вв. — pha¹⁷. Хотя письмо, которое использовалось для изготовления ксилографа, вписывается в достаточно широкие рамки с X по XII в., наибольшее сходство отмечается с рукописями второй половины XI в., чуть меньшее — с рукописями XII в. При этом в ксилографе уже используется особый знак для «анунасики», который, согласно (Bühler 1896: 94), появляется в рукописях не раньше XI в. Соответственно можно сделать вывод о том, что графические особенности акшар с сомнением позволяют датировать ксилограф Ушнишавиджай из Хара-Хото позднее XI — первой половины XII в. Тем не менее, сам принцип ксилографирования нивелирует попытку датировать текст, поскольку доска, с которой он был отпечатан, могла использоваться и позднее, вплоть до XIII в., когда распалось тангутское государство.

В тексте содержится много ошибок (см. приложение к статье: Лундышева, Туранская 2017), а также крайне неразборчивое, а местами и крайне небрежное написание акшар индийского письма. Акшары в ряде случаев плохо различимы: знаки для с, dh, b/v имеют сходное написание, dh и b/v различаются тем, что dh чаще всего сверху не перечеркивается, а у “с” чуть более острый левый край в сравнении с округлым у остальных. В ксилографе все эти акшары практически полностью идентичны. Таким же образом пишется и акшара “d” (см. Ил. 1). Вероятно, отчасти эти погрешности можно объяснить побочным эффектом печати, например растекающейся краской.

Подобная манера оттиска вызывает вопросы, ведь изготовитель ксилографа за основу мог взять использовавшийся и в Хара-Хото изысканный и отточенный шрифт пала, которым выполнены ксилографы, синхронные по времени. Можно предположить, что целью производства данной партии ксилографических оттисков не была подготовка текста, который можно было бы использовать в литургической практике.

¹⁰ Акшары “a” и “ja” уже к IX в. принимают сравнительно устоявшуюся форму, которая с незначительными видоизменениями использовалась до XII в. включительно, и поэтому не представляют интереса для датировки выбранного ксилографа. Начальная “i” в ксилографе отсутствует, ai-mātrā и au-mātrā — отсутствуют в ксилографе, хотя достаточно рано получают обозначение на письме в более ранних и синхронных рукописях. Акшары “ba” и “va” в период с IX по XIII в. (в более ранний и более поздний периоды это тоже могло происходить) на письме изображаются одинаково. Поэтому тот факт, что в ксилографе данные акшары на письме не различаются, не является ключевым для уточнения датировки.

¹¹ Формируется присоединением к “a” короткого штриха с правой стороны (снизу справа налево или сверху вниз). С X–XI вв. штрих становится вертикальной линией справа по всей длине акшары. К XIII в. они принимают вид, стандартный для современного деванагари. Акшары ксилографа по форме совпадают с вариантами X–XII вв.

¹² В период X–XII вв. в качестве варианта обозначается длинной (во всю длину) вертикальной чертой слева от акшары.

¹³ В период X–XII вв. в качестве варианта обозначается длинными (во всю длину) вертикальными чертами слева и справа от акшары.

¹⁴ Стабильно обозначается длинной (во всю длину) вертикальной чертой справа от акшары с XI в.

¹⁵ С X–XI вв. принимает форму, близкую к современной. В XII в. принимает современную форму, в которой все три параллельные вертикальные линии примерно равны, центральная может быть чуть короче боковых. Акшара в ксилографе представляет собой промежуточный вариант, в котором центральная линия не такая короткая, как в вариантах X в., но еще и не сравнялась по длине с боковыми.

¹⁶ В X–XI вв. принимает форму, близкую к современной. В XII в. принимает современную форму. Акшара ксилографа соответствует варианту XI в.

¹⁷ Заметно меняет форму в XI в. К XIII в. принимает современный вид. Акшара ксилографа четко попадает в промежуток XI–XII вв.

Текст данного ксилографа вообще, с определенной вероятностью, не был рассчитан на чтение, а выполнял лишь декоративно-магическую функцию и выступал в качестве аутентичного иллюстративного дополнения к изображению Ушнишавиджайи.

vibodha	विबोध
vimoča	विमोच विमोच

Ил. 1

Appendix

Akshara List of the blockprint

—	a	ā	i	ī	u	ū	ṛ	e	o
—	अ श	आ शा			उ				
k	क	का	कि					के	को
kh									
g	ग ग								
gh									
c	च च								को
j	ज ज								
ñ									
ṭ	ट		ठि						

—	a	ā	i	ī	u	ū	r	e	o
ṅ	ङ		ण						
t	त	ता	ति		तु			ते	
th		था							
d	द	दा	दि						
dh	ढ	दा	दि						
n	न	ना	नि						
p	प				पु				
ph									
b = v									
bh	भ	भा	भि		भु	भू	भ्र		
m	म	मा	मि		मु		मृ		मो मी

—	a	ā	i	ī	u	ū	r	e	o
y	ਯਯਯਯ	ਯ			ਯਯ				
r	ਰਰਰਰ		ਰ	ਰ					
l									ਲਲ
v	ਵਵਵਵ		ਵ	ਵ	ਯ				ਯ
ś	ਸ਼				ਸ਼ਸ਼ਸ਼ਸ਼			ਸ਼	ਸ਼ਸ਼ਸ਼
s	ਸਸਸਸ		ਸ					ਸ	
s	ਸਸਸਸ		ਸ		ਸ				ਸ
h	ਹਹਹਹ	ਹ					ਹ	ਹ	

visarga	ॐ
daṇḍa	॥
anunāsika	८
oṃ	ॐ
mām	मां
sam	सं

—	a	ā	i	ī	u	ū	ṛ	e	o
ky	क								
jr	ज							ञ	
ñc									
ṭp		ण							
tv		त							
dhy	ध								
ddh		ड	ढ					डि डि डि	
dr		ड						डि डि	
dy	य								
nt	न	ण							
ntr	न्								

—	a	ā	i	ī	u	ū	ṛ	e	o
pr	प								
rbh								भ	
rv	व		रि						
śc	च								
śm			मि						
śv		वा							
ṣṭ		ष्ठा							
ṣṭh		ष्ठा श	ष्ठि यि						
ṣṇ				ष्ठी					
sph	स्फ स्फ	स्या			स्फ				
sm	मि								
sr	स								
sv	व								
ñcan	ञ								
bhrūṁ	भ्रु भ्रु								

Литература

- Да Ся сюнь цзун 2004 — Да Ся сюнь цзун: Си Ся вэньу цзицуй. 大夏尋蹤: 西夏文物輯萃 (Поиск следов Великой Ся: собрание тангутских письменных памятников). Пекин: Изд-во общественных наук Китая, 2004.
- Елихина 2015 — *Елихина Ю.И.* «Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма. Каталог выставки. СПб.: Изд-во ГЭ, 2015.
- Лундышева 2014 — *Лундышева О.В.* Фрагменты ксилографических изданий *dhāraṇī* из коллекции ИВР РАН (С приложением таблицы акшар; сост. А.А. Сизова) // Письменные памятники Востока. 2014. № 2 (21). С. 153–176.
- Лундышева, Туранская 2017 — *Лундышева О.В., Туранская А.А.* Ксилографическое издание *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* из Хара-Хото и его место в буддийской традиции // Письменные памятники Востока. 2017. Том 14. № 2 (29). С. 47–66.
- Самосюк 2006 — *Самосюк К.Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV веков. Между Китаем и Тибетом: коллекция П.К. Козлова / Buddhist painting from Khara-Khoto. 12th–14th Centuries. Between China and Tibet. СПб.: Изд-во ГЭ, 2016.
- Шомахмадов 2014 — *Шомахмадов С.Х.* Ксилографы письмом *сиддхам* из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2014. № 2 (21). С. 212–221.
- Шомахмадов 2017 — *Шомахмадов С.Х.* *Дхарани-самуччая* S1 6564 из Хара-Хото в рукописной коллекции ИВР РАН / Предисл., транслитерация и примеч. С.Х. Шомахмадова // Письменные памятники Востока. 2017. Том 14. № 1 (28). С. 5–14.
- Bühler 1904 — *Bühler G.* Indian Paleography. Calcutta: Indian Studies, Past and Present, 1962. (English version of his *Indische Palaeographie*, published in 1896 as v. 1, pt. 2 of Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde. Reprint of the 1904 ed.)
- Gupta 1984 — *Gupta Dr.P.L.* Medieval Indian Palaeography. No. 1: Nagari North India (6th Cent. AD to 12th Cent. AD) / Ed. by Vaish J.D. Delhi: All India Educational Supply Co., 1984.
- Linrothe 1996 — *Linrothe R.* *Ushnishavijaya* and the Tangut Cult of the Stupa at Yu-lin Cave 3 // National Palace Museum Bulletin. 1996. 31. No. 4–5. Taipei, 1996. P. 1–25.
- Linrothe 1998 — *Linrothe Robert.* Xia Renzong and the Patronage of Tangut Buddhist Art: The Stūpa and *Ushnīshavijayā* Cult // Journal of Sung and Yuan Studies. Hong Kong: Chinese University of Hong Kong Press, 1998. Vol. 28. P. 91–123.
- Lundysheva 2015 — *Lundysheva O.* Fragments of *dhāraṇī* Blockprints from Khara-Khoto (Serindian Fund of IOM, RAS). With Appendix by A. Sizova // Written Monuments of the Orient. 2015. No. 2. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 31–47.
- Rath 2011 — *Rath S.* The Evolution of Inscriptional Nagari from Early 7th till 12th CE // Эпиграфика Востока. Вып. XXIX. М.: ИВ РАН, 2011. С. 187–201.
- Saliceti-Collins 2007 — *Saliceti-Collins Anne.* Xi Xia Buddhist Woodblock Prints Excavated in Khara Khoto: A Case Study of Transculturation in East Asia, Eleventh–Thirteenth Centuries. Master of Arts thesis, University of Washington, 2007.
- Sharma 2002 — *Sharma R.* Brahmi Script: Development In North-Western India and Central Asia. 2 vols. New Delhi: B.R. Publishing Corporation, 2002.

References

- Bühler, Georg. *Indian Paleography*. Calcutta: Indian Studies, Past and present, 1962. (English version of his *Indische Palaeographie*, published in 1896 as v. 1, pt. 2 of Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde. Reprint of the 1904 ed.) (in English).
- Da Xia xun zong: Xixia wen wu ji cui* [Searching for the Traces of the Great Xia: Collection of Tangut Written Monuments]. Beijing: Publishing House of Social Sciences of China, 2014 (in Chinese).
- Elikhina U.I. *Obitel' miloserdiia. Iskusstvo tibetskogo buddizma. Katalog vystavki* [Abode of Charity. Tibetan Buddhist Art. Exhibition Catalogue]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2015 (in Russian).
- Gupta Dr.P.L. *Medieval Indian Palaeography, No. 1: Nagari North India (6th Cent. AD to 12th Cent. AD)*. Ed. by Vaish J.D. Delhi: All India Educational Supply Co., 1984 (in English).

- Linrothe, Robert. “Ushnishavijaya and the Tangut Cult of the Stupa at Yu-lin Cave 3”. *National Palace Museum Bulletin* 31, no. 4–5 (1996). Taipei, 1996, pp. 1–25 (in English).
- Linrothe, Robert. “Xia Renzong and the Patronage of Tangut Buddhist Art: The Stūpa and Ushnishavijayā Cult”. *Journal of Sung and Yuan Studies*, 28 (1998), Hong Kong: Chinese University of Hong Kong Press, 1998, pp. 91–123 (in English).
- Lundysheva O.V. “Fragmentsy ksilograficheskikh izdaniy *dhāraṇī* iz kollektzii IVR RAN (S prilozheniem tablitsy akshar; sostavitel’ A.A. Sizova)” [Fragments of *dhāraṇī* Blockprints from the Manuscript Collection of the IOM, RAS (With Appendix by A. Sizova)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2 (21), 2014, pp. 153–176 (in Russian).
- Lundysheva O. “Fragments of *dhāraṇī* Blockprints from Khara-Khoto (Serindian Fund of IOM, RAS). With Appendix by A. Sizova”. *Written Monuments of the Orient*, 2. Moscow: Vostochnaia literatura, 2015, pp. 31–47 (in English).
- Lundysheva O.V., Turanskaya A.A. “Ksilograficheskoe izdanie *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* iz Khara-Khoto i ego mesto v buddiiskoi traditsii” [The Text of the *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* in Xylograph from Khara-Khoto and Its Place in the Buddhist Tradition]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, vol. 14, no. 2 (29), 2017, pp. 47–66 (in Russian).
- Rath, Saraju. “The Evolution of Inscriptional *Nāgarī* from Early 7th till 12th CE”. *Epigraphika Vostoka* [Epigraphy of the Orient], 2011, vol. 29, pp. 187–201 (in English).
- Saliceti-Collins, Anne. *Xi Xia Buddhist Woodblock Prints Excavated in Khara Khoto: A Case Study of Transculturation in East Asia, Eleventh–Thirteenth Centuries*. Master of Arts thesis, University of Washington, 2007 (in English).
- Samosiuk K.F. *Buddiiskaia zhivopis' iz Khara-Khoto XII–XIV vekov. Mezhdū Kitaem i Tibetom: kolleksiia P.K. Kozlova* [Buddhist Art from Khara-Khoto (12th–14th Centuries). Between China and Tibet]. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2006 (in Russian).
- Sharma, Ram. *Brahmi Script: Development In North-Western India and Central Asia*. Vol. 1, 2. New Delhi: B.R. Publishing Corporation, 2002 (in English).
- Shomakhmadov S.H. “Ksilografy pis'mom *siddham* iz kollektzii IVR RAN” [Xylographs in the Siddham Script at the IOM Collection]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, no. 2 (21), 2014, pp. 212–221 (in Russian).
- Shomakhmadov S.H. “*Dharani-samuchchaia* SI 6564 iz Khara-Khoto v rukopisnoi kollektzii IVR RAN. Predislovie, transliteratsiia i primechaniia S.Kh. Shomakhmadova” [*Dhāraṇī-samuccaya* SI 6564 from Khara-Khoto in the Manuscripts Collection of IOM RAS. Introduction, Transliteration and Notes by Safarali H. Shomakhmadov]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2017, vol. 14, no. 1 (28), pp. 5–14 (in Russian).

A Xylograph of the *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* from Khara-Khoto: Palaeography

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 81–90)

Received 09.06.2018.

Olga V. Lundysheva

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The paper focuses on the palaeography of the *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* blockprinted in Khara-Khoto (Tangut kingdom Xi Xia). It contains a palaeographical analysis of the aksharas of the xylograph which is premised on the comparison with manuscripts dated to the 9th–13th centuries. According to the analysis, a dating of the writing is suggested. An akshara Chart is given at the end of the article.

Key words: Central Asian palaeography, *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī*, xylograph from Khara-Khoto.

About the author:

Olga V. Lundysheva, Assistant Researcher, the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (olgavecholga@gmail.com).

Османский бумажный штемпель в рукописях из Лейдена и Новосибирска

И.В. Зайцев

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

DOI: 10.7868/S181180621803007X

Статья посвящена датировке двух рукописей из Новосибирска и Лейдена по штемпелю на бумаге производства бумажной фабрики в турецком Измире (1843–1850-е годы).

Ключевые слова: кодикология, османская бумага, бумажные штемпели, датировка рукописей.

Статья поступила в редакцию 21.06.2018.

Зайцев Илья Владимирович, доктор исторических наук, зав. центром Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, РФ; 117997, Москва, Нахимовский проспект, 51/21 (ilyaAugust@yandex.ru).

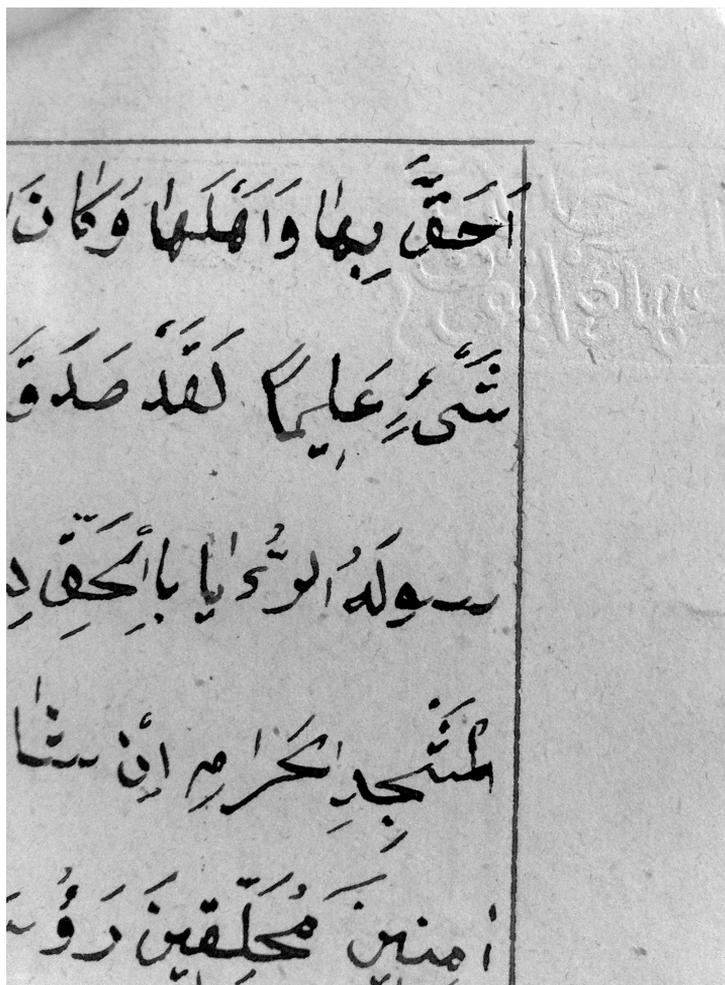
© Зайцев И.В., 2018

В 2014 г. в свет вышло описание арабских и турецких рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске. Готовя каталог, я обратил внимание, что на бумаге одной из рукописей (молитвенник) оттиснут штемпель с легендой буквами арабского алфавита. Наличие штемпеля является очень важным датирующим признаком для всей рукописи, однако прочесть надпись мне тогда не удалось (Арабские и турецкие рукописи 2014: 40, рис. 13) (Ил. 1).

Как известно, в России слепое тиснение начало применяться для промышленной маркировки почтовой и писчей бумаги только в конце 1820-х годов (Клепиков 1959), на исламском Востоке — еще позже. К сожалению, какие-либо сводные справочные материалы по османским и иранским штемпелям (в отличие от филиграней) мне не известны. Поэтому даже единичные и отрывочные данные об османских штемпелях важны как специалистам-рукописникам, так и реставраторам.

В начале мая 2015 г. мне удалось поработать в отделе рукописей Библиотеки Лейденского университета (Нидерланды), где мое внимание привлекла арабская рукопись «аш-Шарх ал-мутавваль» (шифр Cod. Or. 11.721; ar. 3463), переписанная в рамазане/хазирани 1034 г.х. (июнь 1625 г.) во время «султаната Мехмед-Гирей-хана ибн Саадет-Гирей-хана» (колофон на л. 199)¹. Это сочинение автора XIV в. Масуда б. Умара ат-Тафтазани (ум. 792 г.х./1390 г.) представляет собой комментарий на сочинение по арабской риторике и теории литературы Йусуфа б. Абу Бакра ас-Саккаки (ум. 626/1229) «Мифтах ал-Улум». Рукопись была куплена в июле 1967 г. в составе коллекции у лейденского торговца египетского происхождения А. Фататри.

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить хранителя восточных манускриптов и редких книг библиотеки Лейденского университета Арнуда Фролийка за возможность ознакомиться с рукописями собрания.

Ил. 1.

Штемпель на бумаге из турецкого молитвенника в собрании ГПНТБ СО РАН
(шифр: 42–19ин.-66). Л. 8

Переписчиком лейденского манускрипта был некий Али б. Инак ал-хадж б. [Кырым] суфи (к сожалению, последнее имя читается очень неотчетливо). Владельцем рукописи, судя по надписи на л. 1, был некий Ариф Мехмед-челеби б. Хасан-эфенди.

Манускрипт вызывает интерес не только тем, что был изготовлен, вероятнее всего, в Крыму в эпоху «султаната» (как выразился переписчик) хана Мехмед-Гирея III (1623–1628). Тематика сочинения — еще одно подтверждение того, что арабская филологическая литература была в Крымском ханстве наряду с *фикхом* весьма востребована и распространена (Зайцев 2009: 55).

Однако есть и еще одно обстоятельство. Между листами 45 и 46 рукописи оказался вложен листок с записью хадиса и подписью некоего Мустафы-эфенди, на котором имеется тот же штемпель, что был оттиснут на бумаге молитвенника из Новоси-

бирска. К счастью, оттиск целый и довольно четкий, что сразу же позволило прочитать легенду штемпеля. Выглядит она так:

اثر جديد
عهد همايون

(т.е. “Eser-i Cedid-i Ahd-i Nümâyûn” — «Новый продукт. Августейший договор»). Чтение легенды сразу ограничило возможную область поиска штемпеля пределами Османской империи (Ил. 2).

Ил. 2.

Штемпель на бумаге из рукописи Библиотеки Лейденского университета (шифр. Cod. Or. 11.721; ar. 3463). Вкладной лист между л. 45 и 46

Попытки организовать бумажное производство османы предпринимали еще в XV–XVI вв. Возможно, к этому времени относится существование в Амасье и Бурсе водяных мельниц (Ersoy 1964: 101–115), использовавшихся для выпуска бумажной продукции.

Однако первая османская фабрика по изготовлению бумаги, с продукцией которой мы знакомы лучше, открылась в Ялове в 1744 г. Бумага ее была довольно хорошего качества, что отметил даже султан Махмуд I, однако после 15 лет работы фабрика была закрыта, так как не выдержала конкуренции с производителями европейской бумаги.

В ноябре 1805 г. открылась фабрика по производству бумаги и сукна в Бейкозе. Там кроме писчей делалась типографская бумага для нужд печати в Ускюдаре, а также плотная — для патронных гильз. Фабрика была построена на средства монетного двора и вскоре вследствие трудностей с сырьем для изготовления сукна не смогла выплатить долг. Сначала прекратилось производство сукна, а затем и бумаги.

Наконец, в 1843 г. была основана фабрика в Измире, которая использовала водяную мельницу. Бумага измирской фабрики была довольно высокого качества и должна была обеспечивать государственные учреждения, однако и она не выдержала конкуренции с импортной западноевропейской продукцией. Фабрика закрылась в 1850-х годах. Именно на бумаге измирской фабрики и ставился уже известный нам штамп с легендой «новый продукт...» (Ersoy 1963; История Османского государства 2006: 510–511).

Таким образом, теперь в нашем распоряжении появилось сразу два образца османской бумаги 40–50-х годов XIX в. со штампом измирской фабрики. Возможно, эти данные не только пригодятся для дальнейшего изучения османской рукописной продукции середины XIX в., но и будут полезны реставраторам рукописей.

Наконец, можно сделать еще один побочный вывод: новосибирский молитвенник не может быть датирован временем ранее 1843 г.

Литература

- Арабские и турецкие рукописи 2014 — Арабские и турецкие рукописи Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске: каталог. Составил И.В. Зайцев. (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока.) Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2014.
- Зайцев 2009 — *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Вост. лит., 2009.
- История Османского государства 2006 — История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. Т. 1. М.: Вост. лит., 2006.
- Клепиков 1959 — *Клепиков С.А.* Филигранные и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959.
- Ersoy 1963 — *Ersoy O.* XVIII. ve XIX. Yüzyıllarda Türkiye’de Kağıt. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1963.
- Ersoy 1964 — *Ersoy O.* Bursada Kağıt Fabrikası Meselesi (XV–XVI. Yüzyıl) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Cilt 22, Sayı 1–2. Ankara, 1964.

References

- Arabskie i turetskie rukopisi Gosudarstvennoi publichnoi nauchno-tehnicheskoi biblioteki Sibirskogo otdeleniia RAN v Novosibirske: catalog.* Sostavil I.V. Zaitsev. (Materialy k Svodnomu katalogu rekoopisei, sraropечатnykh i redkikh knig v sobraniiah Sibiri i Dal'nego Vostoka) [Arabic and Turkish Manuscripts at the State Public Scientific and Technical Library of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences in Novosibirsk. A Catalogue] Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2014 (in Russian).
- Zaitsev I.V. *Krymskaia istoriograficheskaia traditsiia XV–XIX vekov. Puti razvitiia. Rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiography Tradition. Ways of Development: Manuscripts, Texts and Sources]. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaya literatura", 2009 (in Russian).

- Istoriia Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii* [History of the Ottoman State, Society and Civilization]. T. 1. Pod red. E. Ikhsanoglu. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaya literatura", 2006 (in Russian).
- Klepikov S.A. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv.* [Watermarks and Stamps on Russian and Foreign Paper of 17th–20th Centuries] Moscow: Izd-vo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty, 1959 (in Russian).
- Ersoy O. *XVIII. ve XIX. Yüzyillarda Türkiye'de Kağıt.* Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1963 (in Turkish).
- Ersoy O. "Bursada Kâğıt Fabrikası Meselesi (XV–XVI. Yüzyıl)". *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. Cilt 22, Sayı 1–2. Ankara, 1964 (in Turkish).

An Ottoman Paper Stamp in Manuscripts from Leiden and Novosibirsk

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 91–95)

Received 21.06.2018.

Ilya V. Zaytsev

Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Nakhimovskii prospekt 51/21, Moscow, 117997 Russian Federation.

The article specifies the dates of two manuscripts from Novosibirsk and Leiden determined with the help of a stamp of Paper Factory in Izmir (1843–1850s).

Key words: Codicology, Ottoman Paper, Paper Stamps and Dies, Manuscripts Dating.

About the author:

Ilya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Prof. Emeritus, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS (ilyaagust@yandex.ru).

К.К. Курдоев
Тексты на говоре заза района Батуми

Предисловие, публикация, примечания

З.А. Юсуповой

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030081

Настоящая публикация содержит фольклорные тексты (с транскрипцией и русским переводом), собранные К.К. Курдоевым в 1939 г. в Закавказье, куда он был командирован Институтом этнографии АН СССР. Записаны тексты из уст курдов заза — беженцев из Турецкого (Северного) Курдистана, проживавших в то время в Советской Аджарии (в окрестностях г. Батуми).

Ключевые слова: К.К. Курдоев, курдский язык, диалект заза, тексты, транскрипция, перевод.

Статья поступила в редакцию 21.10.2017.

Юсупова Заре Алиевна, доктор филологических наук, советник ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (orinst@mail.ru).

© Юсупова З.А., 2018

Впервые публикуемые тексты курдов заза Закавказья являются частью значительного труда К.К. Курдоева, рукопись которого под названием «Исследование заза» (объемом в 575 с.) хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 1). Данная рукопись машинописного текста состоит из трех частей. Первая часть включает обширное предисловие и краткий очерк истории и этнографии курдов заза¹, а также подробную историю изучения диалекта заза. Вторая часть (лингвистическая) содержит разделы: 1. Фонетические заметки. 2. Морфология. 3. Синтаксис. 4. Словарный фонд. В третьей части (приложения) помимо публикуемых нами текстов К.К. Курдоева представлен текстовый материал, ранее собранный известными ориенталистами П. Лерхом (Лерх 1856–1858) и О. Манном (Mann 1932). Как следует из содержания рукописи, в курдоведении нет столь полного и подробного исследования курдов заза и их языка, в котором помимо лингвистических критериев выдвигались бы и экстралингвистические факторы, изложенные во вводной части работы.

Предлагаемые к публикации тексты на заза, включающие сказки, диалоги, песни, пословицы и поговорки, как и указанный рукописный труд К.К. Курдоева по исследованию

¹ Данная часть рукописи опубликована в журнале «Письменные памятники Востока»; см. (Юсупова 2014: 180–200).

дованию заза, который по возможности будет подготовлен к изданию, сохраняют свою актуальность, поскольку в работах некоторых иранистов все еще бытует точка зрения, согласно которой заза отторгается от курдских диалектов и представляется как самостоятельный иранский язык (Маккензи 1963; Пирейко 1997). Вместе с тем в последние годы по заза опубликованы монографии, данные которых подтверждают принадлежность заза к северным диалектам курдского языка (Todd 1985; ИДГКЯ 1999).

К.К. Курдоев

Тексты на говоре заза района Батуми

В 1939 г. по командировке Института этнографии АН СССР для сбора материалов по этнографии курдов Закавказья я был в г. Батуми, в трех километрах к западу от которого был большой поселок курдов заза (около 50 домов). Жители его занимались земледелием и цитрусовым хозяйством, держали домашний скот; у них были одноэтажные и двухэтажные дома типа старых грузинских саклей бедных крестьян.

Здесьние заза были выходцами из Турции. Однако даже никто из стариков точно не знал, когда и из какого района Турции они переселились сюда. Некоторые из них лишь говорили, что их деды и прадеды рассказывали, что они выходцы из вилаета Эрзерум. Все жители поселка, в особенности люди старшего поколения, с которыми мне приходилось говорить, очень хорошо говорили на курманджи. Я воспользовался этим и решил записывать тексты на заза. Между собою вначале мы говорили каждый на своем диалекте: они говорили на заза, а я на своем родном курманджи. Когда они замечали, что мне не понятны отдельные фразы, слова и глагольные формы на их диалекте, они объясняли их мне на курманджи. В процессе нескольких встреч с ними, изучив фонетические особенности и некоторые грамматические черты заза, я начал записывать отдельные фразы, рассказы, пословицы, сказки, свадебные и любовные песни. Моими собеседниками, из уст которых я записывал тексты, были добродушные, общительные и гостеприимные люди: Решите Аслан, Ростаме Калаш, Саманде Джемшит, Саманде Мустафа и другие. Все они были в возрасте от 45 до 60 лет, хорошо говорили на курманджи. Тексты, записанные мною от них, были переведены на курманджи с их же помощью. Говор, который отражают эти тексты, близок к говору заза района Палу.

Gotubêj bi zaravê zazan

1. To çend zuwanî zanî, ez wezan ze tiwra pirs kena.
2. Ez zanam zuwanê tirkî, kirmancî u zaza.
3. To k'otî wendo?
4. Min Lênîgradêda wendo.
5. To çi cixarê keşênî? (şimenî)
6. Bol wexto, k'î ez cixarê nê şimenam.
7. Ez şiyêran sûkê, goşt bigrenam
8. Min goşt ard, me şê şûkê.
9. Ma şiyêrîma bi dêwî Polat-beg îş bikerîma.
10. Dakê, nan biare, ez veyşanam.

11. Birayê min mezin şî bi sûkê, goşt bigoro.
12. Min goştê miyêr werdo, goştê miyêr weşo.
13. Dedê min lacê xo zewicna.
14. Îna lacê bira yê mino, yanê birazê mino, mamê ayî Rostemo.
15. Bawkî min kotî ra kawto.
16. Cina min neweşa, ez wezna jira derman bigoran.
17. Êroc bibe mêmânê ma, ma rind dîlan kenîma.
18. Rostem vace, sehet çendo?
19. Sehet des u yewo.
20. Ez bol kirmancî miyan vindam.
21. Waya min pêşkeş da bi min.
22. Ayî ez artan, k'i ez yardimî bidan bi tiw.
23. Keyna min aw germ kirda, kinc şîşfî.
24. Cina min par neweş k'awta, min jira derman art, ayî denaan werd, sax bîya.
25. To k'otîra ameyî? To merdimî rindî.
26. To wezenî çae a borenî, yan mastaw?
27. Ez mastaw wezan.
28. Enka sardo, ma bişêrima kîwî zer.
29. Perê tiw esto, perê xo a şêre.
30. Wextê tiw esto, ma bişêrima bi k'îno.
31. Wextê min çino, ez direng k'ewan, lazimo, ez dersa xo hadre kenan.
32. Verê ma bin destê tirkan bîyma, enka tirk çino, ma azad bîymo.
33. Eslê tiw zazayo, yan kirmanc?
34. To lacê minê aqilî, ez tiw hez kenan.
35. K'am îş nê kenam, ayf nê wezeno.
36. Ewsal rezê mada engûr bolî, engûrê rezê ma şîrinî.
37. Ma êtîya venîma heta varan tamam ba.
38. Aw lêwno, weş lêwno, vengî ayî weşo.
39. Aw extiyaro, didanê ayî hemî kawtîyo.
40. Kakilê guîzê bike hewîrî nav u kade bipawjne.
41. Dîlana kirmancan rinda, ma dîlana kirmancî zanîma, ma wek înan reqs kenîma u bi kirmancî lewnîma.
42. Ma goştê veraz nê borenîma, ma goştê pez hez kenîma.
43. Çîrok bi minra vace, şerm me ke.
44. Ez çîrok nê zanam, ez şerm nê kenam.
45. To çi ze minra wezenî? — Ez yew girwe ze tiwra nê wezenan.
46. Euroc k'êfa min çino, ez nê wezenam qîse bikeran.
47. To çend sarî wendo? — Min çêher sarî wendo.
48. Dedê min pênc sarî zîndanda bî.
49. To wezenî rak'ewî? — Ez nê wezenan qîse kenan.
50. Nêçîrwan ze nêçîrera ame, ayî dî werdek u yew k'ergû kişîyo.
51. Ma saba miletê xo xizmet kenîma, ma wezenîma ki miletê ma bikewo ray ronakî ser.
52. Bawkî min nê êlo, ki ez biwenam.
53. Tiw k'itêb malda eşta?
54. Ayî postê k'ergû rot bi hirye manafî.
55. Xoroz veng kird, merdimê tenbel nê şnewtî.
56. Lûyî nanê arwançî dizî u werd.
57. Kenîza min merdê xo hêt ameya bi meywan, ma miyêr ser tira kirdo.

58. Min lacê xo erşawt şeher, k'i mektebêda biwenno.
59. Lacê min guşdar be, ez çi vacan, to bibîze.
60. Hewn nê kewa çimê min, çimê min êşenî.
61. Zaza u kirmancî zuwanê kirdîyo.
62. Ezbenî, ze lacê minra namê binûşe, ez nê zanan sebeb çi ayî nivîşt nê erşawt.
63. Min hirye kîlo sey girotî, yew kîlî da bi wayî xo, dî kîlî zî dayî bi biraê xo.
64. Min tiw bostanda dîtî, la tiw ez nê dîyan.
65. Dî wayî u hirye birayê min estî, ez înan hez kenan.
66. Min dursa xo hazir kirda.
67. Min dersanê xo hazir kirdî.
68. Ayî berê dik'anê a kird.
69. Waya min kiras dirwîya.
70. Ma nan nê werdo, ma hawna qawe a werdo.
71. Çiqê dar me weşne, eke to biweşenî, sey bikewî.
72. Tiw yew aşmeyî çend manatî qazanc kenî?
73. Tiw qewî girwê kirdo?
74. Ma şuwanaîma, to şuwanaî, aw şuwano; aw tembela, şima tembela, ez tembela, înan tembela.
75. Birazayê min dizîa kirdo, ayî bisto zindanê.
76. Ma qewl kirdo, qewlê camerdan qewlo.
77. Baxçê mada darê tiwêr estî, sayêr estî, mişmyêr esto, xoxir u henaryêr estî.
78. Înan şî ray u nêçîr.
79. Ez k'ûçêda raştî dostê xo ameyîm.
80. Min ewroc yew cinî dîya, tol rind bîya.
81. Tiw k'otî zuwanê rûsî belî bîyîy?
82. Min şeherî nav rûsî belî bîmo.
83. Tirk ameyî, ma ze tirsara remayîma, ameyîma êtîya.
84. Şima ze k'otîra kolî gironî? — Ma kolî ze mêşêra arînam.
85. Ez a'cic bîyan, ez nê şenan werzanan îş kenan.
86. Laco, aw çi ze tiwra weşt, bide ayî, nê weşt, mede ayî.
87. Îna cina rinda, bejna aya dirga.
88. Ma aw arda, germ kirda u xo şîştîma.
89. Ez nê zanan kengê qewxe bî.
90. Min k'axet noşt, ez do tiwra bierşewnan, ez cewabî tiw biaran.
91. Mêşeyî nav gurg bolî, xo bipawenî.
92. Weherê êna bostan Selîmo, pêwaz, gizer, kartol u pencar têda bolî.
93. Ez çi vacan, ew fam nê keno.
94. Ez zaro mêjnam, werek hazir kirdo.
95. Par bawkî Hesên mird, ma ayî dêwî Kasanda a şart.

[Диалоги на диалекте заза]

1. Сколько языков ты знаешь, хочу я спросить у тебя.
2. Я знаю турецкий язык, курманджи и заза.
3. Где ты учился?
4. Я учился в Ленинграде.
5. Что ты куришь?

6. Много времени (прошло), как я не курю.
7. Я пойду на рынок купить мяса.
8. Я принес мясо, не ходи на рынок.
9. Мы пойдем работать в село Полат-бек.
10. Мама, принеси хлеба, мы голодны.
11. Мой старший брат пошел на рынок купить мяса.
12. Я ел баранье мясо, баранье мясо вкусное.
13. Мой дядя женил своего сына.
14. Это сын моего брата, т.е. мой племянник, его имя Ростам.
15. Мой отец лежит дома.
16. Моя жена больна, я хочу пойти купить ей лекарство.
17. Сегодня будь нашим гостем, мы хорошо будем веселиться.
18. Ростам, скажи, который час?
19. Половина одиннадцатого.
20. Я долго жил среди курманджей.
21. Моя сестра дала мне подарок.
22. Он привел меня, чтобы я помог вам.
23. Моя дочь грела воду, стирала белье.
24. Моя жена в прошлом году заболела, я ей принес лекарство, она приняла лекарство и поправилась.
25. Ты откуда пришел? Ты хороший человек.
26. Хочешь ли ты пить чай или кислое молоко?
27. Я хочу пить кислое молоко.
28. Сейчас холодно, пойдем домой.
29. Есть у тебя деньги? Спрячь свои деньги.
30. Есть ли у тебя время? Мы пойдем в кино.
31. У меня нет времени, я опаздываю, мне нужно приготовить свой урок.
32. Раньше мы были под властью турок, сейчас здесь нет турок, мы освободились.
33. Ты родом заза или курмандж?
34. Ты мой умный сын, я люблю тебя.
35. Какую бы работу я ни делал, он не хочет (ее делать).
36. В этом году у нас много винограда, виноград в нашем винограднике очень сладкий.
37. Мы здесь останемся до тех пор, пока дождь не кончится.
38. Он поет, хорошо поет, его голос хороший.
39. Он старик, у него все зубы выпали.
40. Положи ядра ореха в тесто и пеки лепешки.
41. Свадьба у курманджей красивая, мы знаем свадьбу курманджей, танцуем и поем по-курманджи.
42. Мы не едим свинину, мы едим баранье мясо.
43. Расскажи мне сказку, не стесняйся.
44. Я не знаю сказок, я не стесняюсь.
45. Что ты хочешь от меня? — Я ничего не хочу от тебя.
46. Сегодня я не в настроении, я не хочу разговаривать.
47. Сколько лет ты учился? — Я учился четыре года.
48. Мой дядя пять лет был в тюрьме.
49. Хочешь ли ты лежать? — Я не хочу лежать, я хочу разговаривать.
50. Охотник пришел с охоты, он убил двух куропадок и зайца.

51. Мы работаем для своего народа, мы хотим, чтобы наш народ встал на путь просвещения.
52. Мой отец не разрешает мне учиться.
53. Ты оставил книги дома?
54. Он продал шкурку зайца за три рубля.
55. Петух запел, ленивые люди не услышали.
56. Лиса украла хлеб у мельника [и съела].
57. Моя дочь со своим мужем пришла в гости, мы зарезали овцу.
58. Я послал сына в город учиться в школе.
59. Сынок мой, слушай, что я тебе говорю, ты слушай.
60. Мне не спится, у меня глаза болят.
61. Заза и курманджи входят в курдский язык.
62. Господин, напишите моему сыну, я не знаю, почему он не послал письмо (мне).
63. Я купил три килограмма яблок, один килограмм я отдал своей сестре, а два кило — своему брату.
64. Я видел тебя в огороде, но ты не видел меня.
65. У меня есть две сестры, три брата, я люблю их.
66. Я приготовил свой урок.
67. Я приготовил свои уроки.
68. Он открыл двери лавки.
69. Моя сестра сшила рубашку.
70. Мы не ели хлеба, мы выпили немного кофе.
71. Не тряси ветки дерева, если ты будешь трясти, то яблоки будут падать.
72. Ты в месяц сколько зарабатываешь?
73. Ты много дел сделал?
74. Мы голодные, ты голодный, он голодный; она ленивая, вы ленивые, я ленивый, они ленивые.
75. Мой брат воровал, он арестован, посажен в тюрьму.
76. Мы дали слово, слово мужчин (благородных) — слово.
77. В нашем огороде есть редиска, яблоки, персики, гранаты.
78. Они пошли на охоту.
79. Я на улице встретился со своим другом.
80. Я сегодня увидел одну женщину, [она была] очень красивая.
81. Где ты научился русскому языку?
82. Я в городе среди русских научился.
83. Турки пришли, мы убежали от страха, пришли сюда.
84. Откуда вы берете дрова? — Мы принесли дрова из леса.
85. Я устал, я не могу встать, чтобы работать.
86. Сынок, что он хочет от тебя, дай ему, не попросит, не давай ему.
87. Та женщина красивая, ее стан высокий.
88. Мы принесли воду, согрели и помылись.
89. Я не знаю, когда была война.
90. Я написал письмо, я пришлю тебе, принесу тебе ответ.
91. В лесу много волков, береги себя.
92. Хозяин этого сада Салим, здесь² растет много луку, моркови, картошки и зелени.
93. Что я говорю, он не понимает.

² Букв.: в нем.

94. Я кормила ребенка, готовила еду.

95. В прошлом году умер отец Хасана, мы похоронили его в селе Касан.

Qisa Cimşît

1. Namê min Cimşîto, namê bawkê min Serdaro, Min vîst u pênc sere emir kerdo. Ez nê zanan k'engê ma ze Romêra ameymo êtîya. Bawkê min va, k'i înan ameyî, şer u qewxe bî. Romêda înan rencver bî, xele çandênî, pez wedî kerdênê.

2. Nika êtîa ma baxwanîma, rezewanîma. Cin u zarê min çinîo, ez nê zewcam, bawkê min mirdo, qelenê min çino, qelen bibo, ezo bizewcana.

3. Daka min nika k'îwîda rakawta, nêweşa. Namê daka min Sînemo, dî wayê min estî, namê yew Esmero, namê yewîz Mîrcano.

4. Esmer vîst u hirye sera, mêrd kerda, dî lac u yew kenîc aye estî, Mîrcan çares (çwardes) sera, aya ver malî maya, heta nika mêrd nê kerda, k'îwîda îş kena, aw arêna, nan pawjna, cil şo.

5. Ew roc wayî min Mîrcan nan u goşt hadre kerdîyo, ez zanam, ki rayê tiw dûra, nika tu vêşanî, hayde, ma bişêrîma kîwe, nan borîma, rezî nav engûr borîma, asan be, bi silamet a gere.

6. Ma şî kîwî Cimşît, wayî ayî Mîrcan aw arda, ma destê xo şîştî ayî werek dana ma ver, ma dest pey kerd, nan u goşt têr werdî. Bado ma dîsan xo şîştî u ze k'îwîra k'awtîma teber. Min xatirê xo ze Cimşîtra weşt u a gerîma şeher.

[Batum, sala 1939,

ji zaravê Cimşîtê Serdar zaza bi destê Qanatê Kurdo hatîye nivîsandinê].

Рассказ Джемшита

1. Меня зовут Джемшит, моего отца зовут Сардар. Мне двадцать пять лет. Я не знаю, когда мы пришли из Турции. Мой отец говорил, что они пришли, когда была война. В Турции они были крестьяне-земледельцы, сеяли хлеб и пасли овец.

2. В настоящее время мы занимаемся садоводством и огородничеством³. У меня нет жены и детей, я не женат, мой отец умер, у меня нет калыма, будет калым, я жемшюсь.

3. Моя мать сейчас лежит дома, она больна. Мою мать зовут Синам. У меня есть две сестры, имя одной Асмар, а имя другой Мырджан.

4. Асмар двадцать три года, она вышла замуж, у нее два сына и одна дочь. Мырджан четырнадцать лет, она осталась дома, еще не вышла замуж, работает в доме, воду носит, хлеб печет и стирает белье.

5. Сегодня моя сестра Мырджан приготовила мясо, я знаю, [что путь твой далек], что ты голодный, пойдем-ка домой, поедим, отведаем винограду в саду, (потом) пре-спокойно уезжай.

6. Мы пошли в дом Джемшита. Его сестра [Мырджан] принесла воды, мы вымыли свои руки. Она принесла еду, поставила перед нами, мы начали есть. Мы досыта поели мяса и хлеба, затем снова помыли руки и вышли из дома. Я попрощался с Джемшитом и вернулся в Батум.

[Батуми, 1939 год,

со слов Джемшита Сардара заза записано рукой Канате Курдо].

³ В тексте: мы садоводы и огородники.

Qisa Rostem

1. Ma dî birayi bî, vez bîm, biraê mino çiçî. Namê biraê min Ferman bî. Ez des sere bîm, biraê min heşt serî bî, k'î dak u bawkê min mird bî. Ma dewlemend nê bîma, dî gaê, çêher çêlî, hirye golik u vîst mêşê ma bî. Ma nê şênîma wedî bikerîma. Mamê ma Osman hemî pez u dewarê ma berdî. Ma k'awtîma bin destê cina mamê ma, her roc çimê ma ver destê îna bî.

2. Yew serî nanê dêwê ma nê geyšt, ma bê nan vindîma. Mamê ma hemî pez u dewarê ma berdî şêherê Dersim u rotî, ardê genim u co girot ardî bi k'îwî. Eye ard têrî cin u zarê mamê ma nê kerd. Ma nê şênîma xo wedî bikerîma. Ma ze dêwîra kawtîma teber, ameyma Qevqazê, ma cîranê xo hêt ameyîma êtîya.

3. Etîya ma biyêma xulam u xizmekarê xelqê. Bado hik'imetê zemî da bi ma u ma biyêma rencver. Etîya ma cit kenîma, engûr çinîma. Baxê ma esto. Baxda sey, hirmê, zerdele, şilor, şewtele, alîbalî u lîmo geynî. Des mîyêr, çêher bizî u dî çêlê ma estî, ma zehf rind jînîna, ma ze zilmê tirkîra azad biyema.

4. Ez wezan bişêran bi şêherê Tiflîsê, têda kirmanc estî, înan hewşewanî u p'alewanî, zarê înan şyênî dersxanê belî zuwanan benî. Tu bi xo T'iflîsêda belî bîyî? Tu qande serî wendîyo? çend zuwanan zanî?

5. Ez T'iflîsêda zehf vendam, çêher serî têda biyem, pênc serîz Lênîngrada biyem. Ez çêher zuwanan zanan: zuwanê kirmancî, zuwanê rûşî, zuwanê ermenî, hendêk zuwanê gircî.

6. Ma nê wendîma, la ma rind hirye zuwanî zanîma: zuwanê tirkî, zuwanê kirmancî, zuwanê ma u hendek zuwanê gircî. Nika dêwê mada mektev a kerdîyo, zarê ma şyênî mek'tev, belî bîyenî, wenî.

[Batum, sala 1939,

ji zaravê Rostemê Silêman zaza bi destê Qanatê Kurdo hatîye nivîsandinê].

Рассказ Ростам

1. Нас было двое братьев, я и мой младший брат. Имя моего брата — Фарман, мне было десять лет, моему брату было восемь лет. Мы не были богатыми. У нас были два быка, четыре коровы, три теленка и двадцать овец, мы не могли их содержать. Наш дядя взял весь наш скот⁴, мы попали под власть жены нашего дяди, каждый день мы ждали, когда же она накормит нас⁵.

2. Однажды в какой-то год в нашем селе был неурожай, мы остались без хлеба. Наш дядя угнал весь скот в Эрзерум и продал, купил пшеничную и ячменную муку и привез домой. Этой муки не хватало на (всю) семью нашего дяди. Мы не могли прокормить себя, мы ушли из села, пришли на Кавказ, мы пришли со своими соседями.

3. Здесь мы стали батраками и слугами у чужих людей. Затем государство дало нам землю, и мы стали (заниматься) земледелием. Здесь мы стали заниматься виноградарством; у нас есть сад, в саду растут яблоки, груши, абрикосы, сливы, персики, черешни и лимоны. У нас десять овец, четыре козы и две коровы, мы хорошо живем. Мы освободились от гнета турок.

4. Я хочу идти в Тифлис, там есть курманджи, они дворники и носильщики, их дети ходят в школу, учатся языкам. Ты сам учился в Тифлисе? Сколько лет ты учился? Сколько языков ты знаешь?

5. Я долго жил в Тифлисе, четыре года учился в Тифлисе, а пять лет учился в Ленинграде. Я знаю четыре языка: курманджи, русский, армянский и немного грузинский.

⁴ В тексте: крупный скот и овцы.

⁵ В тексте: наши глаза смотрели на ее руки.

6. Мы не учились, но мы хорошо знаем три языка: наш язык — курманджи-заза, турецкий и грузинский. Сейчас в нашем селе открылась школа, наши дети ходят в школу, учатся.

[Батуми, 1939 год,
со слов Ростамы Сылемана заза записано рукой Канате Курдо].

Qisa Reşîd

1. Tu vîzer şîbî k'otî? — Ez vîzer şî bîyan Batum. Ez bî çarsî, ez cil werg girotî. Ew roc bazaro, ez nêweşan, ez nê şêna bişêrim çarsî, nan, goşt bigiran. Biraê min şîyo saydê arwêşan, ayî tajî xo berdo mêşî mîyan, bol gera, tajî veyšan bî, aye nê şa biremayên. Biraê min bizê k'êwîstan kişt bî, a gera k'îwî. Daka min va: “Ew şew ma goştê bizê k'êwîstan bipawjîna u têr goşt bornîma”.

2. Daka ma goşt pawjîna, ma goşt werd, bol weş bî. Biraê mino nêçîrwan bî daka mara va: “Her k'es nê şeno arwêşan bigiro”. Daka ma va: “Tu lacê minî, lacê kirdî, qusurê tiw çîno”. Biraê min va: “Maştî ez yena saydê arwêşan, eger înan raştî min yenî, ez înan bigiran”.

3. Min bi biraê xoye nêçîrwanra va: “ez zî wezan maştî tiw hêt biyena saydê arwêşan”. Ayî va: “Tu qiçî, nê şênî nêçîrwanî bikerî”. Ma ze cayî xora weriştîma, ze k'îwîra k'awtîma teber, raştî dêwî ver k'ayî kerd.

Рассказ Рашида

1. Вчера ты где был? — Вчера я отправился в Батум, был на рынке, купил одежду. Сегодня базар, я болен, не могу идти на рынок, купить мяса и хлеба. Мой брат пошел на охоту за зайцами, он взял (с собою) гончую в лес, много ходил, гончая была голодная, она не могла бежать. Мой брат убил горную козу и вернулся домой. Моя мать сказала: «Сегодня мы поедем мяса горной козы».

2. Наша мать сварила мясо, мы съели мясо. Мясо было очень вкусное. Мой брат-охотник сказал моей матери: «Не всякий может ловить зайцев». Моя мать сказала: «Ты мой сын, ты курдский сын, у тебя нет изъянов». Мой брат сказал: «Утром я пойду на охоту за зайцами, если они попадутся мне навстречу, я их поймаю».

3. Я сказал своему брату-охотнику: «Я хочу с тобою утром идти на охоту за зайцами». Он сказал мне: «Ты маленький, не можешь заниматься охотой». Мы встали со своего места, вышли из дома и напротив села стали играть.

Gawan u kenîca padşayî

1. Wextek yew p'adşa bî, bol camerdu maqûl bî. Yew kenîcê ayî bîya. bol rind bîya, la t'embel bîya, qet girwê nê kerdîyêna. P'adşa bol da na bi aqilê xo, va: “senîn ez kenîca xo bidêna bi mêrd, k'î rind bijana, eger ez bidêna bi dewlumendan, dewlemend bizano, ki îna tembela, ver dano, rind beno, ez bidêna bi şuwan u gawanan”.

2. P'adşa vengî gawamî dêwî kerd, va: “ez wezêna kenîca xo bidêna ba tiw, ayî nê zana îş kena, noka tu heme îş zanî, tu şênî îna belî bi îş bikinî, tu şênî ayî wedî kenî”. Gawan va: “Ez qayîlan”. P'adşa kenîca xo da bi gawanî. Daka gawan bîya. Gawanî kenîca padşa arda, bi daka xora va: “Tu nan u werek me de vîve, êvarê ez yena ma hêt borîma”.

3. Maştî gawan şî garanî ver. Evarê ga, golik u çêl ardî, ame bi k'îwî xo ze daka xora pers kerdî: “Dade, ew roc şîma çiçi kerdo?” Dakê va: “Min k'îwî temiz kerdo, tendûr atir kerdo, werek hadre kerdo”. Ayî ze cinî xo kenîca padşara pers kerd: “Tiw çi kerdo?” Îna va: “Min qapî a kerd, a gert, ze k'îwîra şîma t'eber u ameyma zere”.

4. Gawanî kewçî şorbe u parî nan da bi cina xo va: “K'îwî gawan u şuwana her k'es hende kerdina xo werek boreno”. Vîv tîrsa, vengî xo nê kerd. Gawan u daka ayî têr nanê xo werd. Dakê aman şîştî u înan şî rehet benî.

5. Sibeh gawan dîsan şî ga, golikî ver, heta êwarê, çêrna, êwarê garanê xo ard bi dêwî. Dîsan ze dakê xora pers kerd, va: “K'am çiçi kerdo?” Dakê ayî va: “Ew roc ez neweş bîyam, nê şam îş bikerdiyên”. Ayî ze cina xo pers kerd: “Tiw çiçi kerdo?” Îna va: “Daka tiw ye îşî nê spart bi min, min çaw girwê nê kerdo”.

6. Gawanî va: “Her kes hendê kerdinî. xo werno”. Ayî werek nê da bi cinî xo, vêşan eşt”. Rocê dir gawan dîsan ga, çêl u golikanî xo berdî çole, çêrna. Cîna ayî kenîca p'adşayî ew car werişt, t'enûr atir kerd, werek hazir kerd, k'îwî t'emiz kerd, vînda heta merdê îna biyêno. Êwarê gawan dîsan pers kerd: “Kam ze înan çiçi kerdo?”

7. Daka ayî va: “Ma pêya îş kerdo, vîv ew roc rind îş kerdo”. Gawanî va: “Dadê, vacê bi vîv nan bîyara, ma nan borîma”. Vîv werişt werek ard, înan ronîştî, nan u goşt werdî, kêfê hemne weş bî.

8. Yew roc padşa ame k'îwî zawayê xo, k'i bizano senîn kenîca ayî jîyêna. Ayî kenîca xora pêya bol qise kerdî. Kenîca ayî va: “Bawko, werze yew girwe bikerîma, êtîya kê îş nê keno, werek nê danî bi ayî”. Zerê p'adşa rehet bî, au a gera k'oşkî xo u va: “Şikir ze elara, kenîca min belî îş kerdin bîya, gawan ze minra aqil bî, ze min rindra zanî bî çi bikero”.

[Batum, sala 1939,

ji zaravê Cimşîtê Serdar zaza bi destê Q. Kurdo hatîye nivîsandinê].

Пастух и дочь падишаха

1. Однажды был какой-то падишах, был он очень благородным и почтенным человеком. У него была дочь, очень красивая была, но она была ленива, ничего не делала. Падишах подумал и сказал: «Как выдать дочь замуж, чтобы хорошо жила? Если я ее отдам замуж за богатого, то богатый узнает, что она ленива, и выгонит, лучше будет, если я ее отдам за пастуха».

2. Падишах позвал к себе пастуха села и сказал ему: «Я хочу выдать свою дочь за тебя замуж, она ничего не умеет делать, ты все дела знаешь, ты можешь ее научить делу и можешь ее содержать». Пастух сказал: «Я согласен». Падишах отдал свою дочь пастуху в жены. Была у пастуха мать. Пастух привел дочь падишаха и сказал своей матери: «Ты еды и хлеба не давай ей, вечером я приду, и мы вместе будем есть».

3. Утром пастух пошел на работу — пасти стадо. Вечером он пригнал быков, коров и телят, пошел в свой дом. Спросил у матери: «Мама, что сегодня вы делали?» Мать сказала: «Я убрала помещение, топила *тонир*, готовила еду». Он спросил у дочери падишаха: «Ты что делала?» Она сказала: «Я дверь открывала и закрывала, выходила из дома и входила в дом».

4. Пастух дал своей жене две ложки супу и кусочек хлеба, сказал: «В доме пастухов каждый ест столько, сколько он делает». Невестка испугалась, не подала голоса. Пастух и его мать наелись досыта. Мать пастуха помыла посуду, и они пошли отдыхать.

5. Утром опять пастух пошел пасти быков и телят. До вечера он пас стадо, вечером пригнал его в село. Опять он спросил у матери: «Кто что делал?» Его мать сказала: «Сегодня я была больна, не могла заниматься делами». Он спросил у жены: «Что ты делала?» Она сказала: «Мать твоя никакого дела не поручала мне, я ничего не делала».

6. Пастух сказал: «Каждый ест столько, сколько он делает». Он не дал жене еды, оставил ее голодной. На следующее утро пастух опять погнал своих быков, коров и телят в поле пасти. Его жена — дочь падишаха на этот раз встала, растопила печь, приготовила обед, убрала помещение и стала ждать, пока придет ее муж. Вечером пастух опять спросил: «Кто что делал?»

7. Его мать сказала: «Мы вместе работали, невестка сегодня хорошо поработала». Пастух сказал: «Мама, скажи невестке, пусть принесет еду, мы будем есть». Невестка принесла еду, они сели, ели хлеб и мясо, у них настроение стало веселое.

8. Однажды падишах пришел в дом пастуха — своего зятя, чтобы узнать, как живет его дочь. Он и его дочь долго разговаривали. Его дочь сказала: «Папа, вставай, сделаем что-нибудь, здесь если кто-нибудь не работает, тому не дают есть». Сердце падишаха успокоилось, он вернулся в свой дом и сказал: «Слава богу, что дочь моя научилась работать, пастух был умнее меня, лучше меня знал, что делать с моей дочерью».

[Батуми, 1939 год,

со слов Джемшита Сардара заза записано рукой Канате Курдо].

Şuwan u mar

1. Bî nê bî, yew şuwan bî, her roc pezê dêwî berd bi k'uçî ver çêrna. Her roe îna şuwan zinarî ser ronîştên u bilûr da p'uro. Her car yaw mar ze k'wînî xora k'awt t'eber u goşdar vengî bilûrî şuwan kerdên. Wextê k'î şuwan kayî bilûrî ser t'emam kerdên, mar werîştên yew altûn dayên bi şuwan. Ayî şuwan zehf altûn arye kird u dewlemend bî.

2. Yew roc ayî şuwan vengî lacî xo kerd u tira va: “Lacî min, ez şîyera hec, tu be cay min venî, pez bere, biçêrne, filan cê zinarek est, ayî zinarî ser ronoşe, tu bilûr de p'ure, yew mar yeno, yew altûn bide ti”. Şuwan şî hec, lacekî ayî bî şuwan. Her roc ayî pez berd k'uçî ver, zinarî ser ronîştên u bi bilûr da p'uro. Ayî sene bawkî xo ne zanî rind bilûrî ser kayî bikerdayên.

3. Lakîn mar vengî bilûr hez kerd, her car kwînî xora k'awt t'eber u yew altûn da bi ayî. Yew roc ayî lac bo fikir kerd u va: “Sebeb çî ez her roc yena çol, va, varanî ver serma kenam, ter benam, weş bo, ki ez mar k'işêna u hemî altûnê ayî zî bi xora berena”.

4. Sibeh au werîşt, pezê xo berd cayî verê, werîşt zinarî ser, bilûr da puro, hemî qaydo kayî kerd. Mar ze k'wînî xora k'awt teber, yew altûn vist lacî ver. Lacekî wek'ezê xo hurgirt u yew zerp di bi mar, poçê war têra kerd, mar hers bî, payî ayî gest, au mird.

5. Hemî deyewan arye bî, cinazê lac ard u wedert. Çend mangî vindartî. Bawkî lacekî ze hecra ame, aunî, k'î lacê ayî k'işya, şî mezeli ser, zehf berma. Bado di u hirye rocî şuwan werîşt, sene verê pezê xo berd çolî ver, zinarî ser ronîşt u k'ayî bilûrî ser kerd. Mar nê k'awt t'eber u altûnîz ne da.

6. Şuwan zehî k'ayî bilûrî ser kerd, wext zehf vinart, gunayî mar bi şuwam ame, ze k'wînî xora k'awt t'eber u va: “Bira, tu belaş k'ayî bilûrî sen kenî, ma deha nê benîma bi bira, wextê ki ez poçê xo têra kerdya bauna, bye bîra min, k'î lacê tiw ez wa seqet kerdam, hersê min byeno, ez wezena heyfê xo ze tira gina, wexte ki tu mezeli lacê xo baunî, ez biyena bîra tiw, ti wezenî heyfê xo ze minîra ginî”.

[Batum, sala 1939,

ji zarê Sertîpe Eslan 55 salî bi destê Qanatê Kurdo hatîye nivîsandinê].

Пастух и змея

1. Жил-был некий пастух. Каждый день он гнал стадо села в поле пасти. Каждый раз он сидел на камне и играл на свирели. Всегда змея выходила из своей норы и слушала звуки свирели. Когда он заканчивал играть на свирели, змея подбрасывала ему золотую монету. Так пастух собрал много золотых монет и разбогател.

2. Однажды пастух позвал своего сына и сказал ему: «Сын мой, я пойду в хадж, ты остаешься вместо меня, гони стадо пасти, в таком-то месте есть камень, садись на него, играй на свирели, (тогда) придет змея и даст тебе золотую монету». Пастух пошел в хадж. Его сын стал пасти стадо. Каждый день он гнал стадо в поле, садился на камень и играл на свирели. Он не мог так хорошо играть, как играл его отец. Но змея любила звук свирели, она всегда выходила из своей норы и подбрасывала ему золотую монету.

3. Однажды сын пастуха подумал про себя и сказал: «Зачем каждый день я должен приходить в поле, мерзнуть на ветру, мокнуть под дождем, будет хорошо, если я убью змею, заберу себе все ее золотые монеты».

4. Утром он встал, погнал свое стадо в поле, сел на камень и стал играть на своей свирели. Вышла змея из своей норы и подбросила ему золотую монету. Мальчик поднял свою дубину, ударил змею и оторвал ее хвост. Змея разгневалась и укусила его ногу. Он умер.

5. Все сельчане собрались, принесли тело мальчика и похоронили. Прошло несколько месяцев. Вернулся из хаджа пастух. Он узнал, что его сын убит. Пошел на его могилу и долго плакал. Через два-три дня он погнал стадо овец в поле, сел на камень и заиграл на свирели. Змея не вышла и не дала ему золотую монету.

6. Пастух долго играл на свирели. Прошло много времени, змея сжалась над пастухом, она вышла из своей норы и сказала: «О, брат, ты напрасно играешь на свирели, мы больше не станем братьями друг другу. Когда я вижу свой отрубленный хвост, вспоминаю, что твой сын искалечил меня, я буду гневаться и захочу мстить тебе за себя. Когда ты будешь видеть могилу своего сына, ты будешь гневаться, вспомнишь меня и захочешь мстить мне».

[Батуми, 1939 год,
со слов Сартипа Аслана 55-ти лет записано рукой Канате Курдо].

Eylo u luyî

1. Yew car yew eylo u yew luyî bî bi dostanî hem. Luyî va: “eylo, werze, ma bişêrîma k’iwî min mêmanî”. Eylo va: “holo” u ame bi k’iwî luyî. Luyî werişt, taştî zî eylora hadre kerd. Taştî hewdel bî , îna ard awî nav pawijna bî. Luyî hewdela ard u wala kerd zinarî panî ser. Luyî va: “eylo, k’erem ke, taştê biwene”. Eylo şî taştî ser, hewdel werd luyî hêt, pey ziwanê xo zinar lêst.

2. Luyî zehf werd, eylo nê şyena biweno. Luyî va: “biraê eylo, werze, ma yenî wet’enê min, ke ciyê min veynî”. Eylo werişt, şî luyî hêt, ciyê ayî gera. Ciyê luyî dirî bî, dar bî. Pûrtanî eylo darî ser vendî. Eylo nê şyêna bifilîtyên, xo pîrpîna, pîrpîna, nîmê şewê kewt teber, gerya, gerya, ke luyî biveyno.

3. Şande luyî dî, vengî ayî kerd, va “biraê luyî, vêca to k’erem ke k’iwî min, ma bişêrîma k’iwî min mêmanî”. Luyî werişt, şî eyloy hêt. Eylo zî hinde nok awî nav pawijna. Eylo va: “biraê luyî, k’erem ke, biwene”. Luyî şî pêy ziwanê xo lêst, ziwanê ayî sotya (şewitî). Eylo pêy nukurê xo hemîne nok arye kerd, werdî. Eylo va: “Ey bira, ma bişêrîma ciyê k’erge têda zehfî, to piştî min ser ronîşe, ez tiw biaram”.

4. Lûyî şî piştî eyloy ser ronîşt. Eylo baskê xo k'utayî, firî, berzî esman bî, yew dêwî şî u ame, zehf berz bî, bado va: “biraê lûyî, to dinya veynî?” Lûyî va: “erê, ez dinya t'emam veynam”. Eylo dîsan yew dewr bi esmanda şî u ame, berzî bî u zi lûyî pers kerd, va: “biraê lûyî to qandê dinya veynî?”. Lûyî va: “ez nîmê dinya veyna”. Eylo dîsan bi esman şî u ame, berz bî, zi lûyîra pers kerd, va: “biraê lûyî, to qandê dinya veynî?”.

5. Lûyî va: “ez hendê gayî beş dinya veynam”. Eylo va: “biraê lûyî, baskê mino raşt qefilîya, xo bide baskê mino çep”. Lûyî xo da bi baskê eyloy çep. Eylo baskê xoyo çep nizm kerd, lûyî şivîti u k'ewt u p'arçe-p'arçe bî.

[Batum, sala 1939,
ji zarê Semendê Mustefa zaza hatîye nivisandin].

Орел и лиса

1. Однажды орел и лиса стали дружить. Лиса сказала орлу: «Давай-ка пойдем ко мне в гости». Орел сказал: «Хорошо» и пошел в дом лисы. Лиса встала, приготовила завтрак. На завтрак была жидкая каша. Лиса насыпала муки в воду и сварила ее. Она принесла кашу, налила на плоский камень и сказала: «Пожалуйста, ешь кашу». Вместе с лисой орел стал есть. Лиса ела языком, а орел — клювом. Лиса ела много и наелась, орел не мог есть, остался голодным.

2. Лиса сказала: «Братишка орел, давай пойдем на мою родину, увидишь, где я живу». Орел пошел с лисой искать ее место. Место лисы все было в колючих зарослях, перья орла цеплялись за ветки, он не мог вырваться, (все) встряхивался и встряхивался. Прошла полночь. Орел искал место лисы, бродил и бродил, чтобы увидеть [там] лису.

3. Утром орел увидел лису, позвал ее и сказал: «Сестричка лиса, на этот раз ты пожалуй ко мне в гости». Лиса с орлом пошла. Орел принес немного гороха, сварил в воде и сказал: «Сестричка лиса, пожалуйста, ешь». Лиса стала языком лизать и сожгла себе язык. Орел клювом съел весь горох. Орел сказал: «Сестричка лиса, пойдем туда, где много кур, ты садись на мою спину, я тебя понесу».

4. Лиса пошла, села на спину орла. Орел распахнул крылья, полетел в небо и высоко поднялся. Он летел туда-сюда, высоко поднялся. Затем он сказал: «Сестричка лиса, ты видишь землю?» Лиса сказала: «Да, я вижу всю землю». Орел снова летел туда-сюда, поднялся еще выше и спросил у лисы: «Сестричка лиса, насколько ты видишь землю?»

5. Лиса сказала: «Я вижу землю величиной с быка с белым пятном на лбу». Орел сказал: «Сестричка лиса, мое правое крыло устало, становись на мое левое крыло». Лиса встала на левое крыло орла. Лиса сползла, упала и разбилась на кусочки.

[Батуми, 1939 год,
записано со слов Саманда Мустафы заза].

Qertel u kêsel

1. Yew roc yew qertel zehf veyşan bî, dî k'i bimirayî, zinarî ver vinda, estîyê xo war kerd. Îne wext yew k'êsel bi zinarî verda raveran, ayî dî, tira pers kerd: “Biryê qertel çiçi tiw qewmo, ki to estiwar zinarî ver vendî?”

2. Îne qertel ciwaba k'êsel da, va: “Biraê k'esel, ze minra meperse, çend rocî, k'i ez veyşanam, hende vendo ez bimiram”. Kêsel va: “yew girwê esto, ez tiwîra vajan, la ez

tirsam, ki to ze minra weyîn bikerî”. Qertel va: “Ez tiwra weyney ne kenam, vaje, to çiçi wezenî, vatîş”. Kêsel va: “Yew werek esto, her wextî zî dest kawno, to ze minra sond biwene, ki bi kesekîra nê vajî”.

3. Qertel sond werd. Kêsel va: “Êne zemîda kêsel zehfî, înan bigire, bike pencê xo nav, hewayî nav bik’ewe, bilind be u paşê îna verde zinarî ser, henga qalekî înan bişkê, zereyî înanda goşt zehfo, to biweno”.

4. Wexbê k’i k’êsel aye va, k’êfa qertel ameya, ayî va: “Biraê k’êsel, to veynî, k’i ez bêhalam, ez nê şenam bilivam”. K’êsel îne bawer kerd, nêzîkî qertel bî. Qertel va: “Biraê k’êsel zi tiwra k’êsel çêtir çino”. Ayî k’êsel kerd pencê xo nav, vaskê xo a kerd u perî, bilind bi ezman bî, zi hewara k’isel gina zinarî ser, K’êsel p’erçe-p’erçe bî u bî werekê qertel.

[Batum, sala 1939, ju zaravê Rostemê Keleş zaza 45 salî bi destê Qanatê Kurdo hatîye nivîsandîne].

Ворон и черепаха

1. Однажды какой-то ворон очень был голоден. Видит он, что умрет с голоду, сел на камне и опустил голову. Тогда мимо камня проходила черепаха. Она увидела ворона и спросила: «Братишка ворон, что случилось с тобой, что ты опустив голову сидишь [на этом] камне?»

2. Тогда ворон ответил, сказал: «Сестричка черепаха⁶, не спрашивай о моем положении. Вот уже несколько дней, как я голодаю, скоро я умру». Черепаха сказала: «Есть одно дело, я скажу тебе, но опасаясь, что ты выдашь меня». Ворон сказал: «Я тебя не выдам, говори, что ты хочешь сказать». Черепаха сказала: «Есть одна еда, в любое время она доступна, поклянись, что никому не скажешь».

3. Ворон поклялся. Черепаха сказала: «На этом свете много черепах, поймай (черепаху), возьми в лапы и лети на небо, подымись высоко, затем брось ее на камни, тогда разобьется ее панцирь, внутри него много мяса, ты поешь его».

4. Когда черепаха так сказала, ворон повеселел, он сказал: «Сестричка черепаха, ты видишь, я ослаб, не могу двигаться». Черепаха поверила этому, приблизилась к ворону. Ворон сказал: «Сестричка черепаха, лучше тебя нет черепах». Он схватил ее в свои лапы, взлетел, высоко поднялся в небо, сбросил черепаху. Черепаха разбилась на части и стала пищей ворона.

[Батуми, 1939 год, со слов Ростамы Калаша заза 45-ти лет записано рукой Канате Курдо].

Gurg

1. Yew gurg bî, bol geŕa, çew girwe destê ayî nê k’awt, qerer kerd, k’i bişêro hec, dua bike, k’i yew girwe dest k’awo. Şî dêwî ver ravera. Raştî yew biz ame. Îna bizê gurg dî, tîrsa, rama. Gurgî va: “To sebeb çi tîrsenî, remî, ez ne înan gurganam, ez şenim hec”. Bizê va: “Ela ra tiwra be”.

2. Gurg şî, raştî yew golik ame, îne golok jîra tersa u rema. Gurg va: “golik, sebeb çi to remî, ez şêna hec”. Gurg şî, şî, raştî hec ne ame, bol veyşan bî u bi xoŕa va: “çi îşê min. Bi hec k’awto, bawkê min şîyo hec, dakê min şîya hec, k’i ez zî bişêram hec”.

3. Gurg a gera, k’i golik yan zî biz bigero, boro. La nê raştî golil ame, nê zî rastî bizê. Rada şî, îna dêwê k’i biz têda dîl bî. Raştî îna bizê ame. Bizê jêra pers kerd, va: “Biraê gurg tiw çi hecêda dîyo?”

⁶ В тексте: братишка черепаха.

4. Gurg va: “Ez şî enq hec, k’i dua bikeram, ki veyşan nê vinam, la hec dûr bî, ez nê şenam bişêram, ez wezênam tiw boranam”. Biz tîrsa, xo bi dîwarda gîna, gurg zî xo bi dîwarda gîna. Tule u kutik pey gurg k’awtî, gurg girb u gewzna.

[Batum, ji zeravê Cimşîtê Serdar zaza, li sala 1939 bi destî Qanatê Kurdo hatîye nivîsandinê].

Волк

1. Жил-был волк. Много он бродил, ничего ему не попало в лапы. Он решил отправиться в хадж, молиться, чтобы что-нибудь попало в его лапы. Он пошел в сторону села, которое было у дороги; встретился с козой. Когда коза увидела его, испугалась и убежала. Волк сказал: «Почему ты боишься, убегаешь? Я не такой волк, какие бывают, я иду в хадж». Коза сказала: «Пусть бог сопутствует тебе».

2. Волк пошел (далее), встретился с теленком. Теленок испугался и убежал. Волк сказал: «Братишка теленок, почему ты убегаешь? Я иду в хадж». Волк шел, шел, так и не дошел до хаджа. Очень проголодался, сказал себе: «Какое дело мне до хаджа? (Разве) мой отец был в хадже, (разве) моя мать была в хадже, чтобы я ходил в хадж?»

3. Волк вернулся, чтобы поймать теленка или козу и съесть. Но он не встретился ни с теленком, ни с козой. Он шел по дороге в село, возле села он увидел козу. Когда коза увидела его, сказала: «Братишка волк, что ты видел в хадже?»

4. Волк сказал: «Я пошел в хадж молиться, чтобы не остаться голодным. Но хадж был далек, я не смог идти, я хочу тебя съесть». Коза испугалась и бросилась через стену, за ней бросился волк. Собаки и щенки бросились на волка, поймали его и растерзали.

[Батуми, 1939 год, со слов Джимшита Сардара заза записано рукой Канате Курдо].

Qertel u Silêman

1. Yew rocî Sileman p’exember vengî p’eraniyê dinyaê kerd u ze inanra pers kerd: “K’am ze şîmara zehf e’mir kerdo?” P’eraniyan cewabî ayî da, va: “Qela xezebêda qertelek esta, ayî ze ma hemînera zehf e’mir kerdo”. Silêman va: “Bişerî, ayî qertelî biarî min hêt”.

2. Yew p’erani şî bi ayî qertelîra va: “Hezrtetî Sileman tiw wezeno”. P’erani, şî, Sileman tîra pers kerd: “tuw çend sere e’mir kerdo?” Qertel va: “Min hire se sere e’mir kerdo”. Sileman tera pers kerd: “K’es esto ki tiwîra zehf e’mir kerdo? Qertel va: “Qela Asayîda qertelek esta, bi e’mir ze minra mezine, pîrê ma qertelan hemiyano”.

3. Sileman yew merdim erşawt pey ayî qeirbel. Qertelê kela Asayîşê ame Silemanî ver u tîra va: “Min çêher se serf e’mir kerdo”. Sileman pers kerd: “Dinyaêda tiw çiçi diyo u çi kawte serê tiw?”

4. Qertelê cewab da, va: “Ciwanî xoda yewrocî ez bi hewa k’awtam u zehf u bilind p’eriyam, dinya çimê min ver bî bi wek hak, min xo behrê girt, behrî ser periyam, min diyo ki behrî nav gewrek çiriso, ez behrî ser war biyam, min yew qesrî dî, ban u dîwarê qesrê altûn, bî, ez banî qesr ser ronîştam”.

5. Yew merdim ze qesrera k’awto teber, yew hêştur ard, dana minî ver, çend rocî min hêştur ward u ez a geram k’iwî xo; Ez dî se serî vindam u dîsan şiyam banî ser îne qesrî ronîştam, merdimî pîr şî bî rehmetê, lacê ayî ame t’eber, yew herî mirar ard dana min ver, min ayî zî werd u a geram”.

6. Hirye serî anicîna zî vindartî, min dîsan qestî qesrê kerd u ez şîyam qesrê. Lacê merdimî zî merd bî, yew nevî ayî est bî, wextê k'i ayî ez dîyam, rahêste t'ifengê xo, weşt min bikişo, ez tirsam, remam; Ya hezretî Sileman, min aye dîyo, tama dinyae ze merdimîra nê vîndo”.

[Batum, sala 1939, ji zaravê Cimşitê Serdar zaza, bi destê Qanatê Kurdo hatiye nivîsandinê].

Ворон и Сулейман

1. Однажды пророк Сулейман созвал к себе всех птиц света и спросил у них: «Кто из вас много прожил?» Птицы ответили ему: «В крепости кровопролития есть ворон, он больше нас всех прожил». Сулейман сказал: «Идите, приведите его ко мне».

2. Одна птица полетела к тому ворону и сказала: «Пророк Сулейман хочет, чтобы ты явился к нему». Ворон прилетел к Сулейману. Сулейман спросил у него: «Сколько лет ты прожил?» Ворон ответил: «Я прожил триста лет». Сулейман спросил у него: «Есть ли кто-нибудь, кто прожил бы дольше тебя?» Ворон сказал: «В крепости спокойствия есть ворон, он старше меня, является дедом всех нас, воронов».

3. Сулейман послал человека за тем вороном из крепости спокойствия. Тот пришел к Сулейману. Сулейман спросил у него: «Сколько лет ты прожил?» Тот сказал: «Я прожил четыреста тридцать лет». Сулейман спросил у него: «Что ты видел в этом мире и что вошло тебе в голову?»

4. Ворон ответил: «В своей жизни однажды я поднялся в небо, высоко летел и увидел остров в море, я полетел к острову, на острове был дворец, его стены и крыша были из золота, я сел на крышу дворца».

5. Из дворца вышел человек, принес верблюжью тушу, положил передо мной. Несколько дней я ел ее, (затем) вернулся к себе, в свое гнездо. Два года я оставался дома, затем снова я полетел, сел на крышу того же дворца. Старика не было в живых. Вышел его сын, он принес мне тушу осла и положил передо мною. Я съел ее и опять вернулся к себе.

6. Прошли еще три года. Я снова полетел к тому же дворцу. Не было в живых сына старика. Он умер, был жив его сын. И когда он увидел меня, бросился к оружию, хотел убить меня. От страха я улетел. Вот, государь Сулейман, что я видел. Людям не осталось ничего хорошего на этом свете».

[Батуми, 1939 год, записано со слов Саманда Мустафы заза рукой Канате Курдо].

Eslan u mişk u lûyî

1. Yew car yew eslan rastî yew lûyî ame, dî k'e lûyî hirmê wêno. Lûyîra pirs kird, va: “eye çiçi to wenî?”

Lûyî ma: “hirmêyo”.

— Hirmê çiyo? “k'atî peyda bîyo?”

— Hirmê darî ser geyo, girwê şîrîno u weşo, ti wazenî ma şêrîma, ezo şanî ti bikena.

2. Eslan va: “haydê, k'erem ke, ma bişêrîma”.

Her dî dayî rê şî, darê hirmê hêt. Qirmê îne stir bî, serê îne bilind bî. Eslan nê şênî hurşo darê hirmê ser.

3. Ayî lûyîra pirs kird, va: “Sene hirmê yenî warî?”
Lûyî va: “ma lûyî poçê xo bi dar denîma, weşênîma, ti zî wa bike”. Eslan poçê xo bi darê da, weşna, hirmê nê k’ewtî. Eslan va: “hirmê nê k’ewî”.
4. Lûyî vai: “eslan zorî, qewata înan milê înanda zehfo, darê hevêz ke, biweşîne”.
Eslan piştî xo da bî dar, weşna, lakîn dar hirmê nê k’ewt.
Lûyî va: “ti bi qewatî, ezo ti bi darê girê dana, k’e ti bişenî darê biweşênî”.
5. Eslan va: “holo, min girêde”.
Lûyî pê şîrîtê eslan darê hêt girê da u bi eslan va: “xo weşêne, bihejêne”. Eslan xo weşna, hejna, parsî îne gwêşî hem, zehf êşî, va: “Malwêran, zu min a ke, ez mirdim”.
6. Lûyî va: “mirdî, bimirê”. Lûyî eslan eşt, ra k’ewt, şî. Çend roc eslanê merdinkîş bi darêda girêdag venda. Yew roc yew mişk ame eslanî ver. Eslan ayî dî, va: “mişko, ti min a nê kenî? ez mirdim, min azad ke”.
7. Mişk serê xo bilind kird, va: “Paşa, k’amî tî girêdayî? Zerê min towra sozo”.
— Eslan va: “Lûyî wa kird”.
- Mişk va: “verêra şima mezin u serek hevalê canewarê pîr u qeşmerdanî”.
8. Eslanê gerdenwar vengî xo nê kird, ciwabê ayî da, tena lavlav kird, k’e îne ayî azad bike. Ayî va: “ez benî, de min a ke, paş ma xoîra bihewinîma”.
9. Mişk serê xo bilind kird, eslanî dor şî — ame, pê didanê xo şîrît hira, eslan azad kird. Eslan va: “t’iv bi ayî welat, k’e têda lûyî merdiman girêde u mişk merdiman verde”. Ayî wa va u welat eşt u şî.

[Batumi, sala 1939, ji zarê Semendê Mistefa zaza 60 salî
bi destê Qanatê Kurdo hatîye nivîsandinê].

Лев, мышь и лиса

1. Однажды лев встретился с лисой, видит, что лиса ест груши. Он спросил у лисы, сказал: «Что это ты ешь?»
Лиса сказала: «Груши».
— Что такое груши, где их достают? — спросил лев.
— Груши растут на дереве, вкусные, сладкие фрукты, хочешь, пойдем, я тебе покажу.
2. Лев сказал: «Давай-ка пойдем, пожалуйста».
Оба отправились в путь к грушевому дереву. Ветки дерева были толстые и высокие. Лев не смог подняться на дерево.
3. Он спросил у лисы: «Как груши падают вниз?»
Лиса сказала: «Мы, лисицы, хвостом трясем дерево. Ты тоже делай так». Лев хвостом ударил по дереву, потряс, но груши не падали. Лев сказал: «Груши не падают».
4. Лиса сказала: «Львы сильные, у них много сил в плечах, обхвати дерево и трясись».
Лев припер спину к дереву, потряс, но груши не падали. Лиса сказала: «Ты сильный, я привяжу тебя к дереву, чтобы ты смог трясти дерево».
5. Лев сказал: «Хорошо, привяжи меня».
Лиса веревкой привязала льва к дереву и сказала ему: «Трясись, раскачивайся». Лев трясся, его ребра сжались, сильно стали болеть, он сказал: «О злосчастная, скорее развяжи меня, я умираю».
6. Лиса сказала: «Умираешь, так умирай». Лиса оставила льва, отправилась в путь, ушла. Несколько дней бедный лев оставался привязанным к дереву. Однажды пришла какая-то мышь ко льву. Лев увидел ее, сказал: «Мышь, не развяжешь ли ты меня? Я умираю, освободи меня».

7. Мышь подняла голову, сказала: «Царь, кто тебя привязал к дереву, из-за тебя у меня горит сердце».

Лев сказал: «Лиса так сделала».

Мышь сказала: «Издавна вы старшие над старыми животными и являетесь главой шутников».

8. Бедный лев не стал возражать, лишь попросил ее, чтобы она его освободила. Он сказал: «Я прошу⁷, ну развяжи меня, мы потом пошутим»⁸.

9. Мышь подняла голову, повертелась вокруг льва, своими зубами разгрызла веревку, освободила льва. Лев сказал: «Тыфу на ту страну, где лиса связывает богатых, а мышь освобождает их». Он так сказал и покинул (ту) страну.

[Батуми, 1939 год, со слов Саманда Мустафы заза 60-ти лет записано рукой Канате Курдо].

Gurgîn axa u Gulperî⁹

1. Yew p'adşayî bî, hirye lacî ayî bî, lacanê xo mezin kerdî, weşt k'i înan bizewcnano. Vengî wezîrê xo kerd, va: “Wezîr, lacanê min mezin bîyo, wextê înan zewac ame, ez wezenan înan bizewcnena. Wezîr va: “Ez xulam, mal u dewleta tiw zehfî, nam u vengî itiw e'yanî, k'am merdum hez nê kena kenîca xo bide bi lacanê tiw, emir bike, ma bişêrîma kenîzanê rind, ê ze malî t'oîin biwenîma u biyarîma”.

2. P'adşayî va: “Wezîr, esker xo pîya bibere, vîvan ze lacanê minra biyare”. Wezîr vengî esker kerd, t'evdirê xo kerd, ra k'awt, şî welatanî nav gera, k'i wayê rind, kenîzanê camerdam biweyno u biyare. Zehfî gerayî, raştî hirye kenîzê rind nê ame. Şî zozanê kirmancanî ver. Rada raştî yew ejdeha ameyî. Eskeran weşt îna ejdeha bikişin, sereskerî va: “dest me dinî ejdeha, ma pers bikerîma çîma îa mada sekinya”.

3. Seresker çend yardêre xo pêya şî ejdeha hêt, va: “ma rawarîma, rayî xoda şenîma, tu çiçi ze ma wezenî?” Ayî ejdeha kenîz bî, k'awta bîya rengê ejdeha. Ayî va: “Ez zanam, ki şîma eskerê p'adşayî, şîma dinyada gerîni, k'i lacanê padşai bizewcnenî, min hawn dîyo, k'i lacê p'adşayî Gurgîn-axa bîyo mêrdê min, çend sere, k'i ez wezenam Gurgîn-axa biweynan, la min ayî nê veynan, ez wezenam şîma Gurgîn-axa bi minra biyarî, tenê min polato, nê gile, nê şimşîr têra nê şeno. Eke şîma Gurgîn-axa nê ard, ez nê elan şîma ze şînorê minra bik'îwnî t'eber”.

4. Seresker u wezîr ecêv vindî, fikir kirdî çiçi bekera. Wezîr va: “Seresker yew esker berşewe p'adşayî hêt, pers bikero, çi vaco”; Seresker va: “Ejdehayê berxudar, rayî ma bide, ma yew esker beşerîma p'adşayî hêt, pers bikerîma lacê p'adşa u p'adşa qayîlî ya nê”. Ejdeha ra a kerd. Yew esker bi peya şî mala p'adşayî, p'adşayî ze pêyarra perskerd, va: “K'wa vîv, k'wa esker, k'wa wezîr u seresker?”

5. Ayî eskerê piyar va: “Esker, wezîr u seresker rayî nay vindî. Yew egdeha p'eyda bîyo, ra girot, ne elêno k'i înan bişêro, vajo min hewn dîyo, k'i zerê min k'awto lacê p'adşa Girgîn-axa, eke şîma Girgîn-axa ard, ezo ra akenan, eke şîma nê ard, ezo şîma hemîne bikişan u qîr bikeran”.

6. P'adşa zehf fikir kerd, da bi hişê xo. Vengî Gurgîn kerd, va: “Lacê min, şimşîr u mertala xo hurde, biranê xo piya bibere, biveyne ayî çi ejdehayo”. Gurgîn-axa şimşîr u mertalê xo girotî ver, ra kawt, şî u resa cayî ayî esker vend bî.

⁷ В тексте: я (твой) раб.

⁸ В тексте: посмеемся.

⁹ Перевод данного текста в рукописи отсутствует.

7. Wextê k'i çimî kenîza rengî ejdeha bi Gurgîn-axa k'awt, zir u hinawî ayî ze şadîra lertzî, va: "Gurgîn-axa, to çimê min ser ameyî, namê min Gulp'eriyo, min to hewnî xoda dîyo, k'i mirazê min u mirazê tiw bîyo yew". Îna k'i awa va, bî kenîzekê rind u qeşeng. Zirê Gurgîn bi zirekî na, bi hezar zirî k'awte ayî. Ayî va: "Ez zî sa tiw ameym, were, ma bişêrîma mala bawkî min".

8. Gulp'erî va: "Gurgîn-axa, ez weynam, k'i to birayî xo pîya ameyî, înan zî wezenî bizewicî, dî wayî min estî, ze min qeşengra, rindra, ez wezenam her dîyan bidan birayê tiw". Gurgîn va: "Ez qayîlam, weyanê xo biare".

9. Niv sat nê şî, Gulp'erî wayê xo hêt ame. Zirê her di lacê p'adşai ka'wte îne kenîzan. A gerayî bi malê bawkî xo. P'adşa hirye rocî, hirye şewî dîlan kerd, dehol u zirna dayî puro. Înan şî bî mirazê xo şad bî, şîma zî bi mirazê xo şad bibîn.

[Batum, sala 1939, ji zaravê Cimşîtê Reşît bi destî Qanatê Kurdo hatîye nivîsandinê].

Birayê bextewar

1. Dî birayî bî, namê yew birayî Codir bî, namê yewîz Bedir bî. Înan k'esîw bî, ze dêwê xora k'awtî t'eber, şî bi yew şeher. Êna şeherda hemî xelq k'incê şîn u xemê girê da bî. Codir u Bedir ze xelqîra pers kerd, va: "Ze sebeb çî xelq reş girê dayo?"

2. Vatî: "P'adşayê şeherê ma mirdo, k'esekîz cayî ayî nê giroto, zamanê verê sa hurbijartinê padşa bazgeran bî, baz ver dayîne, baz k'am merdimî ser ronîşt, ayî merdimîz kerdîyenê p'adşa, êro zî xelq meydanda ayre bîyo, baz verdayo, wezenî bîzanî baz k'amî ser ronîşo, ayîz bikenî padşa".

3. Codir u Bedir şî, k'awtî cimafî miyan, seyr kerdî, dî ki yew espar bîyo, ze serera heta pê cil u wergê reş girêdayo, destgîna espê dest da, ame xelqî miyan u vind, bi bazîra va:

4. "Ey bazê rindo, weşp'erwaz, ma tiw ze hêlîna germ ardî t'eber, bawik u bawpîrê tiw zehf car hur p'erbiyo, seyr kerd bîyo, bi camerdî u maqulî ser, merdimî layîq ser ronîştîyo, xelq ayî kerdo bi p'adşa, ênkey sirê k'awt bi tiw, hur p'ere sa xelq êna şeher p'adşa hurbijêrî".

5. En wextê bazvan aye va, baz hur p'erî, çimê xo bird u ard, bilindî esman bî, bi ser serê xelqîra geña, ame u şî. Her k'es dilwez bî, ki baz ser serê ayî ronîşo. Baz tena bi esman şî u ame. Bado ame u ser serê Codir ronîşt. Merdiman êna dî, here-hor kerd, va: "nê be, ki merdimê xerîb bibo p'adşayê ma".

6. Bazvan ame, baz hur girt u dîsan ver da. Dîsan baz hur p'erî, geña, ame ser serê Codir ronîşt. Hendekan xelq va: "Eşkerayo, aye ela wezeno, k'i ayî bibo p'adşayê ma". Hendekan va: "nê bo, lazimo yauna care baz verdima, eke aye car ser serê ayî ronîşt, ma aw bikerîma p'adşayê ma".

7. Ên bazvan dîsan baz ver da. Baz dîsan ser serê Codir ronîşt, xelgê destê xo şelpna, vatî: "P'adşayê ma, p'adşayetî bi ayî pîroz be". Destê Codir girtî, birdî tacê p'adşatî dayî bi ser serê ayî. Hemî mezinê şeher ameyî, ayî pîroz kirdî. Hewt rocê derbaz bî. Codir şa birayê xo kerd bi wezîrê xo u dest pê kird bi asan derbaz kirdî.

8. Wezîrê şa u mezinê şeher Codir şa zewecna, keynî rind jîra arda. La serî şî, zaro jira nê bî, şa dî k'i mal u dewletê ayî zahfo, la çew zireta ayî, çino, k'i cêho ayî bigiro. Roc bo roc raborî, zereyî înan teng bî, qet kes nê vind, qisa xo jira kerd, k'esekî dermanê zereyî ayî nê va, k'awt derd u k'wîlanî miyan.

9. Xew rocî derwêşek ame bi k'oşkî şa Codir, wek'ez destda, k'eşkûl milda, weş k'i biyeno zereyî hewşa padşa. Xulam u xizmekaranê p'adşa ameyî ver ayî, nê eşt, k'i dewrêş

bisêro zereyî k'ôške Codir şa. Dewrêş va: “Heta ez cina padşa nê veynom, ez a nê gerena”. Cina şa Sînem xatûn ze heywanêra vingî derwêş şnewt, pers kerd: “êne çîyo?”

10. Xizmetkaran va: “Dewrêşo, vaco heta ez cina p'adşa nê veynam, ez ne a gernam”. Sînem xatûnê va: “ver denî, bira biyeno”. Dewrêş şî bi heywanê. Sînem xatûnê va: “vace, mirazê tiw çîyo?” Dewrêş va: “Hemî dezgê tiw esto, mal u dewletê p'adşa zehfî, la zara şîma çîno, sebebî ayî ez zehf p'erîşanam, ez ameymo, k'i k'omekê bidan şîma”.

11. Derywêş, ze k'eşkûla xora yew sey ard teber u va: “aye seye bike bi dî p'arçeyî, yew p'arçeyî to bi xo bore, yewîz merdê tiw”. Aye va u wun bî. Vîzer p'adşa ame. Sînem xatûn aye qîsa bi şa Codirra kirda u sey da bi ayî. Şa Codir sey kirda dî p'arçeyî. yew p'arçeyî bi xo werd, yew p'arçe zî da bi cina xo. Înan ra k'awtî, şande hur westî, padşa şî bi îşê xo. Sînem xatûn zi şî bi girwê xo, yew wextê derbaz bî.

12. Yew rocê Sînem xatûn bi xo hesîya, k'i hemle bîya, xeber k'awta şeheri nav, hemî şad bî, k'i cina Codir şa ver zaraya. New mangê vinartî. Sînem xatûnêra yew lacî bî, xelqê şehar şad bî, kirdî dêlan, eşq u k'êf kerdî. Înan şî bi mirazê xo şad bî, to zî mirazê xo şad be.

[Batum, ji zaravê Semendê Mistefa zaz 60 salî, bi destî Qanatê Kurdo sala 1939 hatîye nivîsandinê].

Счастливые братья

1. Были два брата. Имя одного было Джодыр, имя другого — Бадыр. Они были бедные, ушли из своего села и пошли в какой-то город. В городе весь народ был в трауре. Джодыр и Бадыр спросили у людей: «Почему народ носит черное?»

2. Сказали: «Царь нашего города умер, некому занять его место. По обычаю, для избрания царя устраивают *базгаран*. Он состоит в том, что пускают сокола, на чью голову сядет сокол, того и избирают царем. Сегодня народ собрался на площади: пустили сокола, люди хотят узнать, на чью голову сокол сядет, того и сделают царем».

3. Джодыр и Бадыр пошли и встали среди народа, собравшегося на площади. Посмотрели — видят, что едет всадник, одетый с ног до головы в черную одежду, направляется на площадь и говорит соколу:

4. «О прекрасный сокол, изящно летающий, мы тебя вывели из теплого гнезда, твои предки много раз поднимались в небо, смотрели кругом, делали благородное дело — сажались на голову человека, достойного быть царем, и народ избирал его своим царем. На сей раз пришла твоя очередь подняться в небо и найти человека, достойного быть царем нашего города».

5. Когда сокольник так сказал, сокол взлетел в небо, чтобы найти царя для города. Он кружил над народом, смотрел, снова поднимался в небо и кружил над народом. Каждый хотел, чтобы сокол сел на его голову. Сокол только летал и летал. Наконец он сел на голову Джодыра. Люди подняли крик, говорили: «Нельзя, чтобы чужой человек стал нашим царем».

6. Сокольник взял сокола и снова пустил. Сокол поднялся высоко, летал, летал и сел на голову Джодыра. Одни люди говорили: «Видно, такова воля бога, чтобы он был нашим царем», другие говорили: «Нельзя, надо еще раз пустить сокола, если и на этот раз он сядет на его голову, то мы его сделаем своим царем».

7. Сокольник опять отпустил сокола. Сокол опять сел на голову Джодыра. Люди хлопали руками, сказали: «(Он) наш царь, пусть царство его будет благословенно». Взяли Джодыра, посадили на царский престол, надели на его голову царскую корону; все знатные люди города пришли, поздравили его и благословили. Царь Джодыр сделал своего брата Бадыра своим министром, и они начали спокойно жить.

8. Визири и знатные люди города женили Джодыра, привели для него красивую девушку. Однако прошел год, и у нее не было детей. Царь видит, что у него нет наследника, чтобы занять его место. Проходили дни за днями. Они стали печалиться. Никого не было, чтобы рассказать о своем горе, никто не предложил средство излечения их страдающего сердца. Они стали грустить и печалиться.

9. Однажды дервиш пришел ко дворцу царя Джодыра, была у него в руке дубина и на плече *кашкул*¹⁰. Он хотел войти во дворец царя. Слуги царя не пустили его во дворец. Дервиш сказал: «До тех пор, пока я не увижу жену царя, я не уйду». Жена царя госпожа Синам (была) на балконе, она услышала голос дервиша. Она спросила: «Что такое?»

10. Слуги сказали: «Это дервиш, говорит, до тех пор, пока я не увижу жену царя, я не уйду». Госпожа Синам говорит: «Что ты хочешь?» Дервиш говорит: «Всё у вас в порядке, много у вас богатства, однако нет у вас детей, этому я очень огорчен, я пришел, чтобы помочь вам». Дервиш вынул из своего *кашкула* яблоко и сказал: «Это яблоко раздели на две части, одну часть ты съешь, другую пусть съест твой муж». Так он сказал и исчез. Вечером пришел царь Джодыр. Госпожа Синам это рассказала царю и дала ему яблоко. Царь Джодыр поделил яблоко на две части, одну часть сам съел, другую отдал своей жене. Они легли спать. Утром встали, царь пошел в свой дворец, а госпожа Синам пошла по своим делам. Прошло время.

12. Однажды госпожа Синам почувствовала, что она беременна. По городу прошел слух о том, что жена царя беременна. Все этому радовались. Прошли девять месяцев, у Синам родился сын. Люди обрадовались, устроили веселье и торжество. Они пошли радоваться своему счастью, (желаю) тебе тоже радоваться своему счастью.

[Батуми, со слов Саманда Мустафы заза 60-ти лет записано Канате Курдо в 1939 г.].

Metelokê zaravê zazan¹¹

1. Girg ze varîşra bitirso, bo xo hêlîl dirist keno.
2. Vula sor bê dirî nêbo.
3. Zuwanê şîrîn mar k'wînîra der keno.
4. K'esê rûto, qise pûto.
5. Qiseyê weş vaje bi dijminan, paryê weş bide bi dostan.
6. Aqil t'acê zêrîno, serê nemî k'esda çinîno.
7. Êla ma girano, namê axa begano.
8. K'iwî bê weher wêrano.
9. Eke ga bik'ewo, k'êrd tîra tîj biyêro.
10. Mebe dostê cina pîr, bi tiw biyêra qîr u sîr.
11. Roç yenî bost, dijmin nê yenî dost.
12. Mîyêr bi lingê xo, biz bi linge xo, her k'es bi îşê xo.
13. Vengî dehol ze durîra weşo.
14. Destê t'emel ser pizê rûto.
15. Qande ze hemra dûr, bi hem gul u nûr
16. Berxê nêr sa k'êrdo.

¹⁰ Сума для сбора подаяний.

¹¹ Источник не указан.

17. Girgê t'êr haj girgê veyşan çino.
18. Teyrê bê bask nê teyro.
19. Destê tena veng tîra nê yeno,
20. Gêjê girgan nê biyerî biran.
21. Zuwanê pîrecinan zuwanê maran.
22. Eke beq nê qîre, bidiro.
23. Xalan biraz bilind kirdî, maman biraz win kirdî.
24. Haş zano k'e garis bê seqelo, garis zî zano, k'e haş bê didano.
25. Esparê t'ena t'oz ra nê keno.
26. Diz ze dizanra dizî, erd u esman lerizî.
27. Lacî bê rê k'îwî bawkê xo wêran keno.
28. Nav şewê payizan niwî weşo mav p'aşla kîjan
29. Cina p'îs ver dan lazimo.
30. Cêla rêxazî namê dêw p'îs kena.
31. Dijiminê bê aqil ze dostê aqilra holotiro.
32. Sîrûn mewerne, bîn zi tiwêra nê yeno.
33. Hero, memire heta once şîn byero.
34. Yew merdî bî, wextê nanê ayî bî do nê bî, wextê do bî nan nê bî, wextê her dî bî, aw k'îwîda nê bî.
35. Merdimê veyşan bî yarê daka xoîra vajo — bawko.
36. Zerê tirsinok sînga sipî nê veyno.
37. Dîzkê va: “binê min zêrîno”. kewçî va “ez ze k'otîra yenam.
38. Zêr di zik'akanda win nê bîyêro.
39. Espê baş werekê xo zîyad keno.
40. Dar çino, ba lê nê do.
41. Gelî k'wîr bê aw nê byerî,
42. Şîrê payîzan bide ezîzan, şîrê veharan bide yaran.
43. Dikeşêrê bextê min ver jêr veng da.
44. Merdim bi destek çwar zeweşan hur nê giro.
45. Ha vaje-vaje, zuwanê tiw dirêja.
46. Dinya yew vulgo, vîn ke, bide hevalê xo.
47. Wêran kerdin reheto, ava kerdin zehmeto.
48. Mêşa cuda bo, wereke girgana.
49. Nê şîrin be, xelq tiw biwenî, nê tal be, xelq tiw bawêjo.
50. Eke tiw wezî lacê xo bikenî mêrd, bike şîwan, lakîn zû bikar, k'e ne byêro heywan.
51. Min mêrdê xo erşawt seferê, a gera sa herê verê.
52. Bira birayo, bazar cudayo.
53. Xezebî biz yeno, çaxo k'e nanê şîwan wena.
54. Asinî sard bi yau fû nerm nebo.
55. Au hergoşê vindîye girono.
56. Bi herîra va: “yau çaç tira bîye, va: “barê mi giran bî”.
57. Bi destî xelq mar t'epişêna
58. Eke p'işîng malda nêba, k'ayî mişkano
59. Auk se kanîy sereîra lêla.
60. Bi au u atir amin mebe.
61. Eke tu nê bî yarî mi, ella saz keno girwê min.
62. Eke kutik nê bo, virg ti weno.

Пословицы и поговорки

1. Если бы волк боялся дождя, то он сделал бы себе берлогу.
2. Красная роза без колючек не бывает.
3. Сладкий язык выводит змею из нор.
4. Кто гол, у того слова (весом) пуд.
5. Приятное слово скажи врагам, а кусок хлеба дай друзьям.
6. Ум — золотая корона, не у всех на голове.
7. Племя наше великое, слава (ходит) о господах и князьях.
8. Дом без хозяина в разорении.
9. Если бык упадет, то для него ножи станут острыми.
10. Не будь другом старой женщины, она не отстанет от тебя, как смола и чеснок.
11. День становится пядью (коротким), враги не станут друзьями.
12. Овца своей ногой, коза своей ногой, каждый по своим делам.
13. Звук барабана издали приятен.
14. У ленивого рука лежит на пустом животе.
15. Чем дальше друг от друга, тем милее друг другу.
16. Ягненок-самец — для ножа.
17. Сытый волк не разумеет о голодном волке.
18. Птица без крыльев — не птица.
19. Одной рукой хлопка не получится.
20. Детеньши волков не станут (человеку) братьями.
21. Язык старух — язык ядовитых змей.
22. Если лягушка не будет квакать, то она лопнет.
23. Дяди (по материнской линии) вырастили племянников, а дяди (по отцовской линии) погубили племянников.
24. Медведь знает, что кукуруза без остей, ость же знает, что медведь без зубов.
25. Один всадник не поднимет пыли.
26. Вор украл у вора, земля и небо задрожали.
27. Беспутный сын разоряет отцовский дом.
28. В осенние ночи сон приятен в объятиях девушек.
29. Плохой жене нужно (дать) развод.
30. Поганая корова портит славу села.
31. Умный враг лучше, чем глупый друг.
32. Не ешь чеснока, не будет запаха от тебя.
33. Осел, не сдыхай, пока клевер не вырастет.
34. Был (какой-то) человек. Когда у него (в доме) был хлеб, пахты не было, когда была пахта, хлеба не было, когда были пахта и хлеб, в доме воды не было.
35. Голодный человек возлюбленному своей матери скажет: «Папа».
36. Сердце трусливого человека не увидит белую грудь (девушки).
37. Котел сказал: «Мое дно золотое», а ложка сказала: «Я откуда иду» (т.е. «я-то знаю»).
38. На улице золото не пропадет.
39. Хороший конь еду (корм) себе прибавляет.
40. Нет дерева, на которое не дул ветер.
41. Глубокие ущелья не бывают без воды.
42. Осеннее молоко дай любимым, а весеннее молоко — друзьям.
43. Петух моего счастья запел опустив (голову).
44. Человек одной рукой не поднимет четыре арбуза.

45. Ну, говори, говори, у тебя язык длинный.
46. Мир (вселенная) — роза, понюхай, отдай товарищу своему.
47. Разрушать легко, строить трудно.
48. Если овца оторвется (отстанет) от стада, то она будет жертвой волка.
49. Не будь сладким, народ тебя съест, не будь горьким, народ сбросит тебя.
50. Если ты хочешь сделать сына человеком, то сделай его пастухом, сделай это скорее, а то он станет скотиной.
51. Я своего мужа отправила в путешествие, вернулся он прежним ослом.
52. Брат есть брат, а базар отдельно.
53. Смерть приходит козе, когда она съест хлеб пастуха.
54. Холодное железо одним дуновением не станет мягким.
55. Он ловит уставшего зайца.
56. Ослице сказали: «У тебя родился осленок», она сказала: «У меня прибавился груз».
57. (Он) чужими руками ловит змею.
58. Если кошки не будет дома, то мышам будет веселье.
59. Вода бывает мутной от источника.
60. Не доверяйся воде и огню.
61. Если ты не станешь мне другом, то бог устроит мое дело.
62. Если не будет собак, то волки сожрут тебя.

Hey varanê

1. Hey varanê, hey varanê,
2. Hey varanê, tiey varanê,
3. Hey xerabê, hey wêranê.
4. Înê varan çi kerd, çi kerd,
5. Hînê vara, şemî a kird,
6. Xêlîya bûkê bê feyda kerd,
7. Çi varana beharan,
8. Hîwê dayo vergê daran,
9. Hewn weş biyo p'axlê yaran,
10. Çi varana ser payzan,
11. Hîwê dayo vergê gwîzan,
12. Hewn weş biyo p'axlê kîjan.
13. Ewşew şewa varanê,
14. Gowend gera heywanê,
15. K'autam destê Seyranê.

Gozelê, bimeş

1. Gozelê bimeş, bimeş, bimeş
2. Bawkê tiw mirdo, canê min weş,
3. Gozel şîya k'îwî verjêr,
4. Gozel şîya k'îwî verjêr,
5. Gozel weş yeno, weş yena,

Ой, дождик!

- Ой, дождик, ой, дождик!
 Ой, дождик, ой, дождик!
 Ой, проклятый, ой, негодный,
 Этот дождик что натворил, что натворил.
 В пятницу шел, в субботу перестал.
 Помешал устроить свадьбу невесты¹².
 Что за весенний дождь,
 Луна освещает листья на деревьях,
 Приятен стал сон в объятиях возлюбленных.
¹³
 Луна освещает листья ореховых деревьев,
 Приятен стал сон в объятиях девушек.
 Эта ночь — ночь дождей,
 Хоровод был на балконе,
 Я попал в руки Сейран.

Иди, Гозал!

- О Гозал, иди, иди, иди!
 Умер твой отец, освободил мою душу.
 Гозал пошла в нижний дом,
 Гозал пошла в нижний дом,
 Гозал приятно пахнет, приятно пахнет,

¹² Букв.: свадебное головное покрывало (сделал бесполезным).

¹³ Перевод данной строки отсутствует.

6. Bînê memkan weş yena,
7. Gozelê destê xo da mino,
8. Atir k'auto zirê mino.
9. Bejna Gozela min zirava,
10. K'êwî bawkî ayî xerava,
11. Min weşt, nê da, qelen zevo.
12. Gozelê derdê min girano,
13. Gozelê derdê min girano,
14. Derdê ziran bê dermano.

К'êwî ma cîrana kêwî şima bî

K'eynê, k'êwî ma kiştî kêwî şima bî
 K'êwî nav bax u bostan bî,
 Siyê darî ver min tiw dîyo,
 Silavî şîrin bi tiw kerdo,
 Keynê, zerê min zerî bî kovano,
 Ma ser bîyo mij u dumano
 Ma ser kenî zehf botano.
 Ez şîyan deşta Semerê,
 Ma şîman awkî veharê,
 Zirê min k'awte keyna cîranê,
 Lawko, zerê min zerî bi derdo,
 Xelkî ver nê xever de,
 Lawa kenam, dest minîra ver de,
 Keynê, esker ame bi hing u dingo,
 Hem ecemo, hem firingo,
 K'es çîno bikero vengo,
 Keynê, ez neweşam, neweşê nav nivînê,
 Cihê min dane ver kulînê,
 Ma k'êf nê kerd rû nê dinê.

[Ji zarê Cimşît bi destî.
 Q. Kurdo hatîye mivîsandin]

От (ее) груди исходит аромат.
 Гозал дала мне свою руку,
 Огонь охватил мое сердце,
 Стан моей Гозал тонок,
 (Пусть) рухнет дом ее отца,
 Я просил, (он) не отдал, калым большой,
 О Гозал, мое горе велико,
 О Гозал, мое горе велико,
 Горе сердец неизлечимо.

Мы с вами соседи¹⁴

[О девушка], наш дом рядом с вашим домом,
 Дом (наш) в садах и огородах,
 В тени дерева я увидел тебя,
 Радостно¹⁵ приветствовал тебя,
 О девушка, мое сердце в горести и печали,
 Окутали нас облака и тучи,
 Много злословят о нас,
 Я пошел в степь Самар,
 Я выпил весеннюю воду,
 Влюбился в дочь соседа,
 «О юноша, мое сердце — печальное сердце,
 При людях не говори (об этом),
 Я прошу, оставь меня».
 О девушка, пришло войско [с шумом и звоном],
¹⁶
 Все боятся сказать слово¹⁷.
 О девушка, я болен, лежу в постели,
¹⁸
 Мы не наслаждались на этом свете.

[Со слов Джемшита
 рукой К. Курдо записано].

Литература

- ИДГКЯ 1999 — Историко-диалектологическая грамматика курдского языка. СПб., 1999.
 Курдоев 2014 — *Курдоев К.К.* Краткий историко-этнографический очерк о курдах заза / Предисл. и публикация *З.А. Юсуповой* // Письменные памятники Востока. 2014. № 1(20). С. 180–200.
 Лерх 1856–1858 — *Лерх П.* Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях. Кн. I–II. СПб., 1856–1858.

¹⁴ Букв.: Наш дом — сосед вашего дома.

¹⁵ Букв.: сладко.

¹⁶ Перевод данной строки отсутствует.

¹⁷ В тексте: нет никого сказать слово.

¹⁸ Перевод данной строки отсутствует.

- Маккензи 1963 — *Маккензи Д.Н.* Курманджи, курди и гурани // Народы Азии и Африки. № 1. М.: Наука, 1963. С. 162–170.
- Пирейко 1997 — *Пирейко Л.А.* Заза // Основы иранского языкознания. М.: Наука, 1997.
- Смирнова, Эйюби 1998 — *Смирнова А.И., Эйюби К.Р.* Курдский диалект заза / Отв. ред. З.А. Юсупова. М.: Центр курдских исследований, 1998.
- Mann 1932 — *Mann O.* Mundarten der Zâzâ, hauptsächlich aus Siwerek und Kor. Bearbeitet von Karl Hadank. Berlin, 1932.
- Todd 1985 — *Todd T.L.* A Grammar of Dimli (also known as Zaza). Michigan: University, 1985.

References

- Istoriko-dialektologicheskaja grammatika kurdsogo iazyka* [An Historical and Dialectological grammar]. St. Petersburg, 1999 (in Russian).
- Kurdov K.K. “Kratkii istoriko-etnograficheskii ocherk o kurdakh zaza” [A Brief Historical and Ethnographical Essay on the Zaza Kurds. Preface and Publication by Z.A. Yusupova]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 1(20), 2014, pp. 180–200 (in Russian).
- Lerkh P. *Issledovaniia ob iranskikh kurdakh i ikh predkakh, severnykh khaldeiakh* [A Study of the Iranian Kurds and Their Ancestors, Northern Chaldeans], vol. I–II. St. Petersburg, 1856–1858 (in Russian).
- Makkenzi D.N. “Kurmandji, kurdi i gurani”. *Narody Azii i Afriki*, 1, 1963, pp. 162–170 (in Russian).
- Pireyko, Liya. “Zaza”. In: *Osnovy iranskogo iazykoznaviia* [The Basics of Iranian Linguistics]. Moscow: Nauka, 1997 (in Russian).
- Smirnova A.I. and Eiyubi K.R. *Kurdskii dialekt zaza* [Kurdish Dialect zaza]. Moscow, 1998 (in Russian).
- Mann, Oskar. *Mundarten der Zâzâ, hauptsächlich aus Siwerek und Kor.* Bearbeitet von Karl Hadank. Berlin, 1932 (in German).
- Todd, Terry Lynn. *A Grammar of Dimli (also known as Zaza)*. Michigan: University, 1985 (in English).

K.K. Kurdoev

Texts in the Zaza Dialect from the Region of Batumi

Introduction, Publication and Commentary by Zare A. Yusupova

(*Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp.96–121)

Received 21.11.2017.

Zare A. Yusupova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The publication presents transliterations of folklore texts in the Kurdish dialect of Zaza and their Russian translations. The texts are extracted from the manuscript of K.K. Kurdoev's unpublished work: “A Study in Zaza”, which is kept at the Archives of the Institute of Oriental Manuscripts. They were recorded by the author in 1939 (during his trip to Soviet Ajaria) from native Kurdish Zaza-speakers, refugees from Turkey who at that time resided in the Western outskirts of Batumi. The publication of these new materials related to Zaza is highly important, since in scholarly literature, Zaza is not always classified among Kurdish dialects and considered a separate language.

Key words: K.K. Kurdoev, the Kurdish language, Zaza dialect, texts, transcription.

About the author:

Zare A. Yusupova, Dr. Sci. (Philology), Counselor of IOM RAS (orinst@mail.ru).

**Всероссийская междисциплинарная научная конференция
с международным участием
«Российские гималайские исследования:
вчера, сегодня, завтра»
(Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2017 г.)**

Т.В. Ермакова
Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030093

Ключевые слова: Гималайский регион, Непал, буддизм, индуизм.

Статья поступила в редакцию 11.07.2018.

Ермакова Татьяна Викторовна — канд. философских наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (taersu@yandex.ru).

© Ермакова Т.В., 2018

Всероссийская междисциплинарная научная конференция с международным участием «Российские гималайские исследования: вчера, сегодня, завтра» была организована Центром гималайских научных исследований Санкт-Петербургского союза ученых (ЦГНИ СПбСУ). Для уточнения концепции этого междисциплинарного мероприятия — несколько слов о замысле институционального оформления гималайских исследований в Санкт-Петербурге. Первоначально на базе СПбСУ формировались естественно-научные экспедиции в Гималаи (2010, 2011, 2013), укомплектованные биологами, зоологами, ботаниками. Естественно-научные задачи дополнялись научно-историческими — пути экспедиций СПбСУ частично пересекались с маршрутами центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха, что позволило исследователям провести сравнительно-исторический анализ ландшафта и биосферы Западных Гималаев. По мере накопления экспедиционных материалов, направляемых в профильные институты РАН и вузы Санкт-Петербурга, актуальным стал вопрос координации работы, привлечения ученых других специальностей. Принципиально новым организационным этапом стало формирование Центра гималайских научных исследований Санкт-Петербургского союза ученых. Руководителем центра был избран один из основателей СПбСУ, биолог, историк российских экспедиций в Центральную Азию и организатор гималайских экспедиций СПбСУ к.б.н. Л.Я. Боркин. Положительный отклик Русского географического общества на эту инициативу послужил

стимулом к активной работе по созданию информационной базы ученых разных специальностей, занимающихся исследованием Гималайского региона не только в естественно-научном, но и в религиоведческом, филологическом, историко-культурном аспектах.

В результате в Оргкомитет конференции вошли представители научных учреждений гуманитарного профиля и был представлен обширный блок докладов, отражающих современное состояние исследований культуры гималайских этносов в широком диапазоне проблематики.

В конференции приняли участие 39 исследователей из Санкт-Петербурга, 28 — из Москвы, по два из Екатеринбурга и Краснодара. По одному человеку — из Барнаула, Воронежа, Магадана, Оренбурга, г. Пущино Московской области, Улан-Удэ, г. Холм Новгородской области. Тематика конференции привлекла внимание иностранных ученых, прибывших из Казахстана, Китая, Непала, Швейцарии. Такой состав участников обеспечил хорошие возможности для междисциплинарных и международных контактов.

Междисциплинарный статус конференции определил секционную структуру заседаний. В актовом зале Русского географического общества было проведено два пленарных и два востоковедных заседания с освещением гималайской проблематики в дисциплинарных рамках религиоведения, искусствоведения, языкознания. Работа секции естественных наук (зоология, ботаника, геология, география) проводилась в Зоологическом институте РАН.

Цель данного обзора — осветить работу секции востоковедения, на которой было заслушано и обсуждено более 20 докладов и сообщений.

В тематическом блоке «История путешествий и исследований» были рассмотрены организационные рамки и научные результаты путешествий и экспедиций в Гималаи, предпринимавшихся российскими учеными, вехи истории гималайских исследований.

А.И. Андреев (д.и.н., СПб. филиал Института истории естествознания и техники РАН, группа по истории изучения Центральной Азии — Музей-квартира П.К. Козлова) в докладе «Через Тибет в Гималаи: неосуществленный план путешествия Н.М. Пржевальского» рассмотрел «Большую игру» как фактор сдерживания российской экспедиционной активности в направлении Южного Тибета. Несмотря на то что Пржевальскому не удалось достигнуть Лхасы, его маршрутные разработки вдохновляюще повлияли на следующее поколение путешественников.

Коллективный доклад «Из Британской Индии в Фергану (1898): полевые наблюдения и сборы капитана Генерального штаба В.Ф. Новицкого в Кашмире и Ладаке» был подготовлен Л.Я. Боркиным (к.б.н., ЗИН РАН), А.В. Андреевым (Институт биологических проблем Севера ДВО РАН, Магадан), Б.К. Ганнибалом (к.б.н., БИН РАН), С.Н. Литвинчуком (к.б.н., Институт цитологии РАН). Все докладчики — активные участники экспедиций Центра гималайских научных исследований СПбСУ.

В докладе был проведен сравнительный анализ сведений о природе Западных Гималаев, собранных В.Ф. Новицким, и результатов экспедиций ЦГНИ СПбСУ. В докладе была освещена биография В.Ф. Новицкого (1869–1929) и подчеркнута, что после 1917 г. опытный деятель Генерального штаба продолжил военно-административную и преподавательскую работу, в последнее десятилетие своей жизни служил в Военной академии РККА.

В докладе Т.В. Ермаковой (к.филос.н., с.н.с. ИВР РАН) «Б.Х. Ходжсон как пионер комплексного обследования Гималайского региона» были освещены направления

страноведческой работы английского резидента в Катманду и его вклад в пополнение европейских древлехранилищ непальскими рукописями.

Л.А. Стрельцова (СПбГУ, Восточный факультет) в докладе «Непал в трудах отечественных востоковедов» осветила научный вклад И.П. Минаева и обосновала периодизацию истории непаловедения в России.

Образцам культурного наследия гималайского региона в российских и зарубежных музеях было посвящено четыре доклада.

М.Ф. Альбедиль (д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) в докладе «Гималайский регион: отражение в коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН» обозначила направления работы с гималайскими коллекциями, подробно рассказала, какой вклад в пополнение буддийских коллекций МАЭ внесли И.П. Минаев, С.Ф. Ольденбург, Э.Э. Ухтомский.

Ю.И. Елихина (к.и.н., Государственный Эрмитаж) выступила с докладом «Непальские произведения в тибетской коллекции Государственного Эрмитажа». Она охарактеризовала частные собрания, на основе которых сложился современный состав эрмитажной тибетской коллекции. Это образцы буддийской художественной культуры, собранные Э.Э. Ухтомским, П.К. Козловым, А.К. Фаберже, Б.И. Панкратовым, дары семье Николая II. Однако, подчеркнула Ю.И. Елихина, непальские артефакты в XIX в. были малодоступны российским путешественникам, и второй исторический пласт коллекции — это произведения современной непальской пластики и живописи. В рамках визуальной презентации наиболее представительных образцов были охарактеризованы технико-технологические аспекты изготовления непальской буддийской пластики.

М.Ф. Федорова (н.с. Российского этнографического музея) в докладе «Тибетские коллекции в собрании Российского этнографического музея» рассказала об истории пополнения и составе тибетской коллекции РЭМ, охарактеризовала вклад коллекционеров и собирателей Э.Э. Ухтомского, А.В. Верещагина, Н.А. Любы и др.

С. Праджапати (Непал) представил доклад «Буддийские черты в скульптурных образах якши в Непале». На обширном иконографическом материале было показано, как в произведениях искусства отражался процесс буддо-индуистского синтеза как аспекта истории культуры Непала.

В своем докладе С.С. Тавастшерна (к.ф.н., доцент Восточного факультета СПбГУ) «Две непальские рукописи из рукописного фонда восточного отдела научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета» развил на конкретном материале актуальный аспект истории российского востоковедения — пополнение отечественных рукописных собраний.

Различным аспектам истории культуры гималайского региона было посвящено несколько больших докладов.

В докладе Н.Г. Альфонсо (Государственный музей Востока, Москва) «Непал–Тибет: кросскультурные контакты» были подняты базовые проблемы истории культурных контактов Тибета и Непала. Аргументировалась принципиальная роль буддизма в формировании устойчивых связей Непала, Тибета, Мустанга. На примере образцов художественной культуры, в частности тибетских икон *танка*, было продемонстрировано влияние культуры Индии на Непал.

Р.Н. Крапивина (к.и.н., ИВР РАН) выступила с докладом «От Гималаев до России: изучение текстов тибетского буддийского канона», в котором осветила значение текстов круга Праджняпарамиты для современного человека в аспекте формирования познавательной установки и тренировки мышления.

В.Н. Мазурина (Государственный музей истории религии) представила доклад «О некоторых особенностях религии в Непале». На основе письменных источников и своих полевых наблюдений докладчица продемонстрировала регионально-специфичные формы взаимодействия буддизма и индуизма в организации религиозной повседневности и архитектуре Непала.

Таким образом, опыт организации междисциплинарной конференции с широким представительством ученых-гуманитариев показал, что это эффективный подход к изучению такого сложного региона, как Гималаи.

По инициативе ЦГНИ СПбСУ тексты докладов, оформленные в виде статей, были опубликованы в сборнике научных трудов «Российские гималайские исследования: вчера, сегодня, завтра». Ред. Л.Я. Боркин. СПб.: Европейский дом, 2017.

**All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference
with Foreign Participation
“Russian Himalayan Research: Past, Present, Future”
(St. Petersburg, November 21–23, 2017)**

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 122–125)
Received 11.07.2018.

Tatiana V. Ermakova
Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18,
St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Himalayan region, Nepal, Buddhism, Hinduism.

About the author:

Tatiana V. Ermakova, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (taersu@yandex.ru).

3-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи»

(Санкт-Петербург, 1–2 марта 2018 г.)

Т.А. Пан

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S181180621803010X

Ключевые слова: Китай, Япония, Вьетнам, молодые востоковеды, Институт восточных рукописей РАН.

Статья поступила в редакцию 13.06.2018.

Пан Татьяна Александровна, канд. исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ptatiana@inbox.ru).

© Пан Т.А., 2018

1–2 марта 2018 г. в Институте восточных рукописей РАН была проведена 3-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи». Как и две предыдущие конференции¹, она была организована сотрудниками Отдела Дальнего Востока ИВР РАН совместно с Восточным факультетом СПбГУ и Институтом Конфуция при СПбГУ. Уже в третий раз конференция оправдала свои цели и задачи — стать научной площадкой для выступления молодых начинающих ученых, дать возможность представить свои исследования, послушать и обсудить доклады коллег.

На 3-ю Всероссийскую научную конференцию молодых востоковедов «Китай и соседи» было подано 32 заявки от студентов различных вузов страны, из которых 25 являлись представителями Санкт-Петербурга, остальные семь приехали из Москвы, Томска и Челябинска. Наибольшее число участников было с различных кафедр Восточного факультета СПбГУ — 10 человек, с кафедры философии и культурологии Востока Института философии СПбГУ — пять, факультета международных отношений СПбГУ — два, Исторического факультета СПбГУ — один, факультета экономики и мировой политики Школы востоковедения НИУ ВШЭ СПб. — четыре, из

¹ См.: Пан Т.А. 1-я научная конференция молодых петербургских востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 3–4 марта 2016 г.) // Письменные памятники Востока. 2016. Т. 13. № 3 (вып. 26). С. 139–142; она же. 2-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 16–17 марта 2017 г.) // Там же. 2017. Т. 14. № 3 (вып. 30). С. 139–141.

Санкт-Петербургского государственного Института культуры — один, Санкт-Петербургского политехнического университета — один и ИВР РАН — один человек. Иногородние участники были из МГУ (один), НИУ ВШЭ, Москва (два), МГИМО (один), Томского государственного университета (два) и Челябинского государственного университета (один).

Все доклады были распределены по семи секциям, которые работали в течение двух дней в Зеленом зале Института восточных рукописей РАН, и были посвящены следующим темам: историография и источниковедение (ведущая — к.и.н. Т.А. Пан), литературоведение (ведущий — к.и.н. В.В. Щепкин), современный Китай и соседи (ведущие — к.и.н. Ю.С. Мыльникова и к.и.н. Л.С. Веселова), современная культура и искусство Китая и Вьетнама (ведущая — к.и.н. М.А. Гулёва), религиоведение (ведущий — к.и.н. А.Э. Терехов), история Вьетнама и Камбоджи (ведущий — к.ф.н. Д.И. Маяцкий). Как и в прошлый раз, почти в половине докладов освещались средневековая история и культура изучаемого региона, несколько докладов были основаны на изучении памятников письменности Востока, их историографии и текстологии. Почти все доклады сопровождались презентацией и иллюстрациями.

Хотелось бы выделить совместный доклад студентов из Москвы Ивана Зайцева (МГУ) и Ильи Колнина (НИУ ВШЭ), объединивших данные китайской историографии и археологических находок в своем выступлении «Анализ описания земель нижней и верхней Мьянмы периода второй половины I тыс. н.э. по данным китайских источников». Среди докладчиков были и аспирантки первого курса обучения, которые сделали доклады на вполне высоком научном уровне, показавшем их свободное владение источниками и научной литературой: Номина Бальжинимаева «Эпистолярный жанр „дружеской переписки“ в эпоху Тан по материалам дуньхуанских *шуи*» и Полина Бузык «Указы императора Цяньлуна Далай-ламе VII Келзанг Гьяцо от 1750 г.: китайские и тибетские версии».

На этой конференции было сделано несколько интересных сообщений по китайской и японской литературе XX в. (М. Ефремова, А. Нарбутас, В. Касимова). Древность и современность соединились в докладе Т. Клементьевой «Проблема „врожденного знания“ Конфуция в контексте кампании критики „Линь Бяо и Конфуция“». Особенностью этого доклада является хорошее владение докладчицей материалом классических китайских текстов и их интерпретацией во время политической кампании XX в. Изобразительному искусству периода культурной революции был посвящен интересный доклад А. Поповой, сопровождавшийся большим количеством иллюстраций.

Поскольку конференция называется «Китай и соседи», то она включает и доклады, касающиеся пограничных с Китаем стран. В связи с этим можно выделить сообщения, посвященные Вьетнаму (А. Иванов, Н. Колотова, А. Гамазова, А. Шахигулин), Камбодже (М. Голышев, Е. Заикина, А. Паньшина), Корее (А. Минтич), Японии (В. Касимова), Индии (Н. Анфилова), языковой политике в Гуанси-Чжуанском автономном районе (С. Шалимова) и приграничному советско-китайскому конфликту (Е. Шадрин). Интересными и хорошо документированными были выступления по современной политике Китая: В. Круглова (МГИМО) «ШОС: сотрудничество в сфере безопасности» и Л. Кизиловой (Томский ГУ) «Африканское измерение в инициативе Китая „Один пояс — один путь“».

В конференции впервые приняли участие студент и аспирантка из КНР, которые на прекрасном русском языке сделали доклады по изучаемым ими темам: Лю Фан-

вэй — «Конфуцианство как вектор формирования дипломатии на примере Китая» и Сунь Ичжи — «Русский вопрос в Шанхае: социальное положение русских эмигрантов 1917–1922 гг.».

Разнообразная тематика докладов дала представление о направлении исследований и научных интересах молодых востоковедов. Следует отметить, что конференция вызвала большой интерес у студентов востоковедных факультетов города: на каждом заседании в зале присутствовало до 50–60 слушателей, большинство из которых были студентами Политехнического университета и разных факультетов СПбГУ. Всем докладчикам задавались вопросы, на которые нужно было ответить с уверенным знанием собственного материала.

Как и в предыдущие годы, Институт Конфуция при СПбГУ помог организаторам конференции обеспечить всех участников (докладчиков и слушателей) горячими обедами, которые были любезно предоставлены сетью ресторанов «Тан жен» в Санкт-Петербурге.

На заключительном заседании был сделан анализ прослушанных докладов, и ведущие секций высказали свои впечатления и замечания, были вручены сертификаты участника конференции и книги переводов китайской литературы. По результатам конференции был издан сборник «3-я Всероссийская конференция молодых востоковедов „Китай и соседи“, 1–2 марта 2018 г., Санкт-Петербург» (СПб.: ЛЕМА, 2018). Составители сборника (Т.А. Пан, Ю.С. Мыльникова и В.В. Щепкин) в предисловии отметили, что представленные сообщения имеют разный научный уровень и для некоторых из участников они являются их первыми публикациями. Как и в предыдущих опубликованных материалах конференции, составители полностью полагались на научную редакцию научных руководителей докладчиков, имена которых указаны к каждой статье.

Очередная конференция «Китай и соседи» показала заинтересованность молодых востоковедов в обмене опытом и практике научной презентации своего материала. Следующая конференция запланирована на март 2019 г.

The 3rd All-Russian Scientific Conference of Young Orientalists “China and the Neighbors”

(St. Petersburg, March 1–2, 2018)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 126–128)

Received 15.04.2018.

Tatiana A. Pang

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: China, Vietnam, Japan, young orientalists, Institute of Oriental manuscripts, RAS.

About the author:

Tatiana A. Pang, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ptatiana@inbox.ru).

Академик В.П. Васильев (1818–1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии.
К 200-летию со дня рождения
 (Санкт-Петербург, 4 апреля 2018 г.)

И.В. Кульганек

Институт восточных рукописей РАН

Т.А. Пан

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030111

Ключевые слова: В.П. Васильев, Китай, Тибет, Монголия, ИВР РАН.

Статья поступила в редакцию 10.07.2018.

Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kulgan@inbox.ru)

Пан Татьяна Александровна, канд. исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ptatiana@inbox.ru).

© Кульганек И.В., 2018

© Пан Т.А., 2018

4 апреля 2018 г. в Институте восточных рукописей (ИВР) РАН состоялась юбилейная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения выдающегося востоковеда академика В.П. Васильева. Закончив магистратуру Казанского университета, он 10 лет провел в Пекине в качестве ученика Пекинской духовной миссии, совершенствуя свои знания в истории и культуре Китая и народов, населявших Цинскую империю. В 1850 г., по возвращении из Китая В.П. Васильев стал профессором кафедры китайской и маньчжурской словесности Казанского университета и продолжал преподавать в Санкт-Петербургском университете с 1855 г. до конца своей жизни. В.П. Васильев был деканом Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1878–1893) и академиком Петербургской Академии наук (1886 г.; член-корреспондент с 1866 г.).

Круг научных интересов Василия Павловича Васильева был необычайно широк — им написаны фундаментальные работы по различным аспектам истории, культуры, литературы, этнографии, религии Китая, Монголии и Тибета. Благодаря усилиям

В.П. Васильева собраны большие востоковедные коллекции книг и рукописей на дальневосточных языках.

Отмечая 200-летие акад. В.П. Васильева, докладчики постарались осветить различные стороны педагогической и научной деятельности ученого. На однодневной конференции, приуроченной к 200-летию Азиатского Музея / Института восточных рукописей, присутствовали 24 участника из различных вузов и научных организаций Санкт-Петербурга, Москвы и Казани. Было заявлено 14 докладов, однако прослушано 12, тематически распределенных по трем секциям.

На утреннем заседании (председатель — к.и.н. Т.А. Пан) д.и.н. проф. Р.М. Валеев (Казанский федеральный университет) представил совместный доклад (Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, Д.Е. Мартынов, Р.Г. Федорченко) «Формирование университетского китаеведения в Казани и В.П. Васильев (1837–1855 гг.)», в котором по архивным документам воссоздал становление востоковедных дисциплин в Казанском университете и первые годы преподавания В.П. Васильева в Казани. История рода Васильевых в четырех поколениях была прослежена к.и.н. В.Ю. Жуковым (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет) и д.и.н. И.В. Кульганек (ИВР РАН) в совместном докладе «Академик В.П. Васильев и его потомки: эскиз генеалогического древа». СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность В.П. Васильева в период его пребывания в Пекине и его вклад в создание коллекции китайских книг в библиотеке Восточного факультета были освещены к.ф.н. Д.И. Маяцким (Восточный факультет СПбГУ) в сообщении «Вклад акад. В.П. Васильева в формирование фонда редких китайских книг Научной библиотеки Петербургского университета и изучение истории книжных поступлений». Д.и.н. В.Л. Успенский (Восточный факультет СПбГУ) в докладе «Малоизвестные аспекты научной деятельности академика В.П. Васильева» остановился на деятельности академика в области монголоведения и тибетологии, которая не прекращалась до конца его долгой жизни, однако не привлекала большого внимания позднейших исследователей. СобираНИЕ и изучение книг на монгольском и тибетском языках были наиболее увлекательными и значимыми в научной жизни ученого.

На дневном заседании (председатель — д.и.н. В.Л. Успенский) д.и.н. Р.М. Валеев в совместном докладе (Д.Е. Мартынов, Р.М. Валеев) «Пекинский период жизни В.П. Васильева в материалах Государственного архива Республики Татарстан» представил материалы, хранящиеся в Казани, о 10 годах пребывания В.П. Васильева в Китае. Методика преподавания и материалы, по которым велись занятия, — «Хрестоматия маньчжурского языка» и «Маньчжурско-русский словарь» Васильева, — были освещены в докладе к.и.н. Т.А. Пан «В.П. Васильев как преподаватель маньчжурского языка». Лексикографические исследования В.П. Васильева и их место в истории китаистики были продолжены в докладах к.ф.н. К.А. Кожа (ИВ РАН, Москва) «„Голосовая система китайской письменности“ Ж.-М. Каллери, замечания к ней о. Иакинфа (Бичурина), критическая переоценка В.П. Васильевым: три грани одного вопроса» и профессора Центра исследования зарубежного китаеведения при Пекинском университете иностранных языков Лю Жомэй «Первые словари китайского языка, опубликованные русскими китаеведами». Продолжение научных идей В.П. Васильева осуществлялось в работах ученых на протяжении столетия, в частности, буддийской терминологии был посвящен доклад к.и.н. А.В. Зорина «К терминологии дхарани (в развитии идей В.П. Васильева)».

На вечернем заседании (председатель — д.и.н. Р.М. Валеев) было прослушано три доклада. Консультантской деятельности И.И. Захарова, ученика В.П. Васильева, и значе-

нию Кульджи для Российской империи был посвящен доклад к.и.н. Р.Ю. Почекаева (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», СПб.) «Между двумя империями: правовое положение Кульджи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (по запискам русских путешественников)». Работам членов Пекинской духовной миссии, которые были знакомы В.П. Васильеву и в определенной мере повлияли и на его исследования, были посвящены два доклада. Китайская аспирантка филологического факультета СПбГУ Чэнь Шэннань представила сообщение «Сравнение двух переводов книги „Сань цзы цзин“, сделанных в кругу И.К. Россохина», а аспирант Отдела Дальнего Востока ИВР РАН Д.В. Цветков — «Сюжет об отроке Сян То в творчестве И.К. Россохина». Оба докладчика говорили об особенностях русских переводов, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга.

Из-за невозможности приехать в Санкт-Петербург докладчиков два заявленных сообщения не были прочитаны: директора Этнографического музея Казанского университета Е.Г. Гущиной («Коллекции О.М. Ковалевского и В.П. Васильева в собрании Кабинета редкостей Императорского Казанского университета») и д.и.н., заведующего кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, профессора Красноярского государственного педагогического университета В.Г. Дацышена («О.М. Ковалевский — китаевед и учитель синолог В.П. Васильева»). Однако тезисы этих докладов включены в опубликованный сборник материалов конференции: Академик В.П. Васильев (1818–1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения. 4 апреля 2018 г. Программа и тезисы Всероссийской научной конференции / Сост. Т.А. Пан, И.В. Кульганек. СПб.: Свое изд-во, 2018. 40 с.

**Academician V.P. Vasiliev (1818–1900) as an Explorer of Chinese, Tibetan and Mongolian History and Culture.
To the 200th Anniversary of His Birth**

(St. Petersburg, April 4, 2018)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 129–131)
Received 10.07.2018.

Irina V. Kulganek

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Tatiana A. Pang

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: V.P. Vasiliev, China, Tibet, Mongolia, IOM RAS.

About the authors:

Irina V. Kulganek, Dr. Sci. (Phylology), Researcher-in-Chief, the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (kulgan@inbox.ru).

Tatiana A. Pang, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ptatiana@inbox.ru).

Юбилейная сессия петербургских арабистов — 40 лет на страже арабистической науки (Санкт-Петербург, 9–11 апреля 2018 г.)

Е.В. Гусарова

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030123

Ключевые слова: Ближний Восток, Арабский мир, арабский язык, востоковеды, Институт восточных рукописей РАН.

Статья поступила в редакцию 25.06.2018.

Гусарова Екатерина Валентиновна, канд. исторических наук, научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ekater-ina@mail.ru).

© Гусарова Е.В., 2018

В начале апреля в Институте восточных рукописей прошла юбилейная, XL сессия петербургских арабистов, приуроченная к 200-летию Азиатского Музея Императорской Академии наук. Сороковой юбилей ежегодного проведения сессии на берегах Невы — важная дата для отечественной востоковедной науки. Первая сессия арабистов прошла в Ленинграде в 1976 г.¹ Идея организации таких встреч, на которых сотрудники различных организаций, связанные общей тематикой научных изысканий, могли бы делиться опытом и знакомиться с работами коллег, принадлежала выдающемуся отечественному арабисту к.ф.н. Петру Афанасьевичу Грязневичу. Сессия мгновенно приобрела популярность и продолжала неизменно проводиться до 1989 г. После двухлетнего перерыва, связанного с событиями в стране и мире, неблагоприятно отразившимися на научной жизни России, традицию в 1992 г. возобновил ученик П.А. Грязневича Сергей Алексеевич Французов². Изначально на этих встречах в основном обсуждались история и культура средневекового Арабского Востока. Со временем тематика востоковедной науки об Арабском Востоке расширялась, и в наши дни на повестку выносятся обширный спектр проблем, связанных с историей, литературой, культурой, языком, археологией и пр., отчасти выходящих за рамки классического востоковедения.

Программа XL сессии была напряженной, и за два дня было прослушано 30 научных докладов. В программе конференции приняли участие петербургские исследователи из ИВР РАН, СПбГУ, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, Государственного музея истории религии и НИУ ВШЭ, московские арабисты из ИВ РАН, РГГУ, МГИМО МИД РФ, а также почетный гость конференции, сотрудник филоло-

¹ О зарождении традиции проведения ежегодных встреч арабистов Ленинграда см.: *Пиотровский М.Б.* Первые десять сессий ленинградских арабистов // Письменные памятники Востока. 2006. № 2(5). С. 264–265.

² О традиции проведения сессии петербургских арабистов см.: *Французов С.А.* Детище Бутруса (сессии ленинградских/петербургских арабистов на страже традиций классического востоковедения) // Письменные памятники Востока. 2006. № 2(5). С. 254–263.

гического факультета Университета Бахрейна доктор ‘Умар ‘Абд ал-‘Азиз ал-‘Ани, сделавший доклад на арабском языке (с синхронным переводом главного научного сотрудника Отдела памятников ИВ РАН д.и.н. Д.В. Микульского).

Заседания проводились в Арабском кабинете им. академика И.Ю. Крачковского ИВР РАН (каб. 234 Ново-Михайловского дворца). В первый день — 9 апреля 2018 г., понедельник — на двух заседаниях было прочитано 15 докладов. На утреннем заседании председательствовал С.А. Французов, на дневном — Д.В. Микульский. Перед началом утреннего заседания с приветственным словом выступил С.А. Французов. Обсуждалась возможность в будущем перевести Сессию с двухдневного в трехдневный график работы по причине все большего количества докладов, заявляемых претендентами на участие.

Н.А. Добронравин (д.ф.н., проф., кафедра мировой политики факультета международных отношений СПбГУ) выступил с докладом «Арабские географические термины в Африке южнее Сахары». Как известный специалист по арабографичным текстам Африканского континента, докладчик осветил ряд географических терминов, встречающихся в текстах на арабском языке, и сравнил их с современными топонимами. В частности, было выявлено, что современный Судан получил это название со времен экспедиции Мухаммеда Али.

Л.В. Горяева (к.ф.н., Отдел памятников ИВ РАН) выступила с докладом «Картина мира в энциклопедическом своде Нуруддина ар-Ранири Бустан ас-салатин (XVII в.)», посвященным письменному наследию этого видного представителя малайской словесности XVII в. Докладчик остановилась на делении глав и содержании данного свода, особенностях использования в нем лексики для обозначения ландшафта, сторон света и пр.

А.А. Янковская (к.и.н., Отдел этнографии Австралии, Океании и Индонезии МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН) выступила с докладом «Забадж, Джаба, Джауа: Ява и Суматра в средневековых арабских текстах», где представила памятники средневековой арабской литературы — источники по истории малайского мира. Обозначенные тексты освещают важнейший период в истории описываемого региона, охватывающий расцвет и упадок Шривиджайи, приход ислама, возвышение и закат Маджапахита и Малаккского султаната.

М.Ю. Илюшина (к.и.н., Департамент востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Спб.) выступила с докладом «Переписчики рукописей Азиатского Музея в мамлюкских биографических словарях». Были представлены колофоны ряда хранящихся в ИВР РАН списков мамлюкской эпохи и дан просопографический анализ упомянутых в них переписчиков и владельцев.

Д.В. Зайцева (аспирант Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН) представила доклад «Силахдар Джарбаш и его библиотека». Джарбаш, мамлюк, занимавший высокий придворный пост *силахдара* («хранителя оружия»), известен как заказчик ценнейшей рукописи (С 686) по военному делу, хранящейся в ИВР РАН. Докладчик осветила историю бытования этого списка и некоторые данные о составе собранной Джарбашем библиотеки.

Э.К. Ахматшина (к.полит.н., кафедра арабской филологии Восточного факультета СПбГУ) выступила с докладом «Жанр политического анекдота как образец арабского фольклора (на примере египетского массмедийного дискурса)». Она перенесла слушателей в ближайшее прошлое и подробно охарактеризовала основные сюжеты анекдотов, сложившихся на политической почве (в частности, на примере Египта). Анекдот, вышедший из фольклора, остается серьезным индикатором народных настроений.

Дневное заседание было открыто сообщением С.А. Французова (д.и.н., зав. Отделом Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН) «О хронологии первых лет ислама: к поста-

новке проблемы». До прихода ислама в Южной Аравии существовали различные лунно-солнечные календари с периодической интеркаляцией 13-го месяца. Подобный календарь существовал и в доисламской Мекке. По источникам известно, что им пользовались до прощального *хаджжа* Мухаммеда, пока Пророк не запретил интеркаляцию. В этом календаре *хаджж* и следующее за ним начало нового года всегда приходились на середину весны. Однако в синхронистических таблицах для первых десяти лет ислама календарные расчеты проведены по стандартному календарному расчету без 13-го месяца, что приводит к неточности передачи дат, в том числе *хиджры* Пророка.

М.А. Родионов (д.и.н., проф., Отдел этнографии Юго-Западной и Южной Азии МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) выступил с докладом «Семеро шахидов аш-Шихра: опыт политической зийары». Автор освещает подробности исторического предания, связанного с борьбой жителей порта аш-Шихра на востоке Хадрамаута против португальцев в начале XVI в. В НДРЙ преувеличивали национально-освободительную составляющую и преуменьшали религиозную в деятельности средневековых народных героев. В этот период даже строили сооружения, закрывающие вид на священные места.

Е.В. Гусарова (к.и.н., Отдел Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН) сделала сообщение на тему «Мусульмане среди эфиопской элиты конца XVIII в.», в котором на основе памятников эфиопской христианской историографии конца XVIII в. была представлена картина мусульманской составляющей элиты Эфиопии. Мусульмане исконно имели связи с побережьем Красного моря и внутренними территориями, что позволяло им контролировать торговые пути — источник материального обогащения. Кроме того, это открывало доступ к огнестрельному оружию, высоко ценившемуся и недостаточно распространенному на Африканском Роге.

П.В. Башарин (к.филос.н., Центр иранистики и кафедра современного Востока РГГУ, Москва) выступил с докладом «Еврейско-арабские фрагменты сказки о рыбаке и духе из собрания Авраама Фирковича Российской национальной библиотеки: к проблеме атрибуции еврейско-арабских текстов „1001 ночи“». Докладчик еще раз проанализировал свод сказок, включаемый в списки «1001 ночи», в частности сказку о рыбаке и духе, обнаруженную среди фрагментов рукописей из коллекции А.С. Фирковича, и раскрыл как содержание сочинения и языковые особенности, так и его бытование в различных культурах.

Хана Яфия Юсиф Джамиль (к.ф.н., доцент кафедры арабской филологии Восточного факультета СПбГУ) представила доклад «Клятвенные формулы в иракском диалекте». В нем были рассмотрены особенности языка на примере конкретного контекста (клятвенных формул) и определенной географической локализации (иракского диалекта арабского языка).

А.А. Мокрушина (к.ф.н., доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки (ТОРСАиА) Восточного факультета СПбГУ) прочла доклад «Юмористическая арабская проза на примере рассказов Ахмада Раджаба», познакомив слушателей с творчеством писателя.

О.А. Соколов (аспирант научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов Восточного факультета СПбГУ) выступил с сообщением «Образ крестовых походов в арабской общественной мысли и культуре XIX — начала XX в.». Крестовые походы произошли на переломном этапе развития народов Европы и Ближнего Востока. Докладчик показал, как воспринимался этот феномен интеллектуалами Арабского мира XIX — начала XX в.

В.М. Дзевановский (независимый исследователь) выбрал в качестве темы для выступления «Некоторые новые данные о биографии Ольги Сергеевны Лебедевой». Была

представлена подробная биография женщины-тюрколога, путешественницы по Европе и Ближнему Востоку, знатока нескольких восточных языков. Судьба Ольги Сергеевны тем более удивительна, если принять во внимание положение женщины во второй половине XIX — начале XX в.: ее глубокие познания заставили общество сделать для нее исключение, позволить путешествовать и допустить в научное сообщество.

Во второй день — 11 апреля 2018 г. — утреннее заседание началось с доклада Н.Н. Дьякова (д.и.н., проф., кафедра истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ) «Академик И.Ю. Крачковский (1883–1951) и испанская арабистика. К 135-летию со дня рождения ученого». Лингвисты и историки Испании испытывали и испытывают ныне неподдельный интерес к российской арабистике. Журнал «ал-Андалус» когда-то первым опубликовал некролог И.Ю. Крачковского.

О.В. Тихонова (к.ф.н., кафедра романской филологии филологического факультета СПбГУ) и Л.А. Шакунова (магистрант Восточного факультета СПбГУ) выступили с сообщением на тему «Маргиналии в коранической рукописи Т 235». Первым переводом Корана на испанский язык считается перевод, сделанный в 1455 г. Исой де Хебиром, факихом алхамы (мусульманской общины) Сеговии и городским главой. Манускрипт Т 235 (Библиотека Кастилия-Ля-Манча, г. Толедо) считается анонимным сокращенным списком с утерянного Корана на *алхамиадо*. Этой рукописью пользовались, и ее маргиналии являются ценным историческим источником и иллюстрацией периода его бытования.

А.В. Степанова (аспирант Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, преп. Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, СПб.) выступила с докладом «Искусство и символизм берберских татуировок Западного Магриба». Татуировки имеют широкое распространение среди берберов Западного Магриба. Их сюжеты разнообразны. Часто они связаны со сказками и джиннами. Аналогичные рисунки встречаются на коврах и других предметах быта.

А.Г. Белова (д.ф.н., Отдел языков ИВ РАН) выступила с докладом «Грамматические и лексические особенности древнеарабского поэтического текста», в котором рассмотрела грамматику и разного рода термины (в частности, касающиеся моря и мореплавания), используемые в доисламской поэзии, и особенности их употребления и происхождения на примерах конкретных стихотворных произведений.

Р.Г. Мамедшахов (к.ф.н., доцент Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, СПб.) выступил с сообщением на тему «Так называемое „генеральное отрицание“ в системе отрицания арабского литературного языка». Конструкции с генеральным отрицанием своеобразны. Они употребляются не столько в письменном нарративе, сколько в устной речи.

В.А. Розов (аспирант научной лаборатории по анализу и моделированию социальных процессов Восточного факультета СПбГУ) выступил с докладом на тему «Категория одушевленности и особенности использования местоимений мн.ч. ж.р. в Коране». Докладчик рассмотрел особенности употребления местоимений женского рода множественного числа по отношению к неодушевленным именам на примере коранических текстов, приведя соответствующие цитаты.

Дневное заседание было открыто докладом на арабском языке доктора ‘Умара ‘Абд ал-‘Азиза ал-‘Ани «Вклад России в издание памятников наследия арабской письменности»

الدكتور عمر عبد العزيز العاني (كلية الآداب ، جامعة البحرين) /سهام روسيا في نشر كتب التراث العربي

В нем автор подробно перечисляет издания арабских сочинений, выполненные на территории Российской империи. В определенные периоды в России (в основном в С.-Петербурге и Казани) издавалось больше арабских сочинений, чем в самом Араб-

ском мире, что объясняется как распространенностью ислама в Российской империи, так и ростом интереса, в частности в отечественных научных кругах, к Ближнему Востоку.

Д.В. Миккульский (д.и.н., Отдел памятников ИВ РАН) выступил с докладом «Новеллы в арабо-мусульманских династийных хрониках IX–X вв. По материалам базы данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв.». Интерес к теме династий и биографий был велик, и такие литературные памятники пользовались большой популярностью. Из них мы узнаём подробности о происхождении тех или иных правителей и политических деятелей. Обширный материал был собран в базу данных и ныне доступен на сайте ИВ РАН.

Е.Н. Дувакин (к.ф.н., Отдел Америки МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) сделал сообщение на тему «Стих Умайи ибн Аби-с-Салта об удоде в свете античных и африканских данных». Сюжет об удоде, зародившись в Индии или Греции, проник в Арабский мир и был разнесен арабами по всему мусульманскому Востоку и Африканскому континенту. Его древность подтверждается мифологией.

И.В. Герасимов (д.и.н., доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ) выступил с докладом «Духовная и культурная жизнь на островах Нила». Нильские острова были заселены достаточно давно. Они являются свидетелями смены культур (египетской, нубийской, христианской и мусульманской). Разные культуры оказывали определенное влияние и на духовную жизнь на островах.

М.Н. Суворов (д.ф.н., доцент кафедры арабской филологии Восточного факультета СПбГУ) выступил с докладом «Проблемы преподавания арабского языка в исламских вузах России». Выступление сопровождалось иллюстративным материалом в виде презентации, на которой демонстрировались и обсуждались примеры пособий для изучения арабского языка, издаваемых за пределами Арабского мира. Эти пособия далеки от совершенства, зачастую арабские слова передаются кириллицей, что приводит к тому, что ученики не выучиваются писать на арабике. Попытка привить учащимся арабскую грамматическую терминологию лишь окончательно запутывает их. Несовершенство учебной литературы оказывает негативное влияние на уровень подготовки учащихся.

Н.А. Успенская (к.ф.н., доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД РФ (Университет) представила доклад «Аллюзии и реминисценции в современной арабской литературе». В нем рассматривается тема взаимодействия восточной, западной и русской литератур и рассмотрены маркеры аллюзии в современных произведениях арабских и западных авторов, которые оказали влияние на развитие современной арабской литературы. Сопоставление произведений современного египетского писателя Бахи Тахира с работами Эрнеста Хемингуэя иллюстрирует отличие аллюзии от реминисценции и показывает степень влияния и взаимодействия литературных процессов различных регионов.

Н.М. Шуйская (к.ф.н., доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД РФ (Университет) выступила с сообщением на тему «Проблема героя в современной иракской прозе (конец XX в. — 2014 г.)». На материале трех романов иракских прозаиков Сами ан-Насрави, Синана Антуна и Ахмада Саадави докладчик проанализировала персонажную систему выбранных произведений. Иракские писатели изображают современную им эпоху. При этом авторы не создают героических персонажей, которые могли бы явиться прообразами граждан нового Ирака. По мнению докладчика, это связано с условиями, в которых живет страна, пережившая миллионный исход своих христиан.

П.В. Федотов (зав. Отделом «Фотонегамультимедиа» Государственного музея истории религии, СПб.) выступил с докладом «„Письма из Палестины“ учителя М.И. Овчинникова: описание жизни на Ближнем Востоке в 1893–1895 гг.». Исследуя

архивные материалы, П.В. Федотов обнаружил любопытные сведения о жизни арабов-христиан Палестины, в частности педагогов местных школ, об условиях работы в деревнях и о взаимоотношениях с местным населением в указанный период времени.

А.Г. Грушевой (к.и.н., Отдел Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН) выступил с докладом «Предыстория возникновения Палестинского общества», основанным на архивных материалах РНБ. С начала правления Александра II в центре внешней политики Российской империи стояло желание закрепиться на Ближнем Востоке. В это время возник ряд российских организаций, целью которых изначально было только обеспечение интересов паломников в Палестину. С ростом количества желающих посетить Святую Землю эти организации перестали справляться со своими задачами и перестали удовлетворять научное и церковное общества России. Тогда возникло желание создать новую структуру — Палестинское общество, которое занималось бы не только паломниками, но и образованием местных арабов-христиан, естественно рассматривавшихся как союзники России.

Н.С. Хамидова (студентка 4-го курса Восточного факультета СПбГУ) выступила с докладом «Списки ал-Камус ал-Мухит ал-Фирузабади в собрании Восточного отдела библиотеки им. Максима Горького». В докладе были перечислены списки знаменитого лексикографического сочинения ал-Фирузабади в библиотеке СПбГУ и дано общее описание сочинения.

В связи с большим количеством заявленных докладов (по сравнению с аналогичными встречами предшествующих лет) регламент их продолжительности был сокращен до 15 мин., выступлений по докладу — до 5 мин. Несмотря на это, вечерние заседания длились допоздна. После окончания официальной части сессии участники делились впечатлениями в рамках дружественных бесед.

Сессия арабистов 2018 г. превзошла предшествующие сессии постсоветского периода не только по количеству докладов, но и по популярности. По традиции сессия проводится в Арабском кабинете, однако непредвиденный организаторами наплыв слушателей привел к тому, что стулья ставили не только в кабинете, но и в коридоре. Аудитория собрала как видных специалистов по широкому спектру гуманитарных наук, связанных с Арабским Востоком, так и большое количество студентов профильных факультетов высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

The 40-th Annual Session of St. Petersburg Arabists

(St. Petersburg, April 9–11, 2018)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 132–137)

Received 25.06.2018.

Ekaterina V. Gusarova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Near East, Arabic World, the Arabic language, orientalist, Institute of Oriental Manuscripts RAS.

About the author:

Ekaterina V. Gusarova, Cand. Sci. (History), Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (ekater-ina@mail.ru).

Фрейманские чтения–2018

(Санкт-Петербург, 23 мая 2018 г.)

О.М. Чунакова

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030135

Ключевые слова: А.А. Фрейман, иранские языки и диалекты, иранская филология, турфанские рукописи.

Статья поступила в редакцию 09.06.2018.

Чунакова Ольга Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором Среднего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ochunakova@inbox.ru).

© Чунакова О.М., 2018

23 мая 2018 г. в Институте восточных рукописей РАН состоялось очередное заседание иранистического семинара «Фрейманские чтения». Целью семинара является ознакомление с новыми исследованиями в областях, которые входили в круг научных интересов крупнейшего филолога-ираниста, члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А. Фреймана (1879–1968), а именно в области сравнительно-исторического иранского языкознания, лексикологии и грамматики иранских языков и диалектов, а также текстологии памятников ираноязычной письменности. В этом году в заседании приняли участие специалисты из Института иранистических исследований Австрийской академии наук, Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного Эрмитажа (ГЭ), Института восточных рукописей РАН и один независимый исследователь. Всего было прочитано семь докладов.

В начале заседания участники почтили память безвременно ушедшего выдающегося ученого и замечательного человека, филолога-ираниста, действительного члена РАН, профессора И.М. Стеблин-Каменского (5.11.1945 — 3.05.2018), который в 2014 г. открывал первое, прошедшее после долгого перерыва, заседание данного иранистического семинара. И.М. Стеблин-Каменскому принадлежит нынешнее название семинара — «Фрейманские чтения».

Доклад К. Барбати (Институт иранистических исследований, Австрийская академия наук) (Ch. Barbati. Institute of Iranian Studies, Austrian Academy of Sciences) «Рукописная традиция и ее социальная среда. Как это рассматривать?» (“A fragmentary manuscript tradition and its social milieu. How to deal with it?”) был прочитан на англ-

лийском языке. В докладе говорилось о том, что фрагменты Берлинской Турфанской коллекции на согдийско-христианском и сирийском языках, написанные соответствующими шрифтами, относятся к религиозному и культурному наследию восточного христианства. Эти фрагменты свидетельствуют о существовании в IX–XI вв. христианских общин в Турфанском оазисе. Коллекция фрагментов, связанных хронологически и географически, состоит приблизительно из 500 фрагментов на согдийском языке (включая согдийско-сирийские двуязычные тексты), написанных восточносирийским шрифтом, примерно из 50 фрагментов на согдийском языке, написанных согдийским шрифтом, и почти из 500 фрагментов на сирийском языке, написанных восточносирийским шрифтом. Из-за фрагментарности этого материала, а также из-за отсутствия каких-либо исследований, посвященных его социальному и географическому контексту, об этих общинах известно очень мало. Автор доклада поделилась некоторыми соображениями относительно методологии, которую можно применить, чтобы получить полную информацию о людях, изготовлявших и использовавших эти рукописи.

В докладе М.С. Пелевина (СПбГУ) «Первые записи фольклорных текстов на пашто (генеалогические предания)» говорилось о том, что в ряде произведений на пашто классического периода (XVII–XVIII вв.) присутствуют не только те или иные отголоски фольклорных традиций, включая поэтические литературные обработки народных сказаний, но и собственно фольклорные тексты. Этот ценный фольклорный материал до сих пор остается почти неизученным. К числу самых ранних текстов фольклорного происхождения следует отнести генеалогические легенды и предания, которые были зафиксированы Хушхал-ханом Хатаком (ум. 1689) в «Книге о чалме» (1665) и в хроникально-исторических записях дневникового характера, фрагментарно сохранившихся в корпусе «Хатакской хроники» (1724). В докладе была приведена краткая характеристика этих текстов как образцов устной словесности, художественных элементов исторической прозы и источников племенной историографии. Содержание генеалогических рассказов, несмотря на их малочисленность и краткость, позволяет затронуть вопрос о степени их вымышленности и возможном отражении в них фактов реальной этнической истории паштунов как народа, сложившегося при участии разных этносов. Кроме того, заметный акцент в этих рассказах на этимологии этнонимов подтверждает их функцию именно как народного знания, т.е. фольклора в исходном смысле этого понятия.

В докладе Ю.А. Иоаннесяна (ИВР РАН) «Глагольные префиксы как дифференциальный признак между иранскими диалектами» было отмечено, что крайне важным морфологическим дифференцирующим признаком между хорасанской и афганотаджикской диалектными группами персидско-дари-таджикского лингвистического континуума выступают префиксальные, или приставочные, глаголы. Речь идет о глаголах, содержащих в своем составе морфологически выделяемые префиксы (превербы) словообразовательного назначения *dar-*, *bar-* и некоторые другие, однако показательными в интересующем нас аспекте выступают именно эти два. Развитие префиксальных глаголов в хорасанских диалектах пошло по той же линии, что и в других персидских диалектах на территории Ирана, и принципиально отлично от развития тех же глаголов в говорах таджикских и дари Афганистана (за исключением бытующих на северо-западе страны и лингвистически относящихся к хорасанской группе диалектов). Это значимое для диалектной классификации отличие выражается в том, что формообразующие префиксы в хорасанских говорах ставятся в личных формах глаголов между словообразующими префиксами *bar-/var-* (*war-*, *va-*, *vor-*), *da(r)-*

и собственно основой, тогда как в говорах таджикских и дари словообразующие префиксы в данных глаголах неотделимы от основы.

П.Б. Лурье (ГЭ) в докладе «Еще раз о манихейских сказках» отметил, что ряд последних публикаций манихейских турфанских текстов существенно расширили круг наших знаний о сказках, или притчах, манихеев. Некоторые аналогичные тексты готовятся к публикации, а недавняя повторная публикация согдийской «Книги притч», подготовленная Адамом Бенкато, снабжена подробным анализом бытования, целей и задач этих текстов. В докладе автор представил свой взгляд на среднеазиатские фольклорные корни этих сказок, дал новую трактовку читательских (вернее, ученических) колофонов на рукописях притч, предложил поместить ряд дошедших фрагментов в сюжет сказки о пасынке (или нелюбимом сыне) и сопоставил этот текст с хорошо известной пенджикентской росписью.

В докладе А.И. Колесникова (ИВР РАН, ГЭ) «„О Боже, айван затащило на Кайван“ (к семантике астральной метафоры)» была предпринята попытка осмысления двух метафор в персидском тексте, обрамляющем миниатюру в Альбоме *муракка* (XVII в.) из собрания ИВР РАН. В результате их сопоставления с семантикой астральных метафор в персидском национальном эпосе «Шах-наме» автор пришел к выводу, что метафоры при миниатюре следует считать продолжением (второй частью) обращения к Богу — восхвалением Всевышнего за все блага, дарованные при жизни.

В докладе А.А. Амбарцумяна (независимый исследователь) «О характере языка двух газелей из „Дивана“ персоязычного поэта Бадра Ширвани (XV в.): новый вариант реконструкции» говорилось о новой попытке реконструкции и отождествления языка стихов Бадра Ширвани, написанных на одном из северо-западных иранских диалектов. К стихам этого поэта докладчик уже обращался в своем выступлении, сделанном на Фрейманских чтениях—2015. Трудность реконструкции текста связана с отражением диалекта XV в., особенностями арабо-персидской графики, значительным влиянием персидского языка и многочисленными ошибками переписчиков. В результате тщательного лингвистического анализа и реконструкции текста докладчик пришел к выводу, что язык газелей не является одним из гилянских диалектов, а, как следует из грамматических особенностей, скорее близок к диалектам талышского языка и диалектам группы «тати» (так называемым «мидийским»). Наличие фонемы *ħ* свидетельствует о большей близости к североталышским диалектам.

О.М. Чунакова (ИВР РАН) в сообщении «„Павлин“ и „правители“ в согдийском фрагменте SI 5584» напомнила, что в согдийском фрагменте, представляющем собой половину свитка, сохранилось 10 слов на пяти строках, но четко читаются и того меньше. Среди них — имена «павлин» и «правители». Первое имя в опубликованных текстах до сих пор не встречалось, так что атрибутировать фрагмент было бы очень заманчиво. Ёсида, впервые прочитавший это имя, считал его определением к последующему существительному, стоящему в номинативе множественного числа. Однако аблатив сохранившегося окончания определения к имени «павлин» позволяет считать и само имя как стоящее в аблативе, а не являющееся определением второго слова, стоящего в прямом падеже. К сожалению, буддийского текста, точно соответствующего данному фрагменту, найти пока не удалось, но можно предположить, что речь в нем идет о павлине и правителях, пытающихся его изловить, и в этом случае данный согдийский пассаж можно сравнить с известной джатакой о золотом павлине, написанной на пали и широко распространенной среди буддийской школы тхеравада.

Тематика всех докладов соответствовала научным интересам А.А. Фреймана. Выступления продемонстрировали, что их авторов объединяет понимание значимости текстологического изучения источников, и подтвердили продолжение традиций петербургской иранистической школы.

Следующее заседание семинара «Фрейманские чтения» пройдет в мае 2019 г.

Seminar in Memory of A.A. Freiman–2018

(St. Petersburg, May 23, 2018)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 138–141)

Received 09.06.2018.

Olga M. Chunakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: A.A. Freiman, Iranian languages and dialects, Iranian philology, Turfan manuscripts.

About the author:

Olga M. Chunakova, Dr. Sci (Philology), Leading Researcher, Head of the Section of Middle Eastern Studies, the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (ochunakova@inbox.ru).

Рецензия на книгу:

Алаев Л.Б.

Историография истории Индии.

Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАРД, 2018. — 400 с. — ISBN 978-5-9710-4929-6

Е.П. Островская

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030147

Ключевые слова: индология, история Индии, эволюция исторических знаний.

Рецензия поступила в редакцию 15.07.2018.

Островская Елена Петровна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ost-alex@yandex.ru).

© Островская Е.П., 2018

Книга Леонида Борисович Алаева «Историография истории Индии», вышедшая в свет вторым, исправленным и дополненным, изданием, вызывает чрезвычайно значительный интерес. В ней тщательно воссоздана панорама эволюции исторического познания Индии в британской, индийской, российской науке и научных школах некоторых других стран, выявлен широкий спектр факторов, обусловивших становление и трансформацию подходов к проблеме изучения средневековой, новой и новейшей истории Индии, очерчены биографические портреты ученых и емко изложено содержание наиболее репрезентативных исторических трудов. Эта книга является в полном смысле слова энциклопедией историографических идей и парадигм описания исторического процесса на Индийском субконтиненте.

Во введении к исследованию даются типологические характеристики идейной направленности британской, индийской и российской историографии Индии. В связи с британской школой, становление которой началось в конце XVIII в., Л.Б. Алаев отмечает не только ее первичность относительно времени появления прочих национальных школ, но и генетически свойственную ей ориентацию на имперские интересы. Он подчеркивает, что индологические сочинения, создававшиеся британскими историками в XIX в., были, по существу, посвящены истории англичан в Индии и демонстрации улучшений, привнесенных колонизаторами в жизнь этой страны.

Индийскую историческую науку, несмотря на наличие в ней различных школ, Л.Б. Алаев определяет как полностью националистическую: «Она избирает разные

пути, но к одной цели — показать, что индийцы не уступали и не уступают европейцам и либо достойны занять место в мире, равноправное с другими нациями, либо — в крайних проявлениях национализма — превыше всех других и скоро займут место мирового лидера» (с. 9).

В характеристике отечественной школы акцентируются ее исходно марксистская направленность на изучение классовой борьбы в индийском обществе, конфронтационность по отношению к империалистическому мировому порядку, антиколониальный идейный настрой. По наблюдениям Л.Б. Алаева, российская школа, даже отказавшись от марксистской методологической парадигмы на постсоветском этапе своего развития, продолжает сохранять конфронтационный тип мышления относительно западных стран, что сближает ее с индийской исторической наукой.

В качестве новейшего явления автором упоминается формирование международной — англо-американо-канадско-японской — индологии. Но, к сожалению, методологическая и содержательная специфика данного феномена остается не раскрытой.

В русле вышеуказанных типологических характеристик и разворачивается дальнейшее исследование, распределенное в пяти главах: «Изучение истории Индии в XIX веке», «Историография между двумя мировыми войнами», «Советская историография истории Индии во второй половине XX века», «Историческая наука независимых Индии и Пакистана», «Последнее». Каждая из них разделена на тематические параграфы, эксплицирующие поэтапно обогащение проблематики исторических исследований.

В первой главе детально показано, как в работах британских исследователей — просветителей, утилитаристов, романтиков-ориенталистов — закладывался источниковый и фактографический фундамент изучения истории Индии, формулировались основополагающие историографические идеи, получившие последующее развитие в науке XX в. С неослабевающим интересом читается параграф, посвященный возникновению историографического феномена индийской сельской общины (с. 45–53). Важно сказать, что Л.Б. Алаев, излагая принципы типологического подхода к изучению общины, сформулированные в трудах Б.Г. Баден-Пауэлла, попутно выявляет их влияние на выдвинутую в конце XIX в. русским социологом М.М. Ковалевским концепцию экономического роста в докапиталистическом хозяйстве. Вместе с тем справедливо отмечается беспричинная невостребованность идей этого британского исследователя в практике социологов и этнографов, изучавших индийские деревни во второй половине XX в.

В этой же главе рассматриваются ранние британские труды, посвященные индийскому освободительному движению, и процесс зарождения индийской исторической науки. Л.Б. Алаев документально вскрывает амбивалентное отношение индийских историков к британской науке — готовность осваивать позитивистские методы исторического исследования, но не принимать во внимание критерий объективности как основной принцип историзма. Однако отмечен и приоритет индийских ученых, положивших начало историографии раннесредневековой Индии (с. 87).

В сравнительно большом по объему параграфе анализируется тема истории Индии в наследии Карла Маркса (с. 70–85). Автор подводит читателя к выводу, что «сочинения К. Маркса, посвященные Индии или касающиеся ее проблем, дают *цитатный ряд* (курсив Л.Б. Алаева. — *Е.О.*) как для сурового приговора британским колонизаторам, так и для положительной оценки их вклада в дальнейшее развитие Индии» (с. 84).

Суммируя во второй главе итоги рассмотрения колониальной историографии, Л.Б. Алаев подчеркивает, что господствовавшая в ней на протяжении XIX в. идея прогресса, достигаемого колонией под водительством британской власти, сменяется на рубеже XX в. тезисом о Ренессансе Индии, начавшемся благодаря оплодотворяющему воздействию британской цивилизации. Этот тезис, как показано далее, был

реинтерпретирован индийскими политическими деятелями и культурологами, утверждавшими, что Ренессанс имеет в Индии автохтонный характер и проявляется в возрождении доколониальной индусской культуры и религиозно-философской мысли.

В процессе развития индийской исторической науки до Второй мировой войны выявлены две тенденции: стремление к использованию строгих источниковедческих методов, разработанных германской критической школой, и формирование националистических смысловых доминант (представлений об изначальном национальном единстве Индии, об историческом первенстве Индии в установлении демократии в виде сельских общин, о величии древней Индии как морской державы, доминировавшей в акватории Индийского океана и обладавшей колониальными владениями). Рельефно охарактеризованы и историографические идеи мусульманских ученых, заявивших о себе в начале 1920-х годов трудами о Делийском султанате и Могольской империи. Прослежен и этап возникновения южноиндийской исторической школы, уделявшей преимущественное внимание исследованию социально-экономических отношений в период раннего Средневековья на материале эпиграфических источников.

О пробудившемся в начале XX в. интересе индийских историков к изучению освободительного движения автор говорит весьма лаконично. В их работах он отмечает наряду с героизацией участников Сипайского восстания тенденцию к отождествлению антиколониальной борьбы только с деятельностью Индийского национального конгресса и возвеличиванию роли М.К. Ганди.

Становление советской школы, происходившее в тот же период, освещается с позиций жесткой критики ленинизма как базовой методологии индологических исследований 1920–1930-х годов. Л.Б. Алаев демонстрирует политическую ангажированность советских историков Индии и тематическую связь их трудов с задачами Коминтерна, доказательно констатирует ограниченность научной проблематики вопросами новейшей истории, освободительной борьбы, колониальной политики, оценки личности и деятельности Ганди. Но наряду с этим указывается и тот факт, что применительно к Индии «положение крестьянства и рабочего класса, рабочее и крестьянское движения стали изучаться в СССР раньше, чем в других странах» (с. 163). Раздел богат весьма колоритными подробными биографическими портретами ученых на фоне политических коллизий эпохи, что особенно ценно для истории российского востоковедения.

В третьей главе полномасштабно экспонируется структура проблематики исследований, проводившихся советскими историками Индии во второй половине XX в. Детально излагаются историографические идеи, выдвинутые коллегами автора и им самим как непосредственным участником научного процесса. Показано, что в тот период советские индологи разработали рациональную концепцию индийского национально-освободительного движения, дистанцированную от идеологического пафоса разоблачений империализма, существенно расширили тематический диапазон исследований, охватив своим вниманием процессы духовной жизни индийского общества, а также приступили к изучению раннесредневекового периода в истории Индии.

Поистине грандиозный объем историко-научной информации виртуозно препарирован в четвертой главе, где рассматривается путь, пройденный за многие десятилетия исторической наукой независимых Индии и Пакистана. Анализируются основные сюжеты идейной битвы за историю, начавшейся в Индии в середине 1930-х годов и продолжающейся до сих пор, характеризуются научные связи индийских и российских историков. Показано, что важным предметом научной дискуссии в независимой Индии стала проблема оценки британского колониализма и противостоявшего ему националистического движения. Обращаясь к пакистанской ветви индийской исторической науки, Л.Б. Алаев обсуждает ее магистральную историографическую идею — пред-

ставление о неизбежности появления Пакистана на политической карте Индийского субконтинента в силу существования на подчиненной британцам территории двух наций (мусульманской и индусской). В связи с этим экспонируются противостоящие точки зрения мусульманских историков на Индскую цивилизацию — идеи ее «присвоения» в качестве собственного исторического прошлого или отторжения (призыва к уничтожению археологических памятников как артефактов чужеродной культуры). Рассматривается в этой главе и новый для индийской исторической науки феномен сотрудничества с американскими, германскими и японскими индологами.

Завершающая глава состоит из трех параграфов — «Изучение истории Индии в других странах», «Судьба истории в Индии», «Постсоветская историография». Автор утверждает, что британская школа приобрела в последние десятилетия XX — начале XXI в. интернациональный характер, а индийская состоит теперь по преимуществу из специалистов, обучавшихся в Великобритании и США. По мнению Л.Б. Алаева, именно США являются ныне центром изучения истории Индии, так как там проживают и работают английские и индийские ученые, занятые в этой области исследованиями (с. 338). В описании молодой американской индологии демонстрируется ее генетическая связь с антропологией. Кратко повествуется о германской исторической школе в индоведении, возникшей после Второй мировой войны в ГДР, и о развитии индологии в Японии, где практикуется координация археологических, исторических и антропологических исследований.

Что касается процессов, происходящих в индийской исторической науке, то в анализе этого вопроса автор сосредоточился на критике попыток радикальных националистов, не имеющих зачастую профессиональной научной подготовки, превратить историю в служанку индусского великодержавия.

Рассуждая о российской науке постсоветского периода, Л.Б. Алаев вполне оправданно констатирует ослабление исследовательской работы в области истории Индии, обусловленное недостаточным притоком молодых кадров, уходом из жизни многих ученых старшего поколения, а также распространением в среде востоковедной молодежи мнения о неперспективности карьеры индолога-историка. Однако, как показано, за последние десятилетия в России были опубликованы многие очень интересные работы по разным аспектам социально-экономической и культурной истории Индии и обобщающие труды, в том числе фундаментальные монографии самого Л.Б. Алаева.

«Историография истории Индии» вызывает восхищение исключительной глубиной и энергичностью научной мысли. Но все же позволю себе высказать кое-какие критические соображения, касающиеся введения к книге. Автор, объясняя принцип архитектуры своего исследования, говорит о роли глобализации знания: «В последние десятилетия упомянутая глобализация лишает смысла деление материала по национальным школам. Это свидетельство определенной степени зрелости нашей науки. Можно говорить о мировой индологии...» — и обещает учесть данное обстоятельство в последней главе путем выявления новейших тенденций в науке разных стран (с. 8). Здесь было бы важно определить, в чем именно проявляется глобализация индологического знания, демонстрирующая зрелость этой отрасли востоковедения, и какое обновленное содержание вкладывается автором в давно функционирующее понятие «мировая индология». Да и в завершающей главе стоило бы выявить связь современных направлений изучения истории Индии с процессом глобализации знания.

Не вполне убедительно, на мой взгляд, выглядит стремление автора банализировать содержание книги Эдварда Саида «Ориентализм» — свести весь ее смысл к критике европейского востоковедения и к закреплению за термином «ориентализм» негативной коннотации (с. 9). Может быть, уместно было бы сказать, что Эдвард Саид поставил

вопрос о многомерных связях востоковедного знания с властью европейских метрополий над колонизированным Востоком. «Ориентализм», как известно, стал манифестом так называемых «постколониальных исследований» — совокупности методологически и дисциплинарно разнородных, но тематически взаимосвязанных проектов, ориентированных на преодоление культурной и интеллектуальной зависимости незападного мира от западных образцов и прототипов. Между тем Л.Б. Алаев почему-то не счел необходимым упомянуть об этом не только во введении, где дается оценка книги Саида, но и в конце четвертой главы, где вскользь говорится о «постколониальном дискурсе» как о солидном направлении в современной мировой историографии (с. 330). И это тем более удивительно, что рецензия Л.Б. Алаева на книгу Саида была опубликована в сборнике статей «Ориентализм vs ориенталистика» (М.: ООО «Садра», 2016. С. 16–26), посвященном именно «постколониальным исследованиям».

Мне представляется дискуссионной безоговорочная солидаризация Л.Б. Алаева с теми индийскими учеными, в чьих трудах антиисторизм объявляется типологической особенностью индийской цивилизации и высказывается скепсис в адрес сторонников иной точки зрения. Эту обозначенную во введении позицию автор иллюстрирует характерными цитатами: «Индийский историк Н. Субрахмиан признает отсутствие у индийцев *исторического сознания* (курсив Л.Б. Алаева. — *Е.О.*), но не видит в этом трагедии: „Защитники индийской культуры вместо того, чтобы утверждать недоказуемое, могли бы заявить, что нет ничего существенно неправильного, нелогичного, глупого или ложного в отвержении преходящего; что жизнь не зависит от принятия исторических ценностей. Необходимо допустить, что определенный образ жизни не требует исторического сознания как точки опоры“. Другой индийский историк (Винай Лал. — *Е.О.*) придерживается того же мнения: „Никаких извинений, я считаю, не надо приносить по поводу отношения индийцев к историческому знанию. Его отсутствие должно пониматься не как недостаток, но как форма принципиальной забывчивости, отказ от признания истории закономерной формой знания“. Он даже видит в этой особенности преимущество своей цивилизации...» (с. 10). В своем согласии с цитируемыми мнениями Л.Б. Алаев исходит из факта несуществования в Индии собственной историографической традиции до мусульманских завоеваний — отсутствия «своей исторической школы» (с. 9).

У меня подобные рассуждения вызывают сомнения не потому, что они могут трактоваться как неполиткорректные, а в силу неприемлемости позитивистского отождествления исторического сознания с историографической традицией. Как известно, в эпоху тотального господства религиозных идеологий летописание представляло собой разновидность наррации, смысл которой фундировался не наличным историческим процессом, а историософскими учениями. И именно они выступали в ту эпоху специфической формой объективации исторического сознания. Ортодоксальные и неортодоксальные религии Индии способствовали появлению богатого спектра историософских концепций, легитимирующих определенные типы осмысленной исторического времени. Но возникновению исторической школы препятствовали в Индии как минимум два фактора — раннее становление теоретических представлений о средствах достоверного знания (*санскр.* *грамāṇa*) и идеализация грамматики Панини в качестве парадигмы изложения исследуемого предмета. По отношению к разработанным в индийской культуре эпистемологическим критериям любое повествование о прошлом оставалось на статусе легенды, не обладающей необходимым теоретико-познавательным основанием. Попутно замечу, что именно буддийская историософская концепция, возникшая и достигшая логико-дискурсивной зрелости в Индии до мусульманских завоеваний, породила богатую историографическую тра-

дицию в Тибете. Но почему-то это заслуживающее пристального внимания культурно-историческое явление не присутствует в поле зрения ученых, убежденных в анти-историзме индийской цивилизации.

Впрочем, рассуждения об отсутствии у индийцев исторического сознания приводятся Л.Б. Алаевым лишь в качестве пролога к не вызывающему никаких возражений тезису: «...современная историография истории Индии начинается с британцев (англичан и шотландцев) и продолжается затем как развитие ранних британских исторических идей или как борьба с ними» (с. 11).

Отмечая чрезвычайную узость социальной базы современной науки в Индии, автор резюмирует собственные наблюдения: «Для индийца, не только „темного“ и неграмотного, а и вполне интеллигентного, мифы о героях древности — *Махабхарата*, *Рамаяна*, *пураны* (курсив Л.Б. Алаева. — *Е.О.*) — столь же реальны и даже более реальны, чем любое знание, добытое трудом историка. Изучая историю в школе и колледже, индиец не заменяет новыми знаниями впитанные в детстве сюжеты эпоса, а каким-то образом совмещает в себе те и другие. В случае конфликта между мифом и историей он предпочтет миф. В этом глубинная причина многих последних процессов в культурной эволюции Индии...» (Там же). Это суждение опытного ученого-индианиста свидетельствует, на мой взгляд, о том, что архаичная форма исторического сознания является типологической чертой индийской национальной ментальности, и в ситуации когнитивного диссонанса именно она выступает смыслопорождающей моделью понимания исторических событий и механизмом социокультурной селекции исторических знаний.

«Историография истории Индии» побуждает читателя задуматься о многих проблемах исторического познания, о настоящем и будущем науки истории в странах Южной Азии. Это обновленное автором произведение, несомненно принадлежащее к разряду классических научных трудов, сослужит добрую службу не одному поколению российских индологов.

Review of the book:

L.B. Alaev

The Historiography of History of India.

2nd revised edition. Moscow: LENARD, 2018. 400 pp.

ISBN: 978-5-9710-4929-6 (in Russian).

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 142–147)

Received 15.07.2018.

Helena P. Ostrovskaia

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: indology, history of India, the evolution of historical knowledge.

About the author:

Helena P. Ostrovskaia, Dr. Sci. (Philosophy), Researcher-in-Chief, Head of the Section of South Asian Studies, the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (ost-alex@yandex.ru).

Рецензия на книгу:

Концевич Л.Р.

**Словарь географических названий Республики Корея:
справочное пособие /**

Л.Р. Концевич; Ин-т востоковедения РАН. —
М.: Наука — Вост. лит., 2018. — 733 с., карты-схемы. —
ISBN 978-5-02-039809-2.

Ю.В. Болтач

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030159

Ключевые слова: транскрипция корейского языка, корейские географические названия, административное деление Республики Корея, физическая география Республики Корея.

Рецензия поступила в редакцию 15.07.2018.

Болтач Юлия Владимировна, канд. исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (julia.boltach@gmail.com).

© Болтач Ю.В., 2018

Изучение корейских географических названий составляет весьма интересную и актуальную отрасль корееведения. С академической точки зрения, корейские топонимы представляют собой источник интереснейшей информации по этнографии, истории и традиционной культуре Кореи, равно как и по истории корейского языка. Кроме того, научное исследование корейской топонимики имеет важное прикладное значение, позволяя, в частности, устранить накопившиеся в последние годы ошибки и разночтения в передаче корейских названий русским алфавитом и унифицировать их транскрипцию. Решению последней задачи и посвящено рецензируемое издание.

Словарь открывается предисловием, в котором рассматриваются общие проблемы транскрипции корейских названий в русскоязычных текстах. Автор выделяет несколько основных причин существующего ныне разноречия в написании корейских топонимов по-русски — наличие объективного несходства между фонетическим строем корейского и русского языков, ориентация на диалектные варианты произношения, сосуществование нескольких систем передачи корейских слов буквами русского алфавита (и элементарное незнание этих систем многими авторами), параллельное использование официальных и местных названий одного и того же объекта, равно как и малая доступность инструкции 1972 г. с правилами передачи по-русски корейских географических названий.

Для устранения разночтений в русской орфографии корейских географических названий автор словаря предлагает принять в качестве общеобязательной свою систему транскрипции, описываемую в отдельном разделе вводной части. В целом эта транскрипция основана на классической системе А.А. Холодовича (1906–1977), но с некоторыми изменениями (например, в ряду *ч – чх – чж* звонкий согласный *чж* предлагается передавать как *дж*, что, с нашей точки зрения, нарушает логику исходной системы, поскольку русская буква *д* ассоциирована совсем с другим рядом корейских согласных — рядом *т – тх – д*). Этот раздел также содержит удобные справочные таблицы по фонетике корейского языка, включая сводные таблицы сравнения предлагаемой системы транскрипции с двумя вариантами латинизации — использовавшейся с 1940-х годов системой Маккьюна–Рейшауэра и принятой в Республике Корея с 2000 г. «новой романизацией».

Далее рассматриваются особенности корейской топонимики — параллельное существование ханмунных и исконно корейских названий, а также нашедшие свое отражение в топонимике лексические, орфографические и орфоэпические различия между Севером и Югом Кореи. В этом же разделе детально формулируются правила передачи корейских топонимов по-русски — рассматривается проблема выбора между переводом и транскрипцией названий, между их слитным, отдельным и дефисным написанием, равно как и проблемы, относящиеся к подчинению этих названий правилам русской грамматики — склоняемости/несклоняемости, а также способности участвовать в русском словообразовании.

Очень полезен и удобен вынесенный отдельной рубрикой сводный список корейских географических терминов, в котором приводятся их написания по-корейски, в иероглифике и в русской транскрипции, а также перевод. Не менее ценный и полезный список географических номенклатурных терминов и компонентов образует отдельное приложение к вводной статье.

Первый раздел основной части словаря посвящен административно-территориальному делению Республики Корея и включает в себя вводную описательную статью, а также таблицы географических названий. Каждая таблица содержит: (1–3) корейское название в русской транскрипции, краткое описание соответствующего объекта и его локализацию; (4–5) написание этого названия корейским алфавитом и иероглифами, (6–7) латинизацию в «новой романизации» 2000 г. и в системе Маккьюна–Рейшауэра. Названия сгруппированы по территориальному принципу — первая таблица посвящена Сеулу, после чего следуют семь таблиц по топонимике городов-метрополисов, и в заключение — девять таблиц по топонимике провинций.

Второй раздел включает в себя аналогично построенные таблицы, посвященные названиям физико-географических объектов — островов и полуостровов, хребтов и перевалов, гор и вершин, равнин и плоскогорий, подводных скал, ущелий и долин, пещер, морей, проливов, заливов и бухт, рек, озер и водохранилищ, водопадов и источников.

В отдельный раздел вынесены названия, относящиеся к транспортной инфраструктуре Республики Корея — аэропортам, автодорожной и железнодорожной сети, тоннелям, мостам и морским портам.

Наконец, четвертый раздел содержит названия различных историко-культурных достопримечательностей — дворцов, монастырей, крепостей, гробниц правителей, парков и пляжей.

Словарь снабжен иллюстрациями и картами-схемами, дающими наглядное представление о рассматриваемых географических объектах.

В список литературы включено более двухсот источников и исследований, около половины которых — на корейском языке.

Значительную часть издания занимают четыре больших индекса: русский, корейский и два латинских (в «новой романизации» и по системе Маккюна–Рейшауэра). Очень жаль, что ограниченный объем словаря не позволил составителям включить в него еще и иероглифический индекс, который был бы весьма полезен представителям смежных востоковедных специальностей, знающим иероглифику, но не знакомым с корезированными чтениями иероглифов.

В качестве дополнения в словарь помещен список русских и западноевропейских названий, использовавшихся на старых картах Кореи.

Словарь снабжен англоязычной аннотацией и английским переводом оглавления.

В целом данное издание представляет собой ценнейшее справочное пособие, содержащее огромный объем важнейшей информации по корейским географическим названиям. Его описательные разделы дают хорошее общее представление о физической географии и административном делении Республики Корея, а справочные таблицы позволяют локализовать корейские топонимы, уточнить их иероглифическое написание, идентифицировать устаревшие названия, а также (для пользователей, не владеющих корейским языком) корректно передать романизированные топонимы русскими буквами. Возможно и практическое применение данного издания в преподавании соответствующих дисциплин студентам-корейцам — достаточно сказать, что с этого учебного года в программу корейского отделения РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) включен спецкурс по корейской топонимике, основным пособием по которому служит как раз этот словарь. Вне всякого сомнения, это издание будет широко востребовано отечественными востоковедами, а также географами, картографами и всеми теми, кому по роду своей деятельности приходится иметь дело с корейскими географическими названиями. В связи с этим нельзя не отметить единственный существенный недостаток словаря, а именно — его тираж (всего 150 экземпляров). К сожалению, в результате это издание оказалось недоступным даже некоторым профессионально заинтересованным в нем специалистам, не говоря уже о более широком круге читателей, поэтому остается только надеяться на скорое появление анонсированной автором электронной версии этой книги.

Возвращаясь к типографскому изданию словаря, отметим в заключение, что с точки зрения технической точки зрения эта публикация выполнена очень хорошо. Для книги выбран весьма удачный формат, позволяющий удобным для читателя образом разместить на странице весьма объемные таблицы. Особо следует отметить прекрасный подбор шрифтов (в частности — изящное начертание иероглифики, имитирующее традиционное письмо кисточкой) и очень «читабельную» верстку, сильно облегчающую работу с книгой. Текст, несмотря на огромный объем и высокую степень технической сложности, хорошо вычитан — в нем не заметно никаких сбоев в шрифтах, верстке или оформлении. Высоким качеством отличается и графический материал — все карты и фотографии подготовлены к печати так, что в них легко читаются самые мелкие детали.

Подводя итог, можно с полным правом сказать, что рецензируемый словарь по всем параметрам — как содержательным, так и техническим — принадлежит к числу изданий, выполненных на очень высоком уровне, и что он будет долгое время востребован самым широким кругом читателей.

Review of the book:

Lev R. Kontsevich

Dictionary of Place Names of the Republic of Korea: A Reference Book /

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow: Nauka — “Vostochnaya Literatura” Publishers, 2018. 736 pp., maps and ill.

ISBN 978-5-02-039809-2 (in Russian).

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 148–151)

Received 15.07.2018.

Julia V. Boltach

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: transcription of the Korean language, Korean place names, administrative divisions of the Republic of Korea, physical geography of the Republic of Korea.

About the author:

Julia V. Boltach, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (julia.boltach@gmail.com).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» издается четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

Над номером работали:

С.М. Анিকেева, Т.А. Анিকেева, Я.Б. Гейшерик, А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова, А.Е. Танчарова, И.И. Чернышева

К сведению читателей журнала «Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 119049, Москва, Мароновский пер., 26 — www.vostlit.ru

Подписано к печати 31.10.2018. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,3

Усл. кр.-отт. 13,5. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 500 экз. Изд. № 8688. Зак. №

Отпечатано: ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6